

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

М. ГОРЬКИЙ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

II

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. Д. БАЛУХАТОГО и В. А. ДЕСНИЦКОГО

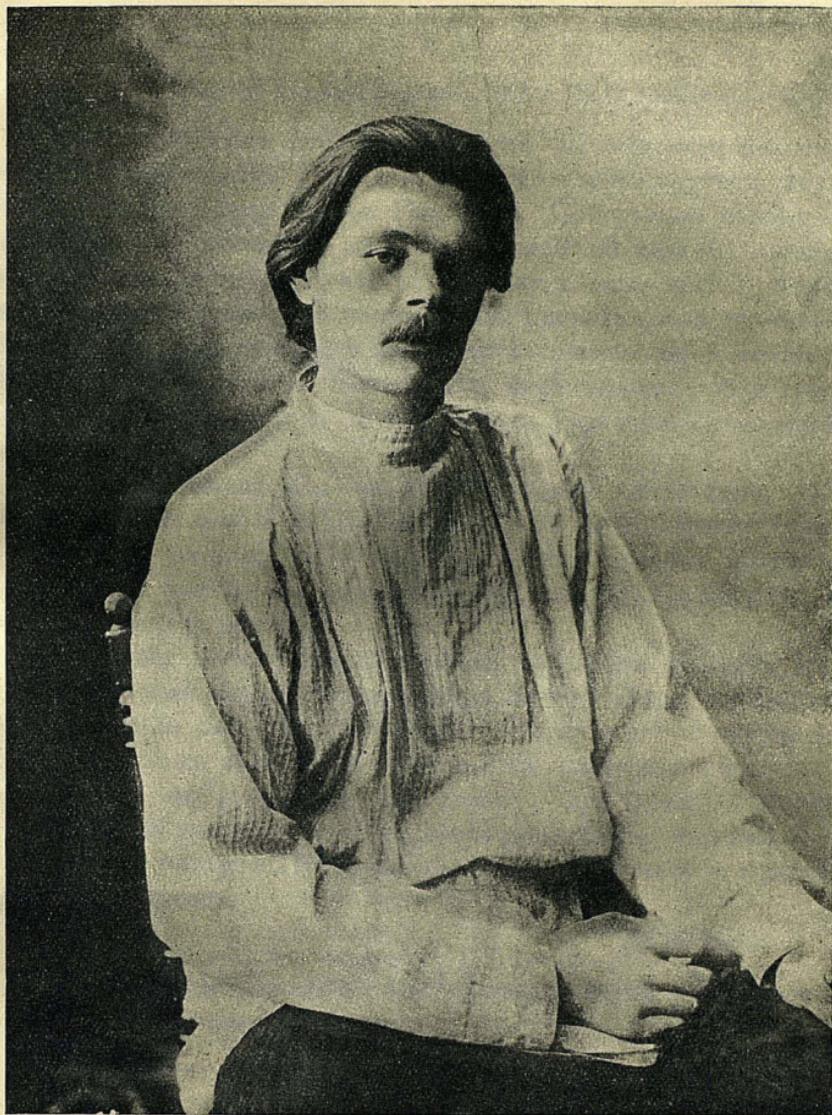
ПИСЬМА М. ГОРЬКОГО К А. П. ЧЕХОВУ

Публикуемые 53 письма, записки и телеграммы М. Горького к А. П. Чехову сохранились в личном архиве А. П. Чехова и были переданы в 1922 г. сестрой писателя М. П. Чеховой в московский Музей им. А. П. Чехова, реорганизованный впоследствии в Литературный музей при Всесоюзной Публичной библиотеке им. Ленина.

Письма печатаются по оригиналам без соблюдения старой орфографии, но с полным сохранением, за исключением немногих случаев, авторской пунктуации. Письма не датированы, не сохранились и конверты, которые дали бы возможность определить даты по почтовым штемпелям. Удалось установить только год и месяц и, в некоторых случаях, лишь приблизительные числа написания письма. Почти на всех письмах проставлена карандашом, чаще всего на первой странице вверху, рукою А. П. Чехова, дата письма (год и месяц). Эти пометки были сделаны А. П. Чеховым, повидимому во время разборки своего архива, а не непосредственно по получении писем, так как есть случаи, когда даты поставлены им неправильно. При установлении дат эти пометки А. П. Чехова принимались нами во внимание только как даты ориентировочные.

Если судить по ответным письмам А. П. Чехова к М. Горькому, письма М. Горького сохранились полностью, и скорее отсутствует, среди имеющихся в печати писем А. П. Чехова, какая-то часть последних писем.

В комментариях приводятся выдержки из неопубликованных писем М. Горького к Л. В. Средину и А. П. Чехова к А. Ф. Марксу. Эти письма хранятся в Литературном музее (Москва). Приведенные также в комментариях выдержки из неопубликованных писем к А. Чехову В. А. Поссе, В. С. Миролюбова, К. П. Пятницкого и др. (из личного архива А. Чехова) хранятся в рукописном отделе Всесоюзной Публичной библиотеки им. Ленина. Выдержки из известных в печати писем А. Чехова взяты из следующих изданий: Письма А. П. Чехова, тома V и VI, под ред. М. П. Чеховой — изд. Книгоиздательства писателей, М., 1915—1916, где опубликованы письма А. П. Чехова к М. Горькому; А. П. Чехов. „Новые письма“, под ред. Б. Модзалевского — изд. „Атеней“, М., 1922; Письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой — изд. „Слово“, Берлин, 1924. Во всех остальных случаях источники приведенных в комментариях цитат указываются особо.

Антон Павлович Чехову. Шершкий

1900 г. — Фото (Литературный музей им. Чехова в Таганроге)

1

[Октябрь или начало ноября 1898 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

В. С. Миролюбов сообщил мне, что вы выразили желание получить мои книжки. Посылаю их и, пользуясь случаем, хочу что то написать вам Антон Павлович. Собственно говоря — я хотел бы объясниться вам в искреннейшей горячей любви, кою безответно питаю к вам со времени молодых ногтей моих, я хотел бы выразить мой восторг пред удивительным талантом вашим тоскливым и за душу хватающим, трагическим и нежным, всегда таким красивым, тонким. Эх, чорт возьми, — жму руку вашу, — руку художника и сердечного, грустного человека должно быть — да?

Дай боже жизни вам во славу русской литературы, дай боже вам здоровья и терпенья — бодрости духа дай вам боже!

Сколько дивных минут прожил я над вашими книгами, сколько раз плакал над ними и злился, как волк в капкане и грустно смеялся подолгу.

Вы может быть тоже посмеетесь над моим письмом ибо чувствую, пишу ерунду, бессвязное и восторженное что то, но это видите-ли потому все так глупо что исходит от сердца — увы! Глупо даже если оно и велико — вы сами знаете это.

Еще раз жму руку вашу. Ваш талант — дух чистый и ясный но опутанный узами земли — подлыми узами будничной жизни — и потому он тоскует. Пусть его рыдает — зов к небу и в рыданиях ясно слышен.

А. Пешков

Может захотите написать мне? Прямо Нижний — Пешкову, а то „Нижегородский Листок“.

Письмо на трех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. — Ответное письмо А. Чехова от 16 ноября 1898 г., в котором он пишет: „Ваши письмо и книги давно уже получил, давно собираюсь написать Вам“, дает возможность предполагать, что письмо М. Горького написано в октябре — начале ноября 1898 г.

В. С. Миролюбов сообщил мне — Виктор Сергеевич Миролюбов — общий знакомый А. Чехова и М. Горького. Был артистом-певцом Московского Большого театра, где выступал под псевдонимом — Миров. С января 1898 г. за-

нялся издательской деятельностью. Был редактором-издателем ежемесячного литературного и научно-популярного журнала „Журнал для всех“. Об умелом ведении В. Миролубовым журнала, в котором сотрудничали лучшие беллетристы того времени—А. Чехов, М. Горький, Л. Андреев, Е. Чириков, А. Куприн и пр.—писал М. Горький в своей рецензии об этом журнале, напечатанной в газете „Нижегородский листок“ 19 октября 1898 г.: „... Можно с уверенностью сказать, что он [„Журнал для всех“] строго выполняет одну из своих задач — давать читателю за дешезую цену здоровую пищу для ума и духа. Десять вышедших книжек журнала ясно свидетельствуют о серьезном и вдумчивом отношении к делу со стороны редакции — каждая книжка выходит в свет лучше — интереснее и обильнее“.

Как видно из письма А. Чехова М. Горькому от 16 ноября 1898 г., в котором он пишет: „Очень благодарен Вам и Мирову, который написал Вам обо мне“ — Миролубов сообщил М. Горькому письмом из Ялты, где он был в октябре 1898 г. и встречался с А. Чеховым, о желании А. Чехова получить вышедшие книги М. Горького.

Мои книжки — В мае 1898 г. вышли впервые два тома „Очерков и рассказов“ М. Горького, в петербургском издательстве С. П. Дороватовского и А. П. Чарушникова. Первый том присланных М. Горьким А. Чехову „Очерков и рассказов“ с надписью перед текстом: „Антону Павловичу Чехову от автора. А. Пешков“ хранится в Музее имени А. П. Чехова в г. Таганроге.

„Нижегородский листок“ — М. Горький просил А. Чехова писать ему на адрес редакции газеты, в которой он сотрудничал с 1896 г. по 1901 г.

2

[Вторая половина ноября 1898 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Многоуважаемый

Антон Павлович!

Сердечное вам спасибо за отклик на мое письмо и за обещание написать мне еще. Очень жду письма от вас, очень хотел бы услышать ваше мнение о моих рассказах. На-днях смотрел „Дядю Ваню“, смотрел и — плакал как баба, хотя я человек далеко не нервный, пришел домой оглушенный, измятый вашей пьесой, написал вам длинное письмо и — порвал его. Не скажешь хорошо и ясно того, что вызывает эта пьеса в душе, но я чувствовал, глядя на ее героев: как будто меня перепиливают тупой пилой. Ходят зубцы ее прямо по сердцу и сердце сжимается под ними, стонет, рвется. Для меня — это страшная вещь, вот „Дядя Ваня“, это совершенно новый вид драматического искусства, молот, которым вы бьете по пустым башкам публики. Все таки она непобедима в своем тупоумии и плохо

понимает вас и в Чайке и <в> Дяде. Будете вы еще писать драмы? Удивительно вы это делаете!

В последнем акте „Вани“, когда доктор, после долгой паузы говорит о жаре в Африке — я задрожал от восхищения перед вашим талантом и от страха за людей, за нашу бесцветную нищенскую жизнь. Как вы здорово ударили тут по душе и как метко! Огромный талант у вас. Но слушайте, чего вы думаете добиться такими ударами? Воскреснет-ли человек от этого? Жалкие мы люди — это верно, „нудные“ люди. Хмурые, отвратительные люди и нужно быть извергом добродетели, чтобы любить, жалеть, помогать жить, дрянным мешкам с кишками, каковы мы. И тем не менее все-таки жалко людей. Я вот человек далеко не добродетельный, а ревел при виде Вани и других иже с ним, хотя очень это глупо реветь, и еще глупее говорить об этом. Мне, знаете, кажется, что в этой пьесе вы к людям — холоднее чорта. Вы равнодушны к ним, как снег, как вьюга. Простите, я может быть ошибаюсь, во всяком случае я говорю лишь о моем личном впечатлении. Мне, видите-ли, после вашей пьесы сделалось страшно и тоскливо. Так чувствовал я себя однажды в детстве: был у меня в саду угол, где сам я, своими руками насадил цветы и они хорошо росли там. Но однажды пришел я поливать их и вижу: клумба разрыта, цветы уничтожены и лежит на их смятых стеблях наша свинья, — большая свинья, которой воротами разбило заднюю ногу. А день был ясный и проклятое солнце с особенным усердием и равнодушием освещало гибель и развалины части моего сердца.

Вот какое дело. Не обижайтесь на меня, если я что нибудь не ладно сказал. Я человек очень нелепый и грубый, а душа у меня неизлечимо больна. Как, впрочем, и следует быть душе человека думающего.

Крепко жму вашу руку, желаю вам доброго здоровья и страсти к работе. Как ни много хвалят вас — все-таки вас недостаточно ценят и, кажется, плохо понимают. Не желал бы я лично служить доказательством последнего.

А. Пешков

Полевая, 20. Нижний

Напишите мне пожалуйста, как вы сами смотрите на „Ваню“? И если я надоедаю вам всем этим — скажите прямо. А то, пожалуйста, я и еще напишу вам.

Письмо на шести страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице письма написано чернилами рукой А. Чехова „98, XII“. — Дата письма определяется его содержанием.

Отклик на мое письмо — М. Горький имеет в виду письмо к нему А. Чехова от 16 ноября 1898 г.

На днях смотрел „Дядю Ваню“ — Пьесу А. Чехова „Дядя Ваня“ (М. Горький смотрел в Нижегородском театре, повидимому, 6 ноября 1898 г. (этот спектакль шел в Нижегородском театре в 1898 г. 2 раза — 20 октября и 6 ноября). О втором спектакле в местной газете „Нижегородский листок“ от 7 ноября 1898 г. напечатана следующая — без подписи — маленькая заметка об этом спектакле: „Новая пьеса Чехова «Дядя Ваня» была сыграна вчера в городском театре еще дружнее, чем в первый раз. На зрителей, у которых не канаты вместо нервов, которые обладают некоторой чуткостью, пьеса производит потрясающее впечатление“.

В письме М. Горькому от 3 декабря 1898 г. А. Чехов писал: „В последние годы его [«Дядю Ваню»] стали часто давать на провинциальных сценах — быть может оттого, что я выпустил сборник своих пьес“. Об этом же писал А. Чехов своему брату Мих. П. Чехову 26 октября 1898 г.: „Мой «Дядя Ваня» ходит по всей провинции и всюду успех“.

Плохо понимает вас и в Чайке — Пьесу А. Чехова „Чайка“ М. Горький, как он пишет в одном из своих последующих писем, „на сцене не видал, но читал“. „Чайка“ была напечатана в журнале „Русская мысль“ в декабрьской книжке 1896 г. и в сборнике пьес А. Чехова, изданных А. Сувориным в 1897 г. Была впервые поставлена на сцене Александринского театра 17 октября 1896 г., некоторое время шла в этом театре, а в течение времени с 1896 г. по 1898 г., до постановки 17 декабря 1898 г. в Моск. Художественном театре, ставилась на сценах провинциальных театров.

3

[Декабрь 1898 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Славно вы написали мне, Антон Павлович, и метко, верно сказано вами насчет вычурных слов. Никак я не могу изгнать их из своего лексикона и еще этому мешает моя боязнь быть грубым. А потом — всегда я тороплюсь куда-то, плохо отделываю свои вещи, самое-же худшее — я живу исключительно на литературный заработок. Больше ничего не умею делать.

Я самоучка, мне 30 лет. Не думаю, что я буду лучше чем есть и — дай бог удержаться на той ступени, куда я шагнул; это не высоко, но — будет с меня. И вообще я — фигура мало интересная.

Другое дело вы — талант разительно сильный. Ваше заявление о том, что вам не хочется писать для театра, заставляет

меня сказать вам несколько слов о том, как понимающая вас публика относится к вашим пьесам. Говорят, напр., что Дядя Ваня и Чайка — новый род драматического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа. Я нахожу, что это очень верно говорят. Слушая вашу пьесу думал я о жизни принесенной в жертву идолу, о вторжении красоты в нищенскую жизнь людей, и о многом другом, коренном и важном. Другие драмы не отвлекают человека от реальностей до философских обобщений — ваши делают это. Но — простите! это я говорю лишние слова. Не будете вы писать драм, будете писать рассказы, я и жизнь от этого не проигрываем. В русской литературе еще не было новеллиста, подобного вам, а теперь вы у нас самая ценная и крупная фигура. Хорош Мопсан и очень я его люблю — вас больше его. Я вообще не знаю как сказать вам, о моем преклонении пред вами, не нахожу слов и — верьте! я искренен. Вы могучий талант. Желаю вам здравствовать. А что, получили вы приглашение писать в „Жизнь“? Вот славно было бы, если бы вы согласились на их условия! Соглашайтесь! В этом журнале есть очень симпатичная фигура В. А. Поссе, он пригласил меня и я пошел. Короленко я знаю, остальные право неинтересны. В Петербург жить — не поеду. Я не люблю больших городов и до литературы был бродягой. А в Петербурге я живо издохну, ибо у меня маленькая чахоточка. Жму руку.

А. Пешков

Полевая 20

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице написано карандашом рукой Чехова „98“. Дата письма определяется его содержанием. Письмо является ответом на письмо А. Чехова от 3 декабря 1898 г. и относится, повидимому, к первой половине декабря.

Метко, верно сказано вами насчет вычурных слов — А. Чехов писал М. Горькому 3 декабря 1898 г.: „Частые упоминания о неге, шопоте, бархатности и проч. придают этим описаниям некоторую риторичность, однообразие — расхолаживают, почти утомляют... Затем, частое употребление слов, совсем неудобных в рассказах вашего типа. Акомпанимент, диск, гармония — такие слова мешают...“

Ваше заявление о том, что вам не хочется писать для театра — В письме М. Горькому от 3 декабря 1898 г. А. Чехов писал: „К своим пьесам

вообще я отношусь холодно, давно отстал от театра и писать для театра уже не хочется“.

Слушая вашу пьесу — пьесу А. Чехова „Дядя Ваня“ (об этом спектакле см. в комментарии к письму № 2).

„Жизнь“ — литературный, научный и политический журнал, выходивший в Петербурге в 1897—1901 гг. Первые два года журнал, редактировавшийся поочередно С. В. Воейковым, Д. М. Остафьевым, Д. М. Остафьевым с М. В. Калитиным, не имел определенного лица. В беллетристическом отделе журнала принимали участие второстепенные писатели, из которых наиболее видными были: В. В. Бруснянин, А. А. Вербицкая, П. В. Засодимский, Ф. Сологуб. С декабря 1898 г., когда фактическое редактирование журналом перешло в руки В. А. Поссе (в виду неблагодарности В. Поссе, фамилия его на журнале не выставлялась и официальным редактором считался М. С. Ермолаев), состав сотрудников обновился и журнал сделался подцензурным органом „легального марксизма“. В неопубликованном письме А. Чехову от 8 декабря 1898 г. В. Поссе писал: „О новом направлении, которое «Жизнь» примет с января 1899 г., можете судить по именам лиц, согласившихся принять в журнале участие. Укажу на В. Ю. Скалона, П. Б. Струве, С. Н. Булгакова, Ф. Ф. Эрисмана, Р. Ю. Вишера, А. А. Кизеветтера, М. Горького, В. В. Вересаева, Вас. И. Немирович-Данченко, В. Микулич, Н. Н. Бекетова и др... Струя марксистского «Нового слова» будет, конечно, чувствоваться уже хотя-бы потому, что я сам состоял одним из редакторов «Н. С.», ведя там иностранный отдел“.

М. Горький принимал самое ближайшее участие в организации отдела художественной литературы. Почти все свои произведения этого времени он печатал в „Жизни“. В журнале сотрудничали беллетристы: А. С. Серафимович, Е. Н. Чириков, В. В. Вересаев, С. Г. Скиталец, Н. И. Тимковский, Л. Н. Андреев, Н. Г. Гарин, И. А. Бунин. — А. П. Чехов напечатал в „Жизни“ повесть „В овраге“.

Постоянным критиком обновленной „Жизни“ был Евг. Соловьев (Андреевич), который в своих статьях пытался дать социологическое освещение вопросов русской литературы, принимаемое современниками за марксистское.

В политическом отделе журнала в декабре 1899 г. В. Ленин поместил свой „Ответ П. Нежданову“, а в январской и февральской книжках 1900 г. статью „Капитализм в сельском хозяйстве“.

Выходя в момент появления бернштейнианства, „Жизнь“ знакомила с ним читателя в статьях С. Штейнберга и П. Берлина. В письме А. Потресову от 27 апреля 1899 г. В. Ленин дал следующую оценку „Жизни“: „О выходе новой книги Бернштейна я знаю... Из статьи о ней в «Frankfurter Zeitung» и в «Жизни» (недурной журнал! Беллетристика прямо хороша и даже лучше всех!) я вполне убедился в том, что я понимал отрывочные статьи Бернштейна неверно и что он заврался действительно до невозможности... Новые для меня возражения Бернштейна против материалистического понимания истории и проч. (по «Жизни») поражают своей слабостью“ (см. Сочинения, изд. 2-е, том XXVIII, 1932, стр. 31).

После выхода апрельской книжки „Жизни“ в 1901 г., в которой была напечатана „Песня о буревице“ М. Горького, журнал был приостановлен. Жандармский генерал Ратаев, докладывая в апреле 1901 г. об умонастроениях

в столице, пришел к выводу, что „всякие меры к успокоению волнующегося общества и учащейся молодежи едва ли сколько-нибудь достигнут цели, если при этом не последует распоряжение о совершенном прекращении журнала „Жизнь““. Цензор Елагин, давая отзыв об апрельской книжке „Жизни“, написал о „Буревестнике“ М. Горького, что это „вещь несомненно тенденциозная“. Вскоре был арестован официальный редактор „Жизни“ М. Ермолаев и секретарь Горюшин, а через некоторое время и В. Поссе. 8 июня 1901 г. состоялось постановление четырех министров об окончательном прекращении журнала „Жизнь“ за его „весьма тенденциозный характер“.

После закрытия „Жизни“ летом 1901 г. В. Поссе уехал за границу, куда и перенес издание журнала. Судя по воспоминаниям В. Поссе, инициатива переноса издания „Жизни“ за границу принадлежала М. Горькому. — „Зимой 1901 года, когда Горький гостил у меня в Петербурге, — вспоминает В. Поссе, — зашла у нас речь о том, долго ли просуществует „Жизнь“, долго ли будет терпеть ее правительство? Горький сказал, что не следует особенно дрожать за жизнь „Жизни“. Если ее закроют, то мы перенесем ее за границу на вольный станок, и только тогда она воистину сделается органом грядущей русской революции... Беседа происходила 26 февраля 1901 г.“ За границей, в Лондоне и Женеве, В. Поссе в течение 1902 г. выпустил шесть номеров „Жизни“ и двенадцать номеров „Листков Жизни“, в качестве „внефракционного“ социал-демокр. органа. В заграничной „Жизни“ М. Горький участия не принимал, считая, повидимому, более нужной свою работу в России. К этому же времени относится сближение М. Горького с группой социал-демократов, объединившихся тогда около издававшейся за границей газеты „Искра“, руководимой В. Лениным, чем также объясняется его отход от „Жизни“. Вспоминая в 1928 г. о своем настроении того времени, М. Горький сказал: „Подлинную революционность я почувствовал именно в большевиках, в статьях Ленина, в речах и работе интеллигентов, которые шли за ним“.

Поссе — Владимир Александрович (р. 1864), журналист и общественно-политический деятель. Организатор и редактор первых легальных марксистских журналов „Новое слово“ и „Жизнь“, один из основателей издательства „Знание“. Редактор „Библиотеки пролетария“, позднее, в 1909—1918 гг., редактор и издатель журнала „Жизнь для всех“ и организатор издательства того же названия.

Первоначальное знакомство В. Поссе с М. Горьким относится к концу 1896 г. Поместив в 1896 г. в девятой книжке журнала „Образование“ статью о М. Горьком, в которой он дал оценку рассказов М. Горького „Челкаш“ и „Тоска“ и высказал предположение, что автор происходит „из народных низов“, что он, повидимому, „человек, прошедший, а может быть, еще проходящий путь тяжелой нужды“, — В. Поссе получил письмо от одного из нижегородских врачей, который сообщил ему, что писатель М. Горький тяжело болен туберкулезом и не имеет средств на лечение. В. Поссе достал М. Горькому через Литературный фонд средства для его лечения, и с этого времени между ними возникла переписка, которая вскоре приняла дружеский характер. В 1898 г. М. Горький издал свои первые книги при содействии В. Поссе, который нашел для них издателя.

В. Поссе принадлежит ряд критических статей о М. Горьком. О своих встречах с М. Горьким В. Поссе говорит подробно в своей книге „Мой Горьковский сборник, II.

жизненный путь“, М., ЗИФ, 1929 г. В этой книге опубликовано девять писем М. Горького к В. Поссе.

Короленко я знаю — С Владимиром Галактионовичем Короленко (1853—1921) М. Горький познакомился еще зимой 1889 г., когда принес на отзыв В. Короленко, тогда уже известному писателю, одно из своих первых произведений — поэму в стихах „Песнь старого дуба“. Впоследствии, живя в Н. Новгороде, М. Горький давал на просмотр В. Короленко целый ряд своих первых произведений и В. Короленко много помогал ему своими советами и сношениями с редакциями журналов. В своей автобиографии, напечатанной впервые в журнале „Семья“, 1899, № 36, М. Горький писал: „В Нижнем... я познакомился с В. Г. Короленко, которому обязан тем, что попал в большую литературу. Он очень много сделал для меня, многое указал, многому научил“.

Отношения между М. Горьким и В. Короленко поддерживались до конца жизни В. Короленко. Их переписка охватывает 1894—1921 гг. Часть писем В. Короленко к М. Горькому опубликована в зарубежном журнале „Летопись революции“, 1922, № 1. М. Горький посвятил В. Короленко статьи: „Из воспоминаний о В. Г. Короленко“ — в сборнике „Жизнь и творчество В. Г. Короленко“. Изд. „Культура и Свобода“, П. [1918], „Время В. Г. Короленко“ и „В. Г. Короленко“ — в Собрании сочинений М. Горького.

Остальные право не интересны — Речь идет о писателях: И. Н. Потапенко (1856—1929), Д. Н. Мамине-Сибиряке (1852—1912) и А. И. Эртеле (1855—1908), о которых А. Чехов писал М. Горькому в письме от 3 декабря 1899 г., советуя: „Покинуть Нижний и года два-три пожить, так сказать, потереться около литературы и литературных людей... Короленко, Потапенко, Мамин, Эртель — это превосходные люди...“

4

[Декабрь 1898 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Получил от Поссе письмо, он извещает меня, что вы будете сотрудничать в „Жизни“.

Дорогой Антон Павлович — для Жизни вы туз козырей, а для меня ваше согласие — всем праздникам праздник! Рад я — дьявольски!

Ну, вы, конечно, знаете о триумфе „Чайки“. Вчера некто прекрасно знающий театр, знакомый со всеми нашими корифеями сцены, человек, которому уже под 60 лет — очень тонкий знаток и человек со вкусом — рассказывал мне со слезами от волнения — почти сорок лет хожу в театр и многое видел! Но никогда еще не видал такой удивительной еретически-генеральной вещи, как „Чайка“. Это не один голос — вы знаете. Не видал я Чайку на сцене, но читал — она написана могучей

рукой! А вы не хотите писать для театра? Надо писать ей богу! Вы простите, что я так размашисто пишу, мне право ужасно хорошо и весело и очень я вас люблю видите-ли. Рад за успех Чайки, за Жизнь, за себя, что вот могу писать вам и за вас, что вы — есть. Желаю же вам здоровья, бодрости духа, веры в себя и — да здравствует жизнь! Не так-ли?

С праздником, если не наступил еще новый год.

Крепко жму руку вашу, талантливую вашу руку

А. Пешков

Полевая 20

Письмо на трех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице письма написано карандашом рукой А. Чехова „98“. — Дата написания письма определяется его содержанием.

Он извещает меня, что вы будете сотрудничать в „Жизни“ — Судя по неопубликованному письму В. Поссе А. Чехову от 20 декабря 1898 г., в котором он пишет: „... несказанно обрадовали вашим письмом. В „Жизнь“ я верю и верю, что у вас явится охота поскорее написать для нее что-нибудь“. — А. Чехов писал В. Поссе о своем согласии участвовать в „Жизни“.

Вы, конечно, знаете о триумфе „Чайки“ — Речь идет о первой постановке пьесы А. Чехова „Чайка“ в Московском Художественном театре 17 декабря 1898 г. Об исключительном успехе этого спектакля А. Чехов знал по телеграммам и письмам к нему его друзей. Так В. И. Немирович-Данченко сообщал А. Чехову в телеграммах от 17 и 18 декабря: „Только что сыграли Чайку. Успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом следовал ряд триумфов. Вызовы бесконечные“. — „Все газеты с удивительным единодушием называют успех Чайки блестящим, шумным, огромным. Отзывы о пьесе восторженные...“

5

[Первая половина января 1899 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Хорошо мне! В славном вашем письме чертовски много содержания и лестного и грустного для меня. Чую в нем облик вашей души, он мне кажется суровым и увеличивает мое искреннее преклонение пред вами. Желаю вам здоровья и бодрости духа.

Не утешительно, но верно то, что вы говорите о „Жизни“, Чирикове и Кирилке, да, это так: „Жизнь“, пока не серьезна, Чириков — наивен, о Кирилке можно сказать, что он совсем не заслуживает никакого разговора. По поводу Верес[аева] — не

согласен. Не считаю я этого автора человеком духовно богатым и сильным, но после его „Без дороги“ — Андрей Иванович, кажется, лучшее, что он дал до сей поры. Тем не менее для „Жизни“ этого мало. Дайте вы, Антон Павлович, чтонибудь ей! Очень прошу вас об этом, ибо „Жизнь“ эта весьма мне дорога. Почему? Потому видите-ли что есть в ней один знакомый мне, человек, В. А. Поссе, большая энергия, которая может быть очень плодотворной для жизни нашей, бедной всем хорошим. Нужно поддержать его на первых порах, нужно дать ему разыгаться во всю силу души. Помимо этого, — для меня — главного, — „Жизнь“ имеет тенденцию слить народничество и марксизм в одно гармоничное целое. Такова, по крайней мере в начале, была ее задача. Теперь марксисты, которые обещали участвовать в ней, провели Поссе за нос, и основали свой журнал „Начало“. Я всех этих дел не понимаю. Скажу откровенно, что не лестно думаю я о питерских журналистах, думаю что все эти их партии, — дело мало-жизненное, в котором бьется гораздо больше личного самолюбия не очень талантливых людей, чем — душ воспламененных желанием строить новую, свободную для человека жизнь, на обломках старой, тесной. Мне, знаете, иногда хочется крикнуть на них, эдаким здоровым криком возмущенного их мелочностью, сердца. Вон я какой грозный. Но — дайте теперь-же в „Жизнь“ чтонибудь ваше, она принимает какие угодно условия от вас. Подумайте — вдруг по толчку вашему и дружным усилиям других, возникнет журнал, на самом деле интересный и серьезный? Это будет славно... Если это будет. А теперь — вы простите! буду говорить о себе, по поводу вашего письма. Мне, видите-ли, нужно говорить о себе почему-то, и хоть я не думаю, что вам нужно об этом слушать, — все-таки буду говорить.

Вы сказали, что я неверно понял ваши слова о грубости — пускай! Пусть я буду изящен и талантлив и — пусть меня чорт возьмет! В свое изящество и талантливость я не поверю даже и тогда если вы еще раз скажете мне об этом, и два, и десять раз. Вы сказали, что я умен — тут я смеялся. Мне от этого стало и весело и горько. Я — глуп, как паровоз. С десяти лет я стою на своих ногах, мне некогда было учиться, я все жрал жизнь и работал, а жизнь нагревала меня ударами своих кулаков и питая меня всем хорошим и дурным, наконец — нагрела, привела в движение и вот я — лечу. Но рельс подо мной нет,

я свежо чувствую и не слабо, думать же — не умею, — впереди ждет меня крушение. Уподобление, ей богу, не дурное! Момент, когда я заруюсь носом в землю — еще не близок, да если-б он хоть завтра наступил: мне все равно, я ничего не боюсь и ни на что не жалуясь. Но бывают минуты, когда мне становится жалко себя — такая минута сейчас вот наступила, — и я говорю о себе комунибудь, кого я люблю. Такого сорта разговор — я называю омовением души слезами молчания, потому, видите-ли, что хоть и много говоришь, и никогда не скажешь того, чем душа плачет. Вам говорю — помимо того что люблю вас еще и потому, что знаю — вы есть человек, которому достаточно одного слова, для того чтобы создать образ и фразы, чтоб сотворить рассказ, дивный рассказ, который ввертывается в глубь и суть жизни, как бурав в землю. Если мы встретимся — я не посмею сказать вам о вас ни слова, ибо не сумею сказать так, как хочу, а теперь издали, мне легко воздать вам должное. У вас-же — нет причин и права отказываться от дани, которую приносит вам человек, плененный мощью вашего таланта. Я — фантазер по природе моей и, было время, когда я представлял вас себе стоящим высоко над жизнью. Лицо у вас бесстрашно, как лицо судьбы и в огромных глазах отражается все, вся земля и лужи на ней, и солнце сверкающее в лужах и души людские. Потом я увидел ваш портрет, это был какой-то снимок с фотографии. Я смотрел на него долго и ничего не понял. Ну, ладно, будет. Верьте мне. Я могу сочинить, но лгать не умею и никогда, никому не лгу. А если вы так мощно волнуете душу мою — не я виноват в этом и — почему не сказать мне вам самому о том, как много вы значите для меня?

Вот что, Антон Павлович, будьте добры пришлите мне ваш портрет и одну из ваших книжек. Для меня это будет хорошо.

Пожалуйста!

Крепко жму вам руку, здоровья вам! здоровья и бодрости духа и желания работать больше.

А. Пешков

Нижний

Полевая 20

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице письма написано карандашом рукой А. Чехова „99“. — Дата письма определяется его содержанием — письмо является

ответом на письмо А. Чехова от 3 января 1899 г. и написано до получения следующего письма А. Чехова от 18 января 1899 г.

В славном вашем письме — М. Горький имеет в виду письмо А. Чехова от 8 января 1899 г.

Не утешительно, но верно то, что вы говорите о „Жизни“, Чирикове и Кирилке — В письме М. Горькому от 3 января 1899 г. А. Чехов писал: „Первая книжка обновленной „Жизни“ мне не понравилась. Это что-то не серьезное. Рассказ Чирикова наивен и фальшив, рассказ Вересаева — это грубая подделка под что-то, немножко под вашего супруга Орлова, грубая и тоже наивная. На таких рассказах далеко не уедешь. В вашем „Кирилке“ все портит фигура земского начальника, общий тон выдержан хорошо. Не изображайте никогда земских начальников. Нет ничего легче, как изображать несимпатичное начальство, читатель любит это, но это самый неприятный, самый бездарный читатель. К фигурам новейшей формации, как земский начальник, я питаю такое же отвращение, как к „флирту“ и потому быть может я не прав. Но я живу в деревне, я знаком со всеми земскими начальниками своего и соседних уездов, знаком давно и нахожу, что и их фигуры, и их деятельность совсем не типичны, вовсе неинтересны — и в этом, мне кажется, я прав...“ Несмотря на выраженное в письме некоторое согласие с замечаниями А. Чехова, М. Горький в последующие издания рассказа „Кирилка“ никаких существенных изменений не внес.

Чириков — Евгений Николаевич (р. 1864). В 1-й книжке „Жизни“ за 1899 г., вышедшей 25 декабря 1898 г., напечатан его рассказ „Чужестранцы“.

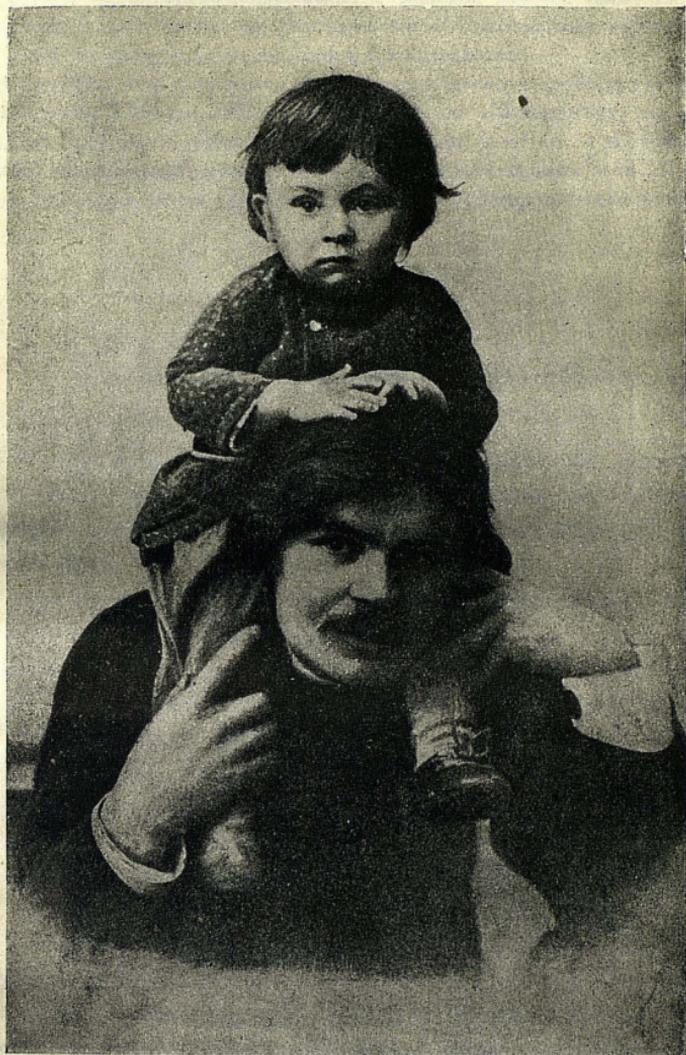
Вересаев — Викентий Викентьевич (р. 1867). В первой книжке „Жизни“ за 1899 г. напечатан его рассказ „Конец Андрея Ивановича“.

„Кирилка“ — рассказ М. Горького, напечатанный в первой книжке „Жизни“ за 1899 г.

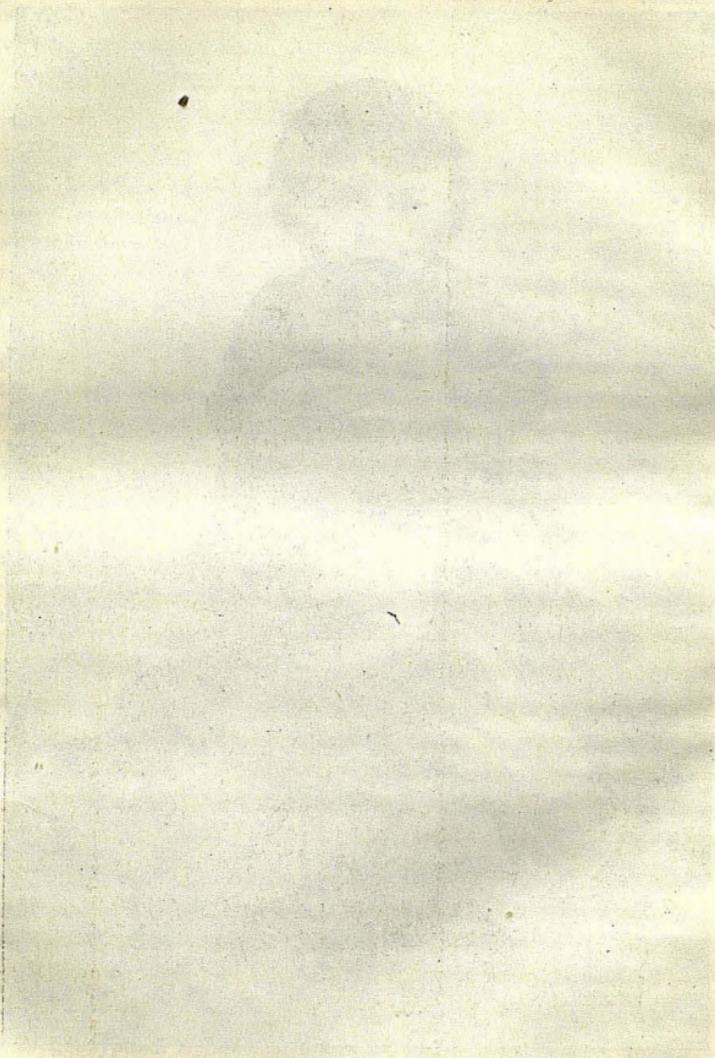
„Без дорог“ — повесть В. Вересаева, напечатанная в журнале „Русское богатство“, 1895, кн. 7 и 8.

„Жизнь“ имеет тенденцию слить народничество и марксизм в одно гармоничное целое — О том, что руководитель „Жизни“ В. Поссе не имел четких идеологических установок, видно также из неопубликованного письма его к А. Чехову от 8 декабря 1898 г., в котором он писал: „Журнал будет стремиться не разъединять, а, по возможности, соединить врагов русского бюрократизма...“ Отголосок этого находим и в воспоминаниях М. Горького о В. Короленко, где М. Горький между прочим писал об отношении к В. Поссе группы студентов: „они заговорили о неопределенной политической позиции Поссе между народниками и марксистами, но он сам понимал эту неопределенность...“

„Начало“ — бесцензурный журнал литературы, науки и политики, орган легального марксизма. Выходил с января 1899 г. под ред. П. Струве и М. Туган-Барановского. Издательницей журнала была А. А. Воейкова, жена М. Гуровича, впоследствии разоблаченного провокатора, агента охранки, поддерживавшего журнал материально в провокационных целях. Журнал должен был служить продолжением закрытого в 1897 г. марксистского журнала „Новое слово“. Кроме статей легальных марксистов в книжках „Начала“ были помещены статьи Г. Плеханова, В. Засулич, Л. Мартова, А. Потресова и др. В. Ленин поместил в „Начале“, помимо рецензий, одну главу из „Развития капитализма

М. Горький с сыном 1899 г. — Фото (Дом-музей им. Чехова
в Ялте)

М. Голубкин в архиве 1833 г. — Очерк (Архивный материал)
(1833 г.)

в России" — „Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим“. Журнал выходил в течение пяти месяцев, причем апрельская книжка была конфискована, а из январско-февральской и майской книжек было изъято несколько статей. Всего вышло три книги (4 номера). После выхода майской книжки журнал был прекращен постановлением правительства.

Вы сказали, что я не верно понял ваши слова о грубости — В письме М. Горькому от 3 января 1899 г. А. Чехов писал: „Повидимому, вы меня немножко не поняли. Я писал вам не о грубости, а только о неудобстве иностранных, не коренных русских, или редко употребительных слов... Вам менее всего присуща именно грубость, вы умны и чувствуете тонко и изящно...“

6

[Конец января или февраль 1899 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Спасибо, Антон Павлович, за карточку.

Вот вам моя, с присовокуплением Максимки, моего сына, философского человека, полутора лет от роду. Это самая лучшая штука в моей жизни. Есть-ли у вас такие штучки? Рад за вас если есть.

И еще спасибо вам за обещание прислать мне ваши книги — только не забудьте пожалуйста сделать это.

Прекрасная мысль пришла вам в голову — издать полное собрание ваших рассказов. Это хорошо тем, что заставит критику объясниться с публикой и изменить вашу оценку. Я — больше читатель, чем писатель и знаю, что хотя читают вас так много, как, кажется, еще никого не читали — говорю об обилии изданий — но понимают вас все-же плохо.

Было некогда брошено в публику авторитетное слово о Чехове, который „с холодной кровью пописывает“, и наша публика, которая всегда ленива думать и не могла сама установить правильного к вам отношения — приняла эти слова на веру и очень была рада, что ей подсказали взгляд на вас. Поэтому она недостаточно внимательно читает ваши рассказы и воздавая должное их внешности — мало понимает их сердце и его голос.

Выйдет полное собрание — и вызовет иную оценку ваших работ. И я, грешный, тоже буду писать о вас — так буду писать как Лемэтр это делает — буду говорить о впечатлении, об артистической внешности каждой вашей вещи и о ее смысле, как я его чувствую. Ничего не имеете против?

Легочный процесс у меня есть, но пустяковый и с ним можно в Нижнем жить. Поехать и увидеть вас — это хорошо бы, но есть целая куча обстоятельств, не позволяющих мне сделать это.

Тороплюсь на почту.

Желаю вам доброго здоровья.

Ваш А. Пешков

Полевая 20

Письмо на трех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице письма написано карандашом рукою А. Чехова „99, П“. Письмо является ответом на письмо А. Чехова от 18 января 1899 г. и относится, очевидно, к концу января или февралю 1899 г.

Спасибо, Антон Павлович, за карточку — В письме от 18 января 1899 г. А. Чехов писал М. Горькому: „Сегодня, Алексей Максимович, я послал вам свою фотографию. Это снимал любитель, человек угрюмый и молчаливый. Я смотрю на стену ярко освещенную солнцем, и потому морщусь“.

Вот вам моя, с присовокуплением Максимки — Фотография М. Горького с сыном Максимом, присланная А. Чехову, находится в Ялтинском доме-музее А. П. Чехова. Воспроизведена в настоящей книге.

Прекрасная мысль пришла вам в голову — издать полное собрание ваших рассказов — С начала 1899 г. по предложению издателя А. Маркса начались переговоры об издании им собрания сочинений А. Чехова.

„С холодной кровью пописывает“ — Речь идет об известной статье Н. К. Михайловского: „Об отцах и детях и о г. Чехове“. Давая характеристику творчества А. Чехова на основании выпущенного сборника рассказов „Хмурые люди“, Н. Михайловский писал в своей статье: „Чехову все едино, — что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца... Чехов и сам не живет в своих произведениях, а так себе, гуляет мимо жизни и, гуляючи, ухватит то одно, то другое... Нет, не «хмурых людей» надо бы поставить в заглавие всего этого сборника, а вот разве «холодную кровь» [заглавие одного из рассказов А. П. Чехова]. Г. Чехов с холодной кровью пописывает, а читатель с холодной кровью почитывает“.

Буду писать о вас, так буду писать как Лемэтр это делает — В феврале 1900 г. М. Горький напечатал статью о повести А. Чехова „В овраге“ в газете „Нижегородский листок“, № 29. [См. стр. 89 настоящей книги.] И позднее его не оставляла мысль писать о А. Чехове. В неопубликованном письме Л. Средину от 26 августа 1900 г. М. Горький писал: „У меня готов план статьи о Чехове... Я берусь раздавить всех его хулителей разом, пусть только выйдет собрание его сочинений... О Чехове можно писать с громом, с треском, с визгом от злости и наслаждения. Мы и будем писать. Теперь это моя сладкая мечта...“ Однако статей о творчестве А. Чехова М. Горький больше не написал. Только в 1904 г., после смерти А. Чехова, им были написаны „Отрывки из воспоминаний об А. П. Чехове“, напечатанные впервые в „Нижегородском сборнике“, изд. т-ва „Знание“, П., 1905 г.

Лемэтр — Жюль Лемэтр (1853 — 1914), французский писатель-беллетрист, драматург и критик. Русские переводы пьес и, главным образом, критических статей Лемэтра появились в конце восьмидесятых и начале девяностых годов в журнале „Русская мысль“, где и были напечатаны его статьи о П. Бурже, Э. Ренане, А. Додэ и др. Его работы „Современные писатели“ и „Этюды о русских писателях“ вышли в 1891 г. и 1893 г. отдельными изданиями. Давая критику художественных произведений, Лемэтр старался извлечь из них наибольшее число сильных впечатлений и передать их читателю, говоря, что „критика — искусство наслаждаться книгами“.

7

[22 — 23 апреля 1899 г. Из Н. Новгорода в Москву.]

Христос Воскресе!

Дорогой Антон Павлович!

Выехал я из Ялты — после некоторой возни с начальством — и в субботу, в 6.40 вечера был в Москве. Московский адрес ваш я потерял, встретил Корш на вокзале — забыл ее спросить. Помню — Дмитровка и — только. Шлялся по Москве. Был в Кремле у заутрени, был на Воробьевых горах и вечером уехал в Нижний. Ехал в одном поезде с Поссе и еще одним знакомым, всю ночь не спал, настроение было — отвратительное... Выхожу в Нижнем на вокзал — смотрю идет жена с Поссе и Жуковским. Даже зло взяло, когда узнал, что мы ехали все в одном вагоне и не видали друг друга. Не надеюсь, что это письмо найдет вас. Но всетаки говорю: — рад я, что встретился с вами, страшно рад! Вы, кажется, первый свободный и ничему не поклоняющийся человек, которого я видел. Как это хорошо, что вы умеете считать литературу первым и главным делом жизни. Я же, чувствуя что это хорошо, не способен, должно быть, жить, как вы — слишком много у меня иных симпатий и антипатий. Я этим огорчен, но не могу помочь себе.

Я очень прошу вас не забывать обо мне. Будем говорить прямо — мне хочется чтобы, порой, вы указали мне мои недостатки, дали совет, вообще — отнеслись бы ко мне, как к товарищу которого нужно учить.

Еще в Ялте я хотел сказать вам об этом, — просить вас, — но мне говорить труднее, чем писать. Я всетаки говорил это намеками и, быть может, вы уже поняли меня тогда еще.

Напишите драму Антон Павлович. Ей богу. Это всем нужно. Кстати о драме, о другой. В Москве я ночевал у Тимковского. Это образованный и, кажется, умный человек, настроение у него — мрачное, он любит философствовать и изучать философию. Посмотрев на него и послушав его речей, я пожалел о том, что вы не прочитали драму его до конца. Я очень хотел бы слышать, что вы сказали бы о ее „идее“. А Поссе все просит вас дать чтонибудь для „Жизни“. Говоря по совести — мне тоже хотелось бы этого. Поссе очень любит вас и гордился бы вашим участием в журнале. Читали вы статью Соловьева о вас? Мне она не нравится там, где он о вас говорит, а вообще — бойкая статья и даже веселая. Но, однако — когда-же явится настоящая критика? В конце концов статья Соловьева поддерживает и укрепляет мое намерение писать о вас, не потому что я „настоящую критику“ создать способен, а потому что могу глубже взять, чем Соловьев.

А предварительно я напишу порядочный рассказ и посвящу его вам. Вы ничего не имеете против этого? Скажите. До свидания! Желаю вам всего доброго. Не худо было бы если бы вы скорее уехали в Крым, а то наверное и в Москве у вас погода столь же гадка, как здесь.

Крепко жму руку.

Ваш А. Пешков

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова чернилами написано: „99. IV“. Дата письма уточняется письмом А. Чехова от 25 апреля 1899 г., где он писал: „Письмо ваше с адресом «Дмитровка» пришло“.

Выехал я из Ялты — после некоторой возни с начальством — М. Горькому разрешено было двухмесячное пребывание в Ялте для лечения, что видно из донесения нижегородского губернатора таврическому губернатору 15 марта 1899 г. № 430: „Имею честь уведомить ваше превосходительство для сведения, что состоящему в Нижнем Новгороде под особым надзором полиции цеховому Алексею Максимовичу Пешкову вследствие его ходатайства министерством внутренних дел разрешено проживание в Ялте для лечения в течение двух месяцев“.

Корш — очевидно, Нина Федоровна Корш, дочь Федора Абрамовича Корша, владельца и директора драматического театра Корша в Москве.

Жуковский — Дмитрий Евгеньевич, один из пайщиков журнала „Жизнь“, позднее издатель книг по философии. Ему принадлежит один из лучших переводов Ф. Ницше на русский язык.

Тимковский — Николай Иванович (1863—1922), писатель. Произведения его печатались в журналах и газетах девяностых годов („Русская мысль“, „Русское богатство“, „Северный вестник“, „Аргист“, „Русские ведомости“, „Курьер“ и др.) и выходили отдельными изданиями; собрание его сочинений — в 13 томах (том I вышел в 1900 г.).

К концу 1899 г. отношение М. Горького к Н. Тимковскому становится все более и более критическим. Подробнее о своем отношении к Н. Тимковскому М. Горький писал доктору Л. Средину: „Он прескверно окружен в Москве. Все эти его близкие друзья избаловали его... Затем он пессимист, а я таких не люблю... Не выношу такого отношения к жизни. Есть еще многое свидетельствующее, что мы с ним совсем из разных опер и едва ли друг другу понравимся. А то, что он не отзывался обо мне дурно или сурово тоже говорит отнюдь не в его пользу — я не должен был понаравиться ему, если он человек чуткий... В нем есть крупные достоинства. За них я всегда буду уважать его, а вот любить никогда не полюблю. Сходиться же близко нужно и можно лишь с теми кого любишь, в противном случае — близость ложь“.

Я пожалел о том, что вы не прочитали его драму до конца — Драма Н. Тимковского, „Сильные и слабые“, над которой он работал в 1899 г., была напечатана в 1900 г. в журнале „Русская мысль“ (февраль — март). Выпущена отдельным изданием Театральной библиотекой С. Рассохина. На экземпляре этого издания написано: „Исполнено первый раз в Москве в Малом театре 21 октября 1902 г.“

В отзыве об этой пьесе А. Луначарский тогда же („Образование“, 1900, кн. 7) писал: „Тимковский часто возвращается к характеристике сильных и слабых людей. Наиболее удачным из произведений, посвященных этому вопросу, является его талантливая драма „Сильные и слабые“. Тимковский сводит силу слабость почти начисто к состоянию здоровья, слабые у него — больные и эгоисты, сильные — тоже эгоисты, но с здоровым желудком... узок кругозор пьесы... а ведь есть другие слабые, создающие своеобразную красоту любви, жалости, братства, солидарности. Есть сильные, которые находят лучезарные солнца идеалов. Таких слабых, таких сильных у Тимковского нет... только обыватели, обыватели, обыватели. Их описывают... но надоели они, ужас“.

Соловьев — Евгений Андреевич, псевдоним: Андреевич (1866—1905); один из первых критиков-социологов, статьи которого воспринимались современниками как марксистские; постоянный сотрудник журнала „Жизнь“. Его статьи и критические обзоры печатались в „Жизни“ конца девяностых и начала девятисотых годов. В 1902 г. Е. Андреевич выпускает „Очерки из истории русской литературы XIX в.“ Е. Андреевичу принадлежит ряд статей о М. Горьком в журнале „Жизнь“ 1899—1900 гг. Упоминаемая М. Горьким статья Соловьева под заглавием „Антон Павлович Чехов“ напечатана в журнале „Жизнь“, 1899, апрель, август. В статье Е. Андреевич говорит о недооценке А. Чехова русской критикой, особенно Н. Михайловским; отмечает новаторство А. Чехова, „не желавшего повторять избитые мысли и красоваться на деревянных скакунах старого времени, размахивая картонным мечем народничества“; говорит о связи А. Чехова с эпохой восьмидесятых годов, о критическом отношении его к прошлому, о поисках им новых путей, новых форм, новых образов. В основном Е. Андреевич противопоставляет свою

критику и свои высказывания о А. Чехове статьям о нем Н. Михайловского. Кроме этой статьи Е. Андреевич писал о Чехове: в 1900 г. „Искание смысла жизни“ — о рассказе „Дама с собачкой“ („Жизнь“, 1901, кн. I), „О неудачниках и одиноких людях“ („Жизнь“, 1901, кн. II), в книге „Опыт философии русской литературы“, в книге „О Максиме Горьком и А. П. Чехове“, 1900 г. и в „Очерках из истории русской литературы“.

8

[Конец апреля 1899 г. Из Н. Новгорода в Москву.]

В том, что оба мы одновременно написали друг другу есть что-то славное. И письмо ваше тоже славное.

Ну, знаете, вот уже не думал я, что Лев Николаевич так отнесся ко мне! Хорошо вы сделали что говорили с ним о Горьком и сказали это Горькому. Давно хотел я знать как смотрит на меня Толстой и боялся знать это; теперь узнал и проглотил еще каплю меда. В бочку дегтя, выпитого мной, таких капель только две попало — его да ваша. Больше и не надо мне. Мне хочется чтобы вы прочитали статью Волинского о вас в последней книге Сев[ерного] Вес[тника] — за окт. ноя. дек. — Мне понравилось, несмотря на вздутый, — по обыкновению — язык. Потом еще о вас написал Франко, галициец, в своей газете — говорят удивительно задушевно написано. Мне пришлют газету — хотите — перешлю вам.

А приехать в Москву — не смогу. Начальство, узнав что я ночевал в Москве, поднимает из за этого историю; хотя наврное ничего не выйдет, ибо дело, к которому я привлечен, скоро кончится. В худшем случае меня пошлют года на два в Вологду или Вятку, вероятнее — никуда не пошлют. Невозможность до четверга устроить приезд в Москву и злит, и обижает меня до бешенства и до слез. Вы не поверите как это гнусно — жить под надзором. К вам приходит полицейский, он сидит у вас и тоже смущен своей подлой обязанностью и ему тяжело как и вам. Он имеет право спрашивать о всем о чем хочет — кто это у вас был? Откуда он, куда, зачем? Но он не спрашивает ничего, ибо уверен что вы солжете ему и эта его уверенность возмущает вас, оскорбляет. Но будет об этом.

Мне даже подумать больно о том, как приехав в Москву я пошел бы с вами смотреть „Чайку“. Ни за что бы я не сел

в театре рядом с вами! Вы так именно и сделайте — гоните прочь от себя всех, сидите один и смотрите — непременно один. И — дорогой мой Антон Павлович! — напишите мне потом о вашем впечатлении от пьесы, пожалуйста напишите! Это ничего что она ваша, пишете понравится она вам на сцене и что, какое место, нравится более всего? Очень прошу! И как играли расскажите. Мне почему то кажется что вы будете смотреть на „Чайку“ как на чужую — и она сильно тронет вас за сердце.

Потом, Ант[он] Павлович, — не вздумаете ли вы приехать в Нижний? Как здесь красиво теперь, как мощно разлилась река! Приезжайте. У меня большая квартира и вы остановились бы у нас. Моя жена — маленький, простенький и миленький человек — страшно любит вас и когда я рассказал ей что вы одиноки — ей это показалось несправедливостью и обидой, так что у нее даже слезы сверкнули за вас. Приезжайте — мы встретим вас — как родного. Я буду надеяться. И привезите мне часы — это не хорошо, что напоминаю, но пусть будет не хорошо! Только выгравировите на крышке ваше имя — для чего это? Так, хочется почему-то.

[А. Пешков]

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано и без подписи. На первой странице рукой А. Чехова чернилами написано: „99. IV“. Дата письма определяется письмом А. Чехова от 25 апреля 1899 г., в котором А. Чехов сообщал М. Горькому о Л. Толстом: „третьего дня я был у Толстого“.

„Оба мы одновременно написали друг другу“ — М. Горький имеет в виду свое письмо к А. Чехову от 22—23 апреля (публикуется выше, получено А. Чеховым 25 апреля) и письмо А. Чехова от 25 апреля, в котором А. Чехов писал: „А утром сегодня я послал вам письмо“.

Не думал я, что Лев Николаевич так отнесется ко мне — М. Горький имеет в виду отзыв Л. Толстого, сообщенный А. Чеховым в письме от 25 апреля 1899 г., где А. Чехов писал: „третьего дня я был у Л. Н. Толстого: он очень хвалил вас, сказал, что вы «замечательный писатель». Ему нравятся ваша «Ярмарка» и «В степи» — и не нравится «Мальва». Он сказал: «можно выдумывать все, что угодно, но нельзя выдумывать психологию, а у Горького попадают именно психологические выдумки, он описывает то, чего не чувствовал». Вот вам. Я сказал, что когда вы будете в Москве, то мы вместе приедем к Л. Н.“.

Эта оценка М. Горького как художника в основном повторяется и в других позднейших высказываниях Л. Толстого. (Отзывы Л. Толстого собраны в статье М. Хороша „Толстой о Горьком“ в журнале „На литературном посту“, 1928, кн. 10, и в книге Н. Апостолова „Лев Толстой и его спут-

ники". М., 1928.) После 1900 г. критическое отношение Л. Толстого к М. Горькому усилилось. В дневнике Л. Толстого от 10 ноября 1909 г. записано: „Вечер кончил читать Горького. Все воображаемое и неестественные огромные героические чувства и фальш. Но талант огромный“.

Характеристику своего личного отношения к М. Горькому Л. Толстой дал в своем первом письме М. Горькому от 19 января 1900 г.: „Я очень был рад узнать вас и рад, что полюбил вас... мне ваши писания понравились, а вас я нашел лучше вашего писания“.

О личном знакомстве М. Горького с Л. Толстым см. в публикуемых ниже письмах М. Горького №№ 22 и 33.

Волынский — Аким Львович, псевдоним Флексера (1863—1926); литературный критик и искусствовед, один из ранних идеологов русского модернизма. Активный сотрудник журнала „Северный вестник“ и фактический его редактор с 1891 г. Стиль А. Волынского едко высмеял Г. Плеханов (статья „Судьбы русской критики“ в сборнике „За двадцать лет“ 1905 г.).

Статья Волынского о Чехове — „Антон Чехов (Человек в футляре. Крыжовник. О любви. Случай из практики. По делам службы. Новая дача)“ — „Северный вестник“, 1898, № 10—12. В ней А. Волынский, передавая содержание рассказов А. Чехова, приведенных в подзаголовке статьи, дал им следующую оценку: „По своему значению они совершенно заслоняют все объемистые, многословные и претенциозно-наблюдательные романы разных маститых беллетристов современности. Эти романы похожи на бесконечные скирды сухой мертвой соломы, а маленькие прозаические произведения Чехова горят живым огнем. Сопоставишь их с мертвой соломой маститой беллетристики и от нее останется только серый пепел — словно ее подожгли спичкой... Все шире развивается свежий талант Чехова“.

В той же книге „Северного вестника“ помещена и статья А. Волынского о М. Горьком. „Его литературный талант, — писал А. Волынский, — и новизна изображаемых типов сразу захватили и увлекли читателей... Если разобрать этот стиль, то невольно замечаешь отсутствие дешевой писательской культурности, — отрадное отсутствие мертвой грамматической правильности и надоедливо-плавной литературщины... В этом отношении Горький имеет преимущество перед некоторыми маститыми беллетристами и даже перед молодыми писателями, творчество которых начинает походить на бездушное литературное ремесленничество“.

„Северный вестник“ — ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1885—1898 гг. В восьмидесятые годы „Северный вестник“ продолжал народнические тенденции „Отечественных записок“. В 1891 г. журнал стал органом символистов. В „Северном вестнике“ были напечатаны первые крупные произведения А. Чехова и два ранних рассказа М. Горького „Озорник“ и „Мальва“ 1897 г.

Франко — Иван Франко (1856—1916), крупнейший украинский писатель, ученый, публицист. С 1898 г. был руководителем журнала „Литературно-Научный Вісник“ и редактором изданий „Наукового т-ва імені Шевченка“. Проза и лирическая поэзия И. Франко отличаются яркой социальной тематикой. — Статью И. Франко о А. Чехове найти нам не удалось.

Дело, к которому я привлечен, скоро кончится — М. Горький в 1899 г. на ходился под негласным надзором полиции после ареста его по делу тифлисского

революционного кружка 7 мая 1898 г. и не имел права без разрешения полиции выехать из Н. Новгорода. Из отношения нижегородского жандармского управления видно, что надзор был снят только 8 июля 1899 г.

„Чайка“ — пьеса А. П. Чехова, написанная в 1896 г. В сезон 1898—1899 г. шла с огромным успехом на сцене Московского Художественного театра. Живя зиму 1898—1899 г. в Ялте, А. Чехов не имел возможности присутствовать на спектаклях „Чайки“ и, когда в апреле 1899 г. он приехал в Москву, Художественный театр поставил пьесу специально для автора. Об этом закрытом спектакле „Чайки“ А. Чехов писал М. Горькому 25 апреля 1899 г.: „В четверг идет «Чайка». Закрытый спектакль для моей особы. Если вы приедете, то я дам вам место“. После спектакля А. Чехов написал М. Горькому: „Судить о пьесе не могу хладнокровно, потому что сама Чайка играла отвратительно, все время рыдала навзрыд, а Тригорин (беллетрист) ходил по сцене и говорил, как паралитик; у него «нет своей воли» и исполнитель понял это так, что мне было тошно смотреть“. (Цитируется по оригиналу письма А. Чехова от 9 мая 1899 г.) Неудачу спектакля отмечал и К. Станиславский: „Впечатление было среднее... После каждого акта Антон Павлович прибегал на сцену, и лицо его далеко не отражало внутренней радости“ (К. Станиславский. „Моя жизнь в искусстве“, „Academia“, М., 1933, стр. 402).

9

[Конец апреля 1899 г. Из Н. Новгорода в Москву.]

Мне думается, я понимаю то, что вы переживаете читая письма из Петербурга. Мне, знаете, все больше жаль старика — он кажется совершенно растерялся. А ведь есть возможность загладить — нет, — даже искупить все свои вольные и невольные ошибки. Это можно-бы сделать с его талантом и умением писать — стоит только быть искренним, широко искренним, по русски, во всю силу души! Мы все любим каяться и любим слушать покаяние — пусть-бы он крикнул — ну, да, я виноват. Я виноват — каюсь. Но вы ли судьи мне? Вам-ли кидать грязью в меня? Перед собой самим громко каюсь, но не перед вами, рабы праведности! Вы — души презренные, людишки трусливые, и не ошибались лишь потому что всю жизнь в страхе дрожите даже перед возможностью ошибки. Завоевав себе маленькое место в жизни, крошечную трибуну — вы на ней — истуканы добродетели, но не враги и не судьи пороков.

Я бы так сделал, ей богу! Я бы сердце себе разорвал без жалости, но кровь моего сердца горела бы на щеках многих и многих людей! Позорными пятнами горела бы — ибо я не пощадил бы.

Нигде нет стольких раскаявшихся разбойников и злодеев как в нашей стране — пусть старик вспомнит это.

Мне очень хотелось бы чтонибудь сказать вам такое, что облегчило бы ваше положение по отношению к нему, и дорого бы я дал за возможность сказать это — но ничего не умею. Что тут сказать? Вы видите в нем больше чем все, вам он, может быть даже дорог. Наверное вам больно за него — но простите. Может это и жестоко — оставьте его, если можете.

Оставьте его самому себе — вам беречь себя надо. Это всетаки — гнилое дерево, чем можете вы помочь ему? Только добрым словом можно помочь таким людям, как он, но если ради доброго слова приходится насиловать себя, — лучше молчать. Простите говорю. Я кажется, написал не то что думал и не так, как надо. Очень хочется чтоб все это скорее кончилось для вас. Здесь публика возмущена смертью студента Ливен, который сжег себя в тюрьме. Я знал его, знаю его мать старушку.

Хоронили здесь этого Ливен с помпой и демонстративно, огромная толпа шла за гробом и пела всю дорогу. Умница наш губернатор ничему не помешал и все кончилось прекрасно. Возмущение разрядилось в пространство. Но мать хочет жаловаться царю. И в этом ей помогают.

Крепко жму руку вашу.

Может быть вы приедете?

А. Пешков

Стал читать рассказы Бунина. Порой у него совсем недурно выходит, но замечаете-ли вы что он подражает вам? „Фантазер“ по моему написан под прямым влиянием вашим, но это не хорошо выходит. Вам и Мопассану нельзя подражать. Но у этого Бунина тонкое чутье природы и наблюдательность. Хороши стихи у него — наивные, детские и должны очень нравиться детям.

А. П.

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. — Дата письма определяется письмом А. Чехова от 25 апреля 1899 г., в котором он пишет: „Из Петербурга получаю тяжелые, как бы покаянные письма и мне тяжело“. Письмо М. Горького является ответом на это письмо.

Я понимаю то, что вы переживаете, читая письма из Петербурга. Мне, знаете, все больше жаль старика — Речь идет о А. С. Суворине, изда-

теле газеты „Новое время“. В марте 1899 г. А. Суворин был привлечен к суду чести как автор „Маленьких писем“ („Новое время“, №№ 8257, 8259, 8264, 8274), в которых он оправдывал репрессии царского правительства против студенческих волнений, вспыхнувших в феврале — марте 1899 г. сначала в Петербурге, а потом в других университетах. В обществе и в печати (см., например, статью К. Арсеньева в газете „Право“, 1899, 27 февраля) появились резкие обвинения по адресу А. Суворина. Не одобрял поведения А. Суворина и А. Чехов. В письме к А. Суворину от 4 марта 1899 г. А. Чехов писал: „Ваши письма о беспорядках не удовлетворили — это так и должно быть, потому что нельзя печатно судить о беспорядках, когда нельзя касаться фактической стороны дела. Государство запретило вам писать, оно запрещает говорить правду, это произвол, а вы с легкой душой по поводу этого произвола говорите о правах и прерогативах государства — и это как то не укладывается в сознании“. Об этом отношении А. Чехова к статьям А. Суворина последний записал в своем дневнике 26 апреля 1899 г.: „Я писал Чехову. Послал ему свое объяснение суду чести. Он нашел его мало выразительным. И он прав“. Суд чести в составе — А. С. Фаминцына, Н. Ф. Анненского, В. Г. Короленко, В. А. Манасеина, И. В. Мушкетова, В. Д. Спасовича, „осудив «приемы» А. Суворина, признав, что он действовал без достаточного сознания нравственной ответственности, которая лежала на нем в виду обстоятельств вопроса, что он взвалил всю вину на студентов, тогда как сам должен признать, что в деле есть и другие виновники, — суд чести, однако, не счит возможным квалифицировать его поступок как явно бесчестный...“ (Дневник В. Г. Короленко, т. IV, Гиз Украины, 1928; запись 24 июля 1899 г.).

В марте 1899 г. М. Горький поместил в журнале „Жизнь“ — „Открытое письмо А. С. Суворину“, где обвинял А. Суворина и газету „Новое время“ за ту позицию, которую заняло „Новое время“ в студенческих беспорядках и в деле Дрейфуса. М. Горький писал:

„Прочитав маленькие письма А. Суворина в №№ 8257—8259 Нового Времени от 21 и 22 февраля я задумался над ними, а потом взял с полки первую книжку „Очерков и картинок“ Незнакомца (А. Суворина), раскрыл ее и на странице 8 прочитал жирным шрифтом напечатанный вопрос: «Продается ли мы?...» Да, подумал я — и в наше время, верным и усердным холопом которого является газета Суворина — много Иуд“. Далее М. Горький привел цитаты из старых фельетонов А. Суворина, когда он был еще либеральным публицистом и писал под псевдонимом „Незнакомец“. „Теперь он, — говорит М. Горький, — известное лицо. Он давно уже сумел осуществить «краткую программу для успеха», нажил большую газету, но в ней не пишет так прямо, как писал... Бесцветна и скучна его речь в наши дни. И хотя порой звучат в ней слезы — это лисьи слезы, слезы старой, умудренной жизнью лисы“. — В заключение М. Горький привел письмо к А. Суворину литератора Ашкинази-Делине, редактора „Франко-русского Вестника“, которое А. Суворин отказался поместить в своей газете. В этом письме Ашкинази отвечал А. Суворину на его обвинение по поводу сочувственного отношения Ашкинази к Дрейфусу. Письмо свое Ашкинази заканчивал словами: „Не мое отношение к делу Дрейфуса позорно, а ваше. Сошлюсь на человека, которого вы любите и уважаете, если вы только можете кого любить и уважать. Сошлюсь на чуткого художника А. П. Чехова. Не поздоровится

ни вам ни Новому Времени от его мнения". Приведа письмо Ашкинази, М. Горький заключил свое обращение к А. Суворину словами: „Я совсем не думаю, что на старости лет приятно получить такое письмо... Не чувствуете ли вы, старый журналист, что пришла для вас пора возмездия за все, что вы и ваши бойкие молодцы печатали на страницах «Нового Времени»“.

Ливен — Герман Ливен, студент нижегородец, арестованный по обвинению в политическом преступлении 8 апреля 1899 г., сжег себя в тюрьме в Бутырьках. М. Горький в неопубликованном письме к Л. Средину от 23 апреля 1899 г. передает подробности смерти и похорон Ливена в Н. Новгороде: „Здесь хоронили студента Ливена, который сжег себя в тюрьме. Похороны вышли очень внушительные, губернатор отнесся прекрасно, собралось 8000 народу, масса венков, гроб несли на руках студенты. Пели все время и говорилось много хороших речей. Настроение здесь живое. Ланин работает над жалобой царю по поводу смерти Ливена. Я пишу на эту тему рассказ и еще кое-что“. В 1901 г. М. Горький участвовал в составлении прокламации по поводу годовщины смерти студента Ливена. При обыске в апреле 1901 г. у М. Горького вместе с другими документами были найдены бумаги, относящиеся к делу Ливена: „Конспект обстоятельств, касающихся содержания под стражей студ. Германа Ливена и его смерти“, начинающийся словами: „Был взят и содержался в предварительном заключении 14 февраля в 1899 г.“ и „Прошение родителей студента Ливена к прокурору Московской судебной палаты“.

Фантазер — рассказ И. А. Бунина был напечатан в сборнике его рассказов „На край света и другие рассказы“. Пб., Изд. О. Поповой, 1897.

10

[5 мая 1899 г. Из Н. Новгорода в Мелихово, Московской губ.]

Получил часы и рад, чорт знает как! Спасибо, Антон Павлович, сердечное спасибо. Мне хочется ходить по улицам и кричать — а знаете-ли вы, черти, что мне Чехов часы подарил? Ей богу! Рад я — и горжусь тем, что могу так радоваться — свежо и по ребячьи.

И я тоже хочу подарить вам что-нибудь но не знаю что? Найду. Скажите, охотник вы? Т. е. любите охоту с ружьем? Пожалуйста скажите.

Скоро я пришлю вам одну славную и странную книжку. Славную — в ней много души, ясной и глубоко верующей души, а странную тем, что ее написал поп и так написал, как вообще попы не пишут. Она называется „Евангелие, как основа жизни“, автор — Григорий Спиридонов Петров, преподаватель закона божия в артиллерийской академии и у разных великих князей. Это еще молодой парень и — какой он славный.

Сколько в нем веры в человека, детски чистой веры! Он — сын кабатчика или буфетчика, и в детстве ничего, кроме матерщины не слышал, ничего кроме пьяных не видел. А ныне — это светоч чистый и ясный — хорошо? Жаль только, что он, поп, социалист. Очень бы хотел, чтобы вы познакомились с ним, он вскоре поедет жить в Крым, где около Алушты, снял дачу. Можно сказать чтоб он зашел к вам? Если разрешите — я напишу ему. Он в Питере теперь. Когда вы будете в Ялте? Скажите.

И еще: в 3 книге „Начала“ напечатан перевод драматической поэмы Тора Гедберга — „Гергард Грим“. Чорт их возьми — шведов, какие они талантливые! Если вы не прочитали еще эту вещь — прочитайте, ей богу она хороша!

Как странно, что в могучей русской литературе нет символизма, нет этого стремления трактовать вопросы коренные, вопросы духа. В Англии и Шелли, и Байрон, и Шекспир — в Буре, в Сне — в Германии Гете, Гауптман, во Франции Флобер — в Искушении св. Ант[ония] — у нас лишь Достоевский посмел написать „Легенду о великом инквизиторе“ — и все! Разве потому что мы по натуре — реалисты? Но шведы более реалисты, чем мы и однако у них — Ибсен, этот Гедберг. Да разве мы реалисты, если подумать?

Нет, право, прочитайте Гедберга! И напишите, как понравилась вам „Чайка“? Очень хочется знать это. Пишу в Лопаню. Не знаю где вы?

Крепко жму вам руку. Очень благодарю вас. До свидания!

А. Пешков

5 мая

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. Внизу после подписи и даты — 5 мая — рукой А. Чехова карандашом написано: „99“. Дата письма определяется упоминанием в письме о драматической поэме Тора Гедберга „Гергард Грим“, напечатанной в журнале „Начало“ 1899 г., кн. 3.

Получил часы — В приведенном выше письме от конца апреля 1899 г. [см. письмо № 8] М. Горький напоминает А. Чехову о его обещании подарить часы. В своих воспоминаниях А. Треплев рассказывает об этом следующее: „«Писатель, а без часов, — попрекнул Алексея Максимовича Чехов, при первом знакомстве, — не хорошо». И подарил серебряные часы, с рельефной, под старое серебро, крышкой. Если мне не изменяет память, внутри была надпись: «от д-ра Чехова»“ (А. Треплев. „Горький на Волге“ —

„Путь“, 1913, № 9—10; также в сборнике „О Горьком — современники“. Моск. т-во писателей [1928]).

Григорий Спиридонов Петров — (р. 1868), священник, проповедями которого, звучавшими в напряженные предреволюционные годы оппозиционно, увлекалась в девятидесятых годах русская интеллигенция. Им же написан ряд беллетристических произведений и публицистических статей религиозно-философского характера с большим элементом прогрессивности. Официальная церковь неодобрительно относилась к деятельности Г. Петрова, особенно к его публицистическим статьям. Так в отзыве цензуры о Г. Петрове читаем: „В газетных произведениях священника Г. Петрова есть места и целые статьи, где священник Петров высказывает суждения чисто социалистического характера. Петров нравственно ответствен за распространение этих суждений в наше тревожное время, при отсутствии настоящей политической зрелости“. Церковными властями были приняты меры к ограничению деятельности Г. Петрова, — запрещение проповеднической деятельности, угроза ссылки в захолустный монастырь, — и, в конце концов, Г. Петров отказался от сана священника.

Книжки Г. Петрова неоднократно переиздавались. Евангелие, как основа жизни“, — представляющее собой разбор нравственной стороны христианского учения, изложенного в Евангелии, была издана брошюрой в 1898 г.; в том же году было выпущено 2-е издание, и за время с 1898 по 1903 г. книга выдержала 18 изданий. О популярности этой книги Г. Петрова говорит М. Горький в письме к Л. Средину от 30 апреля 1899 г.: „Я бы его, попа, за такую книгу растриг бы и жену его растриг бы. Поп еще молодой, но мудрый. Книжка его явление прекрасное и то, что она в год выдержала два издания свидетельствует во славу ее“. Восторженно отзывался М. Горький и об авторе этой книги. В том же письме к Л. Средину он писал: „Какого попа я видел, не поп, а шампанское заграничной марки, хотя вкуса русского. Дух в попе изумительный, душа ребячья“.

В дальнейшие годы Г. Петров сделался постоянным сотрудником либерального „Русского Слова“, а в советские годы эмигрировал за границу.

О знакомстве М. Горького с Г. Петровым подробно говорит В. Поссе в книге „Мой жизненный путь“, стр. 160—161. В последующие после переписки с А. Чеховым годы М. Горький никакого интереса к Г. Петрову не проявлял.

Драматической поэмы Тора Гедберга „Гергард Грим“ — Тор-Гедберг (р. 1862), шведский писатель. „Гергард Грим“ — драматическая поэма Тора Гедберга — напечатана в 1899 г. в переводе Анны Ганзен в журнале „Начало“.

Байрон — Из воспоминаний Вартаньянца („М. Горький в Тифлисе“ — „Мир божий“, 1903, кн. III) видно, что М. Горький увлекался Байроном еще в 1892 г.: „Не раз он звал меня к себе в комнату и с особенным увлечением читал мне «Манфреда» и «Каина». Впоследствии М. Горький писал: „Социальный романтизм Шиллера, Байрона, Гюго — одно из прекраснейших созданий западно-европейской психики, это — священное писание гения действительной жизни“ („Две души“ — в журнале „Летопись“, 1915, декабрь).

Шекспир — С произведениями Шекспира М. Горький познакомился еще в ранней юности, когда по его словам, „усердный и внимательный читатель, я присматривался и прислушивался к читателям — среди которых жил, при-

смастривался, стараясь понять: чего они ищут в книгах, что прежде всего хотят найти?“. Документом этих наблюдений явилась тетрадка записей М. Горького, в которой, в ряду других записок литературного характера, вошло описание лекций некоего Анатолия Кремлева — „этот человек изучал Шекспира, толковал Шекспира, играл Шекспира на сцене и читал лекции о Шекспире“ („Беседы о ремесле“ — в сборнике М. Горького „О литературе“. Изд. „Советская литература“. М., 1933, стр. 245—246). На Шекспира же, как на величайшего драматурга, указывает М. Горький и в других своих статьях о литературе: „Нужно учиться писать пьесы у старых, непревзойденных мастеров этой литературной формы, и больше всего у Шекспира“ („О пьесах“ — в сборнике М. Горького „О литературе“. М., 1933, стр. 143).

В Буре — пьеса Шекспира „Буря“ 1611 г.

В Сне — пьеса Шекспира „Сон в летнюю ночь“ 1594 г.

Гёте — По характеристике М. Горького „Фауст“ Гёте — один из превосходнейших продуктов художественного творчества, которое всегда «выдумка», вымысел или, вернее «домысел» и воплощение мысли в образ. «Фауста» я прочитал, когда мне было лет двадцать...“ („О том, как я учился писать“ — в сборнике М. Горького „О литературе“. М., 1933, стр. 191.)

Гауптман — По поводу постановки одной из первых пьес Г. Гауптмана „Перед восходом солнца“ в Нижегородском театре М. Горьким написан фельетон „Перед восходом солнца“ в газете „Нижегородский листок“, 1901, № 307. Основная цель статьи М. Горького — поднять интерес к пьесе, разъяснить ее социальный смысл. М. Горький на первое место в пьесе выдвинул фигуру Лота и его идею: „Моя борьба — всеобщее счастье“. „Гауптману на этот раз, — писал М. Горький, — удалось написать удивительную картину... Все эпизодические лица хотя и обрисованы немногими резкими чертами, но живы и ясны. Вообще на наш взгляд это лучшая из пьес Гауптмана, так часто лишенных ясности и простоты и страдающих какой-то недоговоренностью“.

Флобер — М. Горький в одной из недавних своих статей сказал о Г. Флобере: „Настоящее и глубокое воспитательное влияние на меня, как писателя, оказала «большая» французская литература — Стендаль, Бальзак, Флобер... Это действительно гениальные художники, величайшие мастера формы, таких художников русская литература еще не имеет... Помню, — «Простое сердце» Флобера я читал в Троицын день, вечером, сидя на крыше сарая, куда залез, чтобы спрятаться от празднично настроенных людей. Я был совершенно изумлен рассказом, точно оглох, ослеп... Трудно было понять, почему простые, знакомые мне слова, уложенные человеком в рассказ о «неинтересной» жизни кухарки, — так взволновали меня? В этом был скрыт непостижимый фокус, и, — я не выдумываю — несколько раз, машинально и как дикарь, я рассматривал страницы на свет, точно пытаюсь найти между строк разгадку фокуса“ („О том как я учился писать“ — в сборнике М. Горького „О литературе“. М., 1933, стр. 185).

Достоевский — Творчество Ф. Достоевского, его антисоциальные тенденции всегда были внутренне глубоко враждебны М. Горькому. Еще юношей М. Горький, называя Ф. Достоевского одним из величайших писателей, говорил: „Многое восхищавшее меня своей красотой было чуждо мне. Я долго не мог понять зачем студент Раскольников убил старуху“. В юности, читая Ф. Достоев-

ского, М. Горький мучительно ощущал „его неизбывный страх перед темною глубиной его же собственной души...“ „Крайне трудно вообразить существо, «душа» коего отдыхала бы, когда существо это читает «Прометей», «Гамлета», «Дон-Кихота», «Фауста», книги Бальзака и Диккенса, Толстого и Достоевского“ („Беседы о ремесле“ — в сборнике М. Горького „О литературе“, М., 1933, стр. 242—246).

Неоднократно о Ф. Достоевском М. Горький высказывался в своих публицистических и литературных статьях. „Я не знаю более злых врагов жизни, чем проповедники терпения и смирения“ — так говорит М. Горький о Л. Толстом и Ф. Достоевском в своих „Заметках о мещанстве“ 1905 г. (М. Горький, „Статьи 1905—1916 г.“, стр. 7). „Я знаю, что это отношение выражено в резкой форме, но по существу, мое отношение к социальной педагогике Достоевского и Толстого не изменилось и не может измениться... Подобные проповеди органически враждебны мне, и я считаю их безусловно вредными для моей страны“ (Там же, стр. 2). Известен также протест М. Горького против постановки инсценировок романа „Бесы“ Ф. Достоевского на сцене Моск. Художественного театра в 1912 г.

11

[Май 1899 г. Из Н. Новгорода в Мелихово Московской губ.]

Драму прочитал и отправил ее Юст. Спасибо вам за заботу о моей голове! Хорошо вы это делаете.

Смел швед! Никогда я не видел аристократизма холопов столь ярко изображенного. В технике пьесы вижу недостатки; рассказы Юлии и лакея о своих семьях считаю лишними, — но это пустяки. Суть пьесы поразила меня и сила автора вызвала во мне зависть и удивление к нему, жалость к себе и много грустных дум о нашей литературе.

Удивляюсь вам! Что общего нашли вы у меня со Стриндбергом? Швед этот — прямой потомок тех норманнов, что на всем протяжении истории всюду являлись творцами чего-то сильного, красивого, оригинального. В гнусную эпоху крестовых походов они умели создать в Сицилии истинно рыцарское государство, и оно во мраке времени было светочем человечности, благородства души; наверное самым лучшим, что в ту пору было. Стриндберг — это тот же Рагнар Кожаные штаны, который в доброе старое время так любил служить „обедню на копьях“ скоттам и пиктам. Это большой человек, сердце у него смелое, голова ясная, он не прячет своей ненависти, не скрывает любви. И скотам наших дней от него, я думаю, ночей не спится. Большой души человек. Что общего у меня с ним может быть? Не

унижая себя говорю, а говорю с болью в сердце, ибо — разве не хочется мне быть самим собой и не иметь в душе заслонок, не пускающих на волю смелых дум моих?

Ницше где-то сказал „все писатели всегда лакеи какойнибудь морали“, Стриндберг — не лакей. Я — лакей, и служу у барыни, которой не верю, не уважаю ее. Да и знаю-ли я ее? Пожалуй нет. Видите, какое дело-то. Очень тяжело и грустно мне, Антон Павлович. А так как и вам не весело живется — не буду говорить об этих тяжелых оковах души.

30-го апреля в Тифлисе ставили „Дядю Ваню“. Один приятель написал мне письмо о своем впечатлении. Ставили два раза кряду и он был оба раза. Жалею, что не могу послать вам его письма, но скажу что он, должно быть, был страшно тронут. Прилагаю им же присланный и им обруганный отзыв „Кавказа“. Мелко, по-моему, плавает этот рецензент и плохо понял, очень уж внешне. М[ожет] б[ыть] вам всетаки интересно.

Антон Павлович! Прочитайте Гедберга в „Начале“. Право это вам должно доставить удовольствие.

Жаль что „Чайку“ видели вы в плохом исполнении, хотя я посмотрел бы и в плохом. Напишите мне сколько времени проживете в Лопасне, и когда в Крым? Скажу попу, чтоб пришел к вам. А книжку его пришлю. Он зовет меня в Крым. Не еду. Никуда не поеду, буду жить все лето в Нижнем. Жена с ребенком уезжает на пароходе по Волге, придет — отправится в Каму, до Перми. Буду жить один и работать. „Уединение — мать мудрости“ говорит один герой Гедберга. А другой прибавляет — „И безумия“. Я — за первого. Мне хотелось бы быть совершенно одиноким, более одиноким чем вы. Семья — это хорошо, но еще лучше поступаете вы до сей поры не имея ее.

Нельзя-ли попросить переводчицу отдать „Графиню“ в „Жизнь“? Я бы очень хотел видеть ее напечатанной именно в этом журнале.

„Это утешение, что другие не лучше чем мы сами“, говорит Жан. О, холопище гнуснейший. Как он метко очертил этими словами подлую душу свою.

И опять я спрашиваю себя и вас — почему нет у нас ни Стриндберга, ни Гедберга, ни Ибсена, ни Гауптмана?

Почему? Неужели, как говорят иные, образование, наша средняя школа, убивает индивидуальность, обезличивает человека, выедаёт из него душу?

Но я утомляю вас моими длинными письмами.
До свидания! Желаю вам всего доброго, хорошего настроения желаю, охоты работать.

Крепко жму руку.

А. Пешков

Письмо на трех страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. — Дата письма определяется содержанием письма — упоминанием о спектакле „Дядя Ваня“ в Тифлисе 30 апреля, что подтверждается напечатанным в газете „Кавказ“, 1899, № 114, 2 мая отзывом об этой постановке.

Драму прочитал и отправил ее Юст — Речь идет о пьесе А. Стриндберга „Графиня Юлия“, которую А. Чехов в переводе Е. М. Шавровой-Юст посылал М. Горькому: „Посылаю вам пьесу Стриндберга „Графиня Юлия“. Прочтите и возвратите по принадлежности“ (9 мая 1899). Пьеса в этом переводе в журнале „Жизнь“ напечатана не была.

О восприятии М. Горьким творчества А. Стриндберга — см. статьи и высказывания М. Горького в сборнике „М. Горький. Материалы и исследования“. I. Изд. Ин-та русской литературы Академии Наук СССР. Л., 1934.

Высоко оценивал А. Стриндберга и А. Чехов: „Это замечательный писатель. Сила не совсем обыкновенная“ (Письмо Чехова к Е. М. Шавровой-Юст 9 мая 1899 г. — „Неизданные письма“. Гос. изд. М. — Л., 1930, стр. 123).

Юст — Елена Михайловна Шаврова-Юст, писательница и переводчица, была в оживленной переписке с А. Чеховым в 1891—1899 гг.

Рагнар Кожаные штаны — один из викингов XI века.

Ницше — Фридрих Ницше (1844—1900), немецкий философ и писатель. Выступления М. Горького против мещанства и хищнических тенденций капитализма, подавляющих человеческую личность, нередко принимались за ницшеанский индивидуализм, смешивались с ницшеанской критикой действительности. Буржуазная критика создала легенду о ницшеанстве молодого М. Горького, пытаясь таким образом ослабить классовую природу его творчества. М. Горький со всей категоричностью отрицает это влияние Ф. Ницше, подчеркивая социальный характер своего протеста: „Критика, стараясь поставить меня, как писателя, в определенный угол, указывала на мою зависимость от целого ряда влияний, начиная с Декамерона, Ницше и кончая уже не помню кем“. „В свое время кто то из критиков упрекнул меня в пристрастии к кученю Ницше. Упрек неосновательный, я был человеком «толпы», и «герои» Лаврова-Михайловского и Карлейля не увлекали меня, так же как не увлекала и «мораль господ», которую весьма красиво проповедывал Ницше“. „Это философия человека, который кончил безумием, была подлинной философией «хозяев» и не являлась оригинальной... ее цель — оправдание власти «хозяев», и они ее никогда не забывают“. „Я имел вполне законное основание приписать кое какие черты древней философии хозяев русскому хозяину“. Прием был прост: я приписал Якову Маякину кое-что от социальной философии Фридриха Ницше“. „Я познакомился с нею в 93 г. от студентов Ярославского лицея, исключенных из него... Но еще раньше, зимою 89—90 г., мой друг

[The page contains extremely faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the document. The text is mirrored and difficult to decipher.]

Н. Э. Васильев переводил на русский язык лучшую книгу Ницше «Так сказал Заратустра» и рассказывал мне о Ницше, называя его философию «красивым цинизмом». („Беседы о ремесле“ — в сборнике М. Горького „О литературе“. Изд. „Советский писатель“. М., 1933, стр. 220 — 221.)

Все писатели всегда лакеи какой-нибудь морали — Цитата из произведения Ницше „Генеалогия морали“ 1887 г., переведенного на русский язык в 1899 г.

Один приятель написал мне письмо о своем впечатлении — В газете „Кавказ“, 1899, № 114, 2 мая в отделе „Театр и музыка“ была напечатана следующая рецензия за подписью Н. М.: „Нельзя не удивляться, что прекрасная пьеса Чехова „Дядя Ваня“ привлекла в пятницу 30-го апреля довольно мало публики. „Дядя Ваня“ — драма будничной жизни и затрагивает вопросы если не близкие, то понятные всякому“. Повидимому, именно этот отзыв был обруган приятелем М. Горького в письме к нему. Установить, кто писал М. Горькому — не удалось.

„Чайка“ — О спектакле „Чайка“ см. в комментариях к письму № 8.

Уединение мать мудрости — слова Гергарда Грима в пьесе Гедберга „Гергард Грим“.

Жан — лакей, один из главных действующих лиц в пьесе „Графиня Юлия“.

Это утешение, что другие не лучше чем мы сами — слова лакея Жана из пьесы „Графиня Юлия“.

12

[Июнь 1899 г. Из Новгорода в Москву.]

Спасибо доктор Чехов! Великолепная карточка. Как живете, как здоровье? Скоро-ли в Ялту, где, должно быть, адски жарко теперь. Если жары не любите — приезжайте сюда — у нас вчера уже снежок выпал. Надо думать, что скоро поедем на санях. Не поверите — до какой степени мерзка весна здесь, точно наша нижегородская природа с ума сошла или пьяна.

Приехал Тимковский, сидит и загибает драму. Работает он здорово! аккуратен во всем, как немец. Любит рассуждать от философии, любопытен, как человек этакий увесистый, хотя и маленький. Скучноват, как просто человек. И зачем люди так много мудрствуют и так мало, плохо, не умеючи живут?

Настроение у меня пакостное, устал я — страшно и вообще чего-то не ладно живется мне. Фома мой становится для меня крокодилом каким-то. Я даже во сне его видел прошлый раз: лежит в грязи, щелкает зубами и свирепо гово-

рит: — что-ты со мной, дьявол, делаешь? А что я делаю? Испорчу ему вид.

А вам жму крепко руку. Спасибо за память.

Ваш А. Пешков

Письмо на одной странице почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова карандашом написано: „99. VI“. Дата письма уточняется ответным письмом А. Чехова от 22 июня 1899 г., в котором А. Чехов писал: „Зачем вы все хандрите... Зачем вы браните неистово своего Фому Гордеева“...

Забывает драму — Н. Тимковский работал в это время над пьесой „Сильные и слабые“.

Фома мой становится крокодилом — М. Горький в это время работал над повестью „Фома Гордеев“. Начало работы относится к 1898 г. Повесть была напечатана в 1899 г. в журнале „Жизнь“, тт. II—IV, VI—IX.

13

[Конец июня 1899 г. Из Н. Новгорода в Москву.]

А я был уверен что вы купаетесь в море! Не хорошее это занятие для человека с вашими легкими сидеть в затхлом городе Москве имея возможность гулять по морским берегам. Я тоже сижу в городе, но невольно, ибо начальство не пускает меня на дачу, к семье, не смотря на все мои о сем ходатайства в надлежащих сферах. Квартиру у меня красят и я, поэтному, изгнан из нее на крыльцо, где и проживаю. Жарко и тесно мне! По вечерам я пью водку с малярами и пою с ними песни. Приятно поют костромичи и пение их изгоняет из сердца моего беспутного обильные слезы а — вместе с ними — хандру.

Объяснение ваше духовного недомогания моего — математически верно. Ибо — если окологородного надзирателя сразу произвести в частные пристава — неловко будет окологородному. Пожелает он распорядиться сообразно с новым неожиданным и, быть может, незаслуженно пожалованным чином, а способности-то у него — не повысились в уровень с обязанностями частного. Жаль его несчастного.

В Петербург жить — не поеду. Там солнце бывает три раза в году, а женщины все читают экономические книжки, и всякое подобие женское утратили — без солнца и женщин живых чело-

веку жить невозможно. А вот с будущей весны двину я путешествовать по России пешком — это меня сразу освежит. Рад я, что попова книжка понравилась вам. Был бы еще более рад, если-б, при встрече, он сам понравился вам, во что верю. Он — лучше своей книжки неизмеримо. Знаете, — очень приятно и вкусно видеть искренно верующего человека. Редки люди с живым богом в душе. А поп — такой. Милый, ясный попик!

Он в Крыму теперь, в двух верстах от Алушты, забыл на чьей даче. Напишу ему что вы в начале июля тоже там будете. Очень хочется, чтобы вы встретились и полюбили друг друга, ей-богу.

Марья Водовозова вчера была у меня. Противная баба. Сказала, между прочим, что Средин скоро умрет. Похвалила Альтшулера и, как кошка, нафыркала на всех остальных ялтинцев. Обучает студентиков марксизму. Нет, как нехорошо все это и какая она жалкая, при всем своем великолепии в экономических книжках. Рассказы ваши еще не прочитал. За письмо — спасибо вам. Хорошо для меня, что я узнал вас. Крепко жму руку.

Поезжайте скорее из Москвы куда нибудь!

А что ваши книги — скоро выйдут? И как — отдельным изданием или — как и Тургенев и проч. — в приложении к Ниве?

Всего доброго!

А. Пешков

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. На первой странице рукой А. Чехова чернилами написано: „99. VI“. Письмо является ответом на письмо А. Чехова от 22 июня 1899 г., в котором А. Чехов сообщал о том, что книжка Г. Петрова ему понравилась.

Объяснение ваше духовного недомогания моего — математически верно — М. Горький имеет в виду письмо А. Чехова от 22 июня 1899 г.: „Зачем вы все хандрите, драгоценный Алексей Максимович! Зачем вы браните неистово своего Фому Гордеева? Тут, мне кажется, кроме всего прочего, с вашего позволения, две причины. Вы начали с успеха, начали шумно и теперь все, что представляется вам обыденным и заурядным, не удовлетворяет и томит вас. Это раз. Во вторых, литератору нельзя безнаказанно проживать в провинции. Что бы вы там ни говорили, вы вкусили от литературы, вы отравлены уже безнадежно. Вы литератор, литератором и останетесь. Естественное же состояние литератора — это всегда держаться близко к литературным сферам, жить возле пишущих, дышать литературой. Не боритесь же с естеством, покоритесь раз и навсегда — и переезжайте в Петербург или в Москву. Брани-

тесь с литераторами, не признавайте их, половину из них презирайте, но живите с ними“ (22 июня 1899 г.)

Рад я что попова книжка вам понравилась — Книга Г. С. Петрова „Евангелие, как основа жизни“. См. комментарии к письму № 10.

Мария Водовозова — Мария Ивановна Водовозова, жена известного публициста Н. В. Водовозова. Вместе с мужем организовала издательство, выпускавшее книги по экономике.

Средин — Леонид Валентинович (1860 — 1909), доктор, близкий знакомый М. Горького и А. Чехова. По болезни жил в Ялте.

Альтшулер — Исаак Наумович, практиковавший в Ялте врач. Крупный специалист по лечению туберкулеза. Лечил А. Толстого во время его болезни в Крыму в 1901—1902 г. и А. Чехова, когда последний жил в Ялте.

Рассказы ваши еще не прочитал — А. Чехов по просьбе М. Горького посылал ему в корректурах свои рассказы, которые он готовил для собрания сочинений в издании А. Ф. Маркса.

„Нива“ — иллюстрированный еженедельный журнал, издававшийся с 1870 до 1918 г. в Петербурге А. Марксом. С 1891 г. в виде приложения к журналу давались собрания сочинений русских писателей.

[Начало июля 1899 г. Из Васильурска в Москву.]

Вы меня не верно поняли. Подозревать вас в ехидстве — я не мог и не подозревал. Вас-то? Не думаю, чтоб вы умели ехидничать, я же не умею подозревать. Лыстить я тоже не умею. Я вас, батюшка, — люблю, люблю очень, горячо, любил когда еще не знал, узнав — люблю еще больше. Мне дорого каждое ваше слово и вашим отношением ко мне — горжусь, будучи уверен что оно — лучшая мне похвала и самый ценный подарок от судьбы. Вот какие дела-то! А вы подозреваете меня в ехидстве по вашему адресу. Бросьте!

Я не доволен собой потому что знаю — мог-бы писать лучше. Форма всетаки ерунда. Это мне обидно.

В Кучук к вам приеду, если осенью кончится надзор надо мной. Живу в городе Васильурске, Нижегород. губ. Если бы знали как чудесно здесь! Большая красота, — широко, свободно, дышется легко, погода стоит прохладная. Загляните на денек? Воды в Волге еще много и проехали-бы вы прекрасно.

Места у нас — тоже много. Дали бы вам отдельную комнату, ни детей, ни собак — тишина и покой!

Живет со мной Тимковский. Тяжеленько с ним — пессимист он великий и мелочной человек. Почему то все вообще пессимисты очень любят холить и лелеять себя и в оном занятии бывают zelo неприятны. На днях приедет Миролюбов. Потом — Поссе. А кабы вы приехали — это было-б всего лучше.

Извините меня — я направил к вам в Москву некую Клавдию Гросс, „падшую“ девицу. Я еще не знал делая это, что вы по Тверскому гуляете и с оными „падшими“ беседуете. Сюжет она высоко интересный и я думаю, что направив к вам ее — поступил не дурно. Она привезет вам историю своей жизни написанную ею. Она — приличная, на языках говорит и вообще девица — славная, хотя и проститутка. Думаю что вам она более на пользу, чем мне.

А пока — крепко жму руку вам.

Всего доброго!

Уезжайте поскорее из Москвы.

А. Пешков

Письмо на трех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. Па первой странице рукой А. Чехова чернилами написано: „99. VII“. — Дата письма определяется письмом А. Чехова от 27 июня 1899 г., в котором он писал М. Горькому, что уедет в Ялту около 15 июля. М. Горький адресует это свое письмо еще в Москву и советует А. Чехову, как можно скорее уезжать из Москвы.

Вы меня не верно поняли — М. Горький имеет в виду письмо А. Чехова от 27 июня 1899 г., в котором А. Чехов писал: „Когда я писал вам, что вы начали шумно и с успеха, то я вовсе не таил ехидного замысла — упрекнуть, или подпустить шпильку. Заслуг я ничьих не касался, а мне просто хотелось сказать вам, что вы не были в литературной бурсе, а начали прямо с академии и теперь вам уже скучно бывает служить без певчих. Я хотел сказать: погодите год-два, вы угомонитесь и увидите, что ваш милейший Фома Гордеев решительно ни в чем не виноват“.

В Кучук к вам приеду, если кончится надзор надо мною — В деревне Кучукой на южном берегу Крыма была дача А. Чехова. В письме от 27 июня, А. Чехов звал М. Горького к себе в Кучукой. Надзор полиции был снят с М. Горького 8 июля 1899 г.

Я еще не знал, что вы по Тверскому гуляете и с оными „падшими“ беседуете — М. Горький имеет в виду следующую фразу из письма А. Чехова от 27 июня 1899 г.: „Буду сидеть в Москве на Мл. Дмитровке, гулять по Тверскому бульв., беседовать с падшими женщинами и обедать в международном ресторане“.

Клавдия Гросс — М. Горький напечатал в „Северном курьере“, 1899, № 13, 13 ноября, № 14, 14 ноября, № 15, 15 ноября рассказ К. Гросс о своей жизни, сопроводив его особым введением и заключением.

15

[Август 1899 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Дорогой

Антон Павлович.

„Жизнь“ узнала откуда-то что вы пишете роман и просят вас отдать ей оный. Я тоже прошу вас — горячо прошу! — если вы никому еще не обещали романа — пожалуйста отдайте его „Жизни“. Вот-бы ловко было! Здорово поддержали-бы вы этот журнал. В средствах „Жизнь“ не стесняется — считаю нужным сказать. И если вы ничего против журнала не имеете — пожалуйста телеграфируйте, что отдаете ему. Можно?

Переехал я из Василя в Нижний где занимаюсь изучением ярмарочных кабаков. Кашляю. Видел на днях Гиляровского — ну, фигура! Понравился он мне хотя в нем есть много крикливого хвастовства. Видел Короленко вчера — сильно испортил его Петербург! В конце Сентября я — к вам в Ялту не надолго.

Очень прошу вас, Антон Павлович, насчет „Жизни“. А еще прошу — пожалуйста почитайте Фому. Я приеду и кое о чем спрошу вас по поводу его, — можно?

Тимковский прожил со мной все лето. Знаете — во всем что вы сказали о нем, вы убийственно правы. Я ненавижу Тимковского, очень жалею его и — удивляюсь, как это Средин и Ярцев, люди довольно чуткие, признали живую душу в человеке сплошь пропитанном кислым самолюбием?!

Как здоровье?

Крепко жму руку.

Жду ответа насчет Жизни.

Ваш А. Пешков

Письмо на трех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова красным карандашом написано: „99. VIII“. — Дата письма устанавливается ответным письмом А. Чехова от 24 августа, в котором А. Чехов сообщает, что одновременно с письмом М. Горького пришло письмо из „Жизни“ с просьбой о романе. Письмо журнала „Жизнь“, о котором говорит А. Чехов (хранится в рукописном отделении Ленинской библиотеки), датировано 12 августа 1899 г.

„Жизнь“ — журнал; см. о нем в комментариях к письму № 3.

Почитайте Фому — повесть М. Горького „Фома Гордеев“. О ней см. в комментариях к письму № 12.

Гиляровский — Владимир Алексеевич (1855—1935), Беллетрист, поэт, журналист, занимался репортажем. Первая его книга, „Трущобные люди“ 1887 г. была сожжена цензурой. Систематически печатался с 1881 г.

В своих воспоминаниях В. Гиляровский рассказывает о знакомстве с М. Горьким летом 1899 г., когда он был у М. Горького в Н. Новгороде (сборник „О Горьком — современники“. Моск. т-во писателей [1928], стр. 117—122). Разговор шел о студенческих волнениях 1899 г. По просьбе М. Горького В. Гиляровский записал текст своего стихотворения „Сейте“ (о студенческих беспорядках), пользовавшегося большим успехом. При обыске 1901 г. эти стихи были отобраны у М. Горького. А. Чехов писал М. Горькому: „Гиляровский налетел на меня вихрем и сообщил, что познакомился с вами. Очень хвалил вас“ (24 августа 1899 г.).

Ярцев — Григорий Федорович, художник, живший в Ялте. Близкий знакомый М. Горького и А. Чехова.

16

[Конец августа 1899 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Дорогой Антон Павлович!

Сейчас прочитал в „Жизни“ статью Соловьева о вас. Не доволен, хотя по адресу Михайловского он дельно говорит. Не дурно о „Дяде Ване“, но все это не то, что надо. Затем Соловьев неправ там где говорит о вашем счастье. В общем — он легковесен.

Антон Павлович! Разрешите мне посвятить вам Фому в отдельном издании? Если это будет вам приятно — разрешите пожалуйста. Не будет — так и скажите — не надо. Я не самолюбив и ваш отказ отнюдь не обидит меня. Ответьте поскорее, очень прошу. Говоря по-совести — сорвался с Фомой. Но вышло так, как я хотел в одном: Фомой я загородил Маякина и цензура не тронула его. А сам Фома — тускл. И много лишнего в этой повести. Видно ничего не напишу я так стройно и красиво как „Старуху Изергиль“ написал.

Гиляровский прислал мне книжку стихов и мне странно было видеть что она такая тоненькая. Стихи хуже автора. Он пишет мне и так славно, чорт! В Москве зайду к нему и напьюсь с ним вплоть до райских видений. В Москву хочу попасть так чтоб увидеть „Чайку“ или „Дядю Ваню“. Написал Гиляровск[ому] — который должен все знать и все уметь, чтоб он мне устроил все это — известил бы когда будет поставлено то или другое и достал-бы место.

Еду в Питер в сентябре, везу больную тещу в клинику и одного мальчика к Штиглицу. Сам — здорово кашляю. Фому дописал и очень рад.

Если увидите Средина или Ярцева кланяйтесь. Кстати — обругайте их. Что они, точно мертвые? Думаю, что в Ялту попаду в конце сентября, если кашель не усилится и не погонят меня раньше. В глубине души я — за кашель, ибо в Питер ехать не хочется. Хоть вы и хвалите его, но я всетаки скверно о нем думаю. Небо там страдает водянкой, люди — сомнением, а литераторы и тем и другим вместе. Сколько там литераторов? Я думаю — тысяч 50. Остальные люди — или министры, или чухонцы. Все женщины — врачи, курсистки и вообще — ученые. Когда петербургскую женщину укусит муха, — то она, муха, тотчас-же умирает от скуки. Все это — страшно мне.

А видеть вас очень хочется. И потом нужно поговорить с вами по поводу одного дела. Всячески нужно в Ялту. Здесь с 20-го июля наступила осень, льют дожди, дует ветер, грязно, холодно. Скучно! На днях я развлекался тем, что ходил к одной хорошенькой барыне. Она — дантистка. Она мне зубы рвала, а я ей ручки целовал. Ужасно ловко целовать ручки у дантисток! Вы попробуйте-ка! Но — это дорого стоит: она и зубы повырывает, да еще деньги за поцелуй возьмет. Я лишился трех зубов и больше не могу.

До свидания!

Как здоровье? Отвечайте скорее.

А. Пешков

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова красным карандашом написано: „99. VIII“. — Дата письма уточняется упоминанием о статье Е. Соловьева, начатой печатанием в апрельской книжке журнала „Жизнь“ 1899 г. и законченной в августовской книжке.

Статья Соловьева — В своей статье „Антон Павлович Чехов“ Е. Соловьев возражал против ряда основных положений Н. Михайловского в его оценке А. Чехова. „Многое опустил Михайловский в своей оценке Чехова, — писал Соловьев, — и не потому, что у него не доставало критической проницательности, а благодаря своему предвзятому взгляду на литературную эпоху 80-х гг.“ Е. Соловьев не согласен и с выводом Н. Михайловского, „что Чехову все едино, что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца“, не согласен он и с оценкой Н. Михайловским пьесы „Иванов“, в которой видел „пропаганду тусклого, серого, умеренного и аккуратного жития“.

Михайловский — Николай Константинович (1842—1904), публицист и критик, теоретик русского народничества. Статья Н. Михайловского о А. Чехове, на которую отвечал Е. Соловьев, — „Об отцах и детях и о г. Чехове“.

Недурно о „Дяде Ване“ — Е. Соловьев в своей статье дал следующую оценку пьесы „Дядя Ваня“: „По богатству и разнообразию содержания, по глубине затронутых мотивов лучшей пьесой сборника я считаю „Дядю Ваню““.

Он неправ там, где говорит о вашем счастье — Очевидно, М. Горький имеет в виду следующую фразу из статьи Е. Соловьева: „Счастье Чехова настолько поразительно, что по поводу первых же его произведений поднялся интересный литературный разговор об отцах и детях, их расприх и раздорах“.

Разрешите мне посвятить вам Фому в отдельном издании — А. Чехов ответил на это: „Я вообще против посвящений чего бы то ни было живым людям... в частности же — посвящение мне «Фомы Гордеева» не доставит мне ничего кроме удовольствия и чести. Только чем я заслужил сие? Впрочем ваше дело судить, а мое дело только кланяться и благодарить“ (3 сентября 1899 г.). В 1900 г. „Фома Гордеев“ был выпущен журналом „Жизнь“ отдельным изданием с посвящением А. Чехову. В книге после титула помещен лист с печатным посвящением „Антону Павловичу Чехову М. Горький“. Экземпляр этого издания в дорогом переплете был послан А. Чехову.

Гиляровский прислал книжку стихов — В. Гиляровский послал М. Горькому книжку своих стихов „Забятая тетрадь“ 1894 г. В своих воспоминаниях В. Гиляровский пишет: „Послал сборник стихов «Забятая тетрадь», где были напечатаны проспанные цензурой две главы «Стеньки Разина». «Разин — здорово и красиво», — пишет мне в ответ на посылку Алексей Максимович и эта похвала автора Буревестника мне очень дорога“ (стр. 121—122).

В 1896 г. в № 22 „Самарской газеты“ М. Горький поместил рецензию на книгу В. Гиляровского „Забятая тетрадь“ (сборник „О Горьком — современники“. Моск. т-во писателей [1928]). В этой рецензии М. Горький отметил отсутствие в книге оригинальности, красоты стиля, идеи и считал неоправданным выпуск этой книжки вторым изданием.

Штилицу — Николай Иванович Штилиц, врач в Петербурге, ассистент клинического института.

[Сентябрь 1899 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Вчера начал собираться к вам в Ялту, как вдруг явились из за Урала некие люди и я остаюсь здесь на неопределенное время. Не могу сказать, что доволен этим.

Спасибо, Антон Павлович, за советы! Ценю их глубоко и воспользуюсь ими непременно. Великолепно вы относитесь ко мне, ей богу! Приеду — и наговорю вам — не знаю чего, но от всей души. Спасибо!

Не писал вам потому, что был занят разными делами до чортиков и все время злился, как старая ведьма. Настроение — мрачное. Спина болит, грудь тоже, голова помогает им в этом.

После 25-го должен ехать в Питер и Смоленск. Это тоже — испытание. Нужно написать для Миролубова какую-нибудь штуку, а я — ничего не могу. Боюсь Мир[олубова] и он мне даже во сне снится. Стоит, будто-бы, длинный, голова его даже до облак достягает и оттуда гудит укоризненный бас:

— „Большим журналом закабалился... «Для всех»... Эх!“ ужасно!

С горя и от скверного настроения начал пить водку и даже писать стихи. Думаю, что должность писателя не так уж сладкая должность. Особенно утруждают барыни — придут и начнут всячески вас щупать. „Вы — феминист? Вы верите в существование Высшей Силы?“ „Зачем вы пьете коньяк?“

Что им скажешь? Скучно!

Из Питера махну к вам и, стало быть, буду у вас в начале октября.

Ваш А. Пешков

Письмо на трех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице письма в правом верхнем углу рукой М. Горького написано чернилами „17“. Что должна означать эта цифра — неясно. Судя по содержанию письма, она относится, повидимому, к сентябрю 1899 г.

После 25-го должен ехать в Питер и Смоленск — О пребывании М. Горького в Петербурге и Смоленске см. в комментариях к письмам №№ 18 и 19.

Нужно написать для Миролубова какую-нибудь штуку — О Миролубове см. в комментарии к письму № 1. — В „Журнале для всех“ В. Миролубова М. Горький напечатал свои рассказы: „Дружки“ — 1898, № 10, — „Финоген Ильич“ — 1899, №№ 2 и 3, „Песня о слепых“ — 1901, № 1.

Дорогой Антон Павлович!

Петербург — противный город. В нем, по моему, ужасно легко сделаться мизантропом. Мерзкое место.

Я здесь уже около трех недель. Отупел, и страшно обозлился, хотя встречен был ужасно лестно. Именно ужасно. Разу-

меется натворил здесь массу нетактичностей и нелепостей. Так, например, на ужине, в присутствии 60-ти знаменитых русских людей, занимающихся от люльки спасением России, я сказал о себе, — в ответ на комплимент, — что цену себе я знаю, знаю что я — на безрыбьи рак, на безлюдьи — Фома. Это не понравилось никому и даже мне не очень нравится. Действуя в этаким духе, успел я приобрести весьма приятную нелюбовь ко мне со стороны разных лиц. Публики видел я несчетное количество. И все знаменитой. Вследствие этого стало мне ужасно тошно, и я очень каюсь, что приехал сюда. Право-же еще одной иллюзией стало меньше. Очень мне жаль здешних людей — такие они все несчастные, одинокие, и так все испорчены завистью друг к другу — беда!

Отсюда еду в Самару, из Самары в Смоленск, а потом — к вам. Впрочем не знаю, когда к вам, ибо у жены заболели глаза и я, быть может, повезу ее к Адамыку в Казань.

Дорогой Антон Павлович! Дайте „Жизни“ рассказ! Очень прошу вас об этом. Дайте, коли будет, поддержите этот, право недурной, журнал. Он более других нуждается в вашем сотрудничестве.

Затем — кланяюсь вам и желаю доброго здоровья, хорошего настроения. Последнего — мне пожелайте.

Крепко жму вам руку.

Сердечно, искренно любящий вас

А. Пешков

Письмо на двух страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице письма написано карандашом рукою А. Чехова „99, X“. — Место и дата написания письма определяются его содержанием.

Натворил здесь массу нетактичностей и нелепостей. Так, например, на ужине в присутствии 60-ти знаменитых русских людей... — Об этом случае с М. Горьким во время его пребывания в Петербурге в 1899 г. на банкете в редакции „Жизни“ вспоминает В. Поссе в своей книге „Мой жизненный путь“. М., ЗИФ, 1929 г. О пребывании М. Горького в Петербурге писал А. Чехову В. Миролубов 24 октября 1899 г.: „...Здесь Горький, которого водят из дома в дом и показывают просвещенной публике. Он изрыгает хулу на Питер и хочет всех описать. Подвертывающихся ругает... и доводит девиц до слез, ибо говорит: «наплевать мне на всю вашу культуру». Молодежь его туг как-то спрашивала, какова его программа и что он хочет сказать своими писаниями, как он пишет: «Как пишу? — Видел босяков, тех описывал; увидел купцов, написал об них; теперь, вот, вас начну описывать, а что касемо программы, так по моему программный человек похож на полено». — Всеобщее

ощепенение... Боюсь как бы он не увлекся этим озадачиванием и не привык к нему". В книге „Революционный путь Горького“, Централхив. Гиз. худ. лит., М.—Л., 1933, стр. 41, приведено письмо неизвестного лица, посланное в ноябре 1899 г. из Петербурга в Цюрих и перехваченное полицейской агентурой. В этом письме сообщалось: „В Петербург приезжал Горький. Литературный кружок недели две носился с ним. Он, говорят, скучал, задыхался и отплевывался от всей этой пошлости и... не выдержал. Выпал такой случай, и он громко выругал все то, перед чем у нас привыкли кадить. Все наши литераторы, вся интеллигенция ему, свежему человеку, показали такой-же буржуазной, затхлой и пошлой, как и самые последние низы... Люди, пред которыми он прокричал эти слова (простые смертные — депутаты одной вечеринки), были возмущены этим богохульством, а для меня эти слова показали огненными буквами, написанными на наших мертвых, безжизненных скрижалях... Это революционный призыв, пока одинокий и, может быть, надолго затерянный в нашем цепенеющем царстве...“

Отсюда еду в Самару, из Самары в Смоленск — О поездках М. Горького в Самару и Смоленск см. в письме № 19.

Адамюк — Емелиан Валентинович (1839—1906), выдающийся окулист, профессор Казанского университета.

19

[Конец ноября 1899 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Дорогой и уважаемый Антон Павлович!

Не писал я это время по причине очень простой — на меня, как на Макара шишки, одна за другой сыпались разного калибра неприятности и под влиянием их у меня образовалось настроение злое, нелюдимое. Мне хотелось со всеми ругаться, что я с немалым успехом и выполнял. Поездка в Питер — это какой-то эпилептический припадок или кошмар, — во всяком случае нечто до такой степени неожиданно-тяжелое, неприятное, грустное и жалкое, и смешное, что я и теперь еще не могу хорошенько переварить все, что впитал в себя там. А на другой день по приезде из Питера я с женой должен был ехать в Самару и три дня провел в пути, ожидая по приезде увидеть человека, к которому ехал и которого очень люблю — в гробу, на столе. К счастью этого не случилось, хотя может случиться завтра. Воротился в Нижний — захворала сестра жены и прохворав три дня — умерла. Это уж — трагедия, по характерам моих домашних. В то время, как я хлопотал с похоронами — в Москве в клинике Боброва делали операцию в правом боку

одному товарищу, очень дорогому мне и я дрожал за него. Все это еще не улеглось, как вчера у меня дома разыгралась нелепейшая мелодрама. Жила у нас одна проститутка, которую я „спасал“ и автобиографию напечатал в „Сев[ерном] Курьере“ за 13—15 с[его] ноября.

Жила и — ничего. Возилась с младенцем сестры жены, которому 12 дней от роду и который немолчно пищит целые дни. Женщина она работящая, хорошая, но истеричка. И вдруг — оказывается, она распускает слухи, что живет не только у меня, но и со мной. Я это узнаю и произвожу маленький допрос, который меня убеждает в том, что источник сплетни действительно она. Ну, что с ней делать? Жалкая она. Жена моя, разумеется, взволновалась, мать ее — тоже. Канитель! Ладно, что еще жена у меня молодчина. Ну, а пришлось все-таки спасаемую-то выставить за дверь. Это — история из тех, что только со мной могут случаться. Очень я устал от всего этого. А тут к декабрю в „Жизнь“ рассказ надо и 2-го мне необходимо ехать в Смоленск.

Ужасно хочется повидать вас. Я ворочусь в Нижний 8-го, к тому времени напишите не будете-ли на рождестве в Москве? Я-бы приехал.

Сердечное вам спасибо за то, что поддержали „Жизнь“. Это так хорошо! Думаю я, что журнал сей выправится и будет славным. Поссе — это парень, которого можно очень любить. Фома скоро выйдет. Вам, наверное, редакция вышлет сейчас же по выходе. Ну, желаю вам доброго здоровья и хорошего настроения! Славно дело затеяли вы! Наверное мне удастся немножко помочь вам. Будьте-же здоровы!

Если можете — пишите почаще, а то мне очень трудно жить во всей этой мрачной и мутной суете.

Крепко жму руку вашу.

А. Пешков

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. На первой странице письма написано карандашом рукою А. Чехова „99, XII“. Место и дата написания письма определяются его содержанием.

Поездка в Питер — это какой-то эпилептический припадок — Об очень тяжелом впечатлении, какое осталось у М. Горького от поездки в Петербург, он писал в это же время Л. Средину: „Это самый скверный город на земле, он населен самыми лживыми и двоедушными людьми. Я пробыл с ним только месяц, но прожил — год. Они мне противны и жалки...“

Ожидая по приезде увидеть человека, к которому ехал и которого очень люблю — в гробу — М. Горький ездил в Самару к умирающей М. С. Позерн (о М. С. Позерн — см. в комментарии к письму № 32), что видно из письма М. Горького к Л. Средину от 16 ноября 1899 г.: „26-го поехал в Самару, ибо мне сообщили, что любимый мною человек Мария Сергеевна Позерн — умирает...“

В Москве в клинике Боброва делали операцию одному моему товарищу — Речь идет о товарище М. Горького Н. Ланине. В письме к Л. Средину от 16 ноября 1899 г. М. Горький писал: „...Я должен буду ехать в Москву в клиники Боброва, где 17-го Бобров будет делать операцию Коле Ланину. У него ангиома рецидив и он согласился на операцию лишь при условии, если я с ним поеду“.

Жила у нас одна проститутка, которую я „спасал“ и автобиографию напечатал в Сев. Курьере за 13—15-е ноября — М. Горький, узнав у проститутки Клавдии Гросс историю ее жизни, уговорил ее написать свою автобиографию, которую он напечатал в газете „Северный курьер“, 1899 г., 13, 14 и 15 ноября под заглавием „Рассказ“, со своим предисловием и заключением. „Предлагаемый рассказ не «беллетристика», — писал Горький, — он, нечто более ценное и важное. Это — подлинное показание потерпевшего от нелепых и позорных условий нашей жизни...“ „...Вот теперь Лев русской литературы могуче рычит на весь мир о жизни и страданиях Масловой [Л. Н. Толстой — „Воскресение“] и публика с наслаждением слушает речь пророка... Если-б одна из подруг этой Масловой рассказала о своей жизни своими словами — это, быть может, еще несколько увеличило бы интерес общества к погибающим людям, к этим женщинам, которые ему необходимы — но почему то так жестоко презираются им...“ В заключении к автобиографии Горький писал: „Быть может, найдутся люди, которые с брезгливой миной скажут: «Зачем все это печатать. Нелепая идея. В литературе совсем не место проституткам с их рассказами...» Это будут глупые и живые слова. В литературе место всякой правде. И в ней есть проститутки с рассказами, есть, к сожалению. Их имена хорошо известны, для того, чтобы здесь называть их. Адреса их знают те, кому они продаются. В литературе место всякому голосу — если это искренний голос. Литература есть трибуна для всякого человека, имеющего в сердце горячее желание поведать людям о неустройстве жизни и о страданиях человеческих, о том, что надо уважать человека и о необходимости для всех людей — свободы! свободы! свободы!“

К декабрю в Жизнь рассказ надо — В декабрьской книжке „Жизни“ 1899 г. напечатан рассказ М. Горького „Двадцать шесть и одна“.

Фома скоро выйдет — Повесть М. Горького „Фома Гордеев“ вышла отдельным изданием в феврале 1900 г.

2-ю мне необходимо ехать в Смоленск — 4 декабря 1899 г. М. Горький выступал в Смоленске на благотворительном вечере. В газете „Смоленский вестник“, 1899, № 265, 30 ноября, стр. 2, в отделе „Местной хроники“ напечатано: „Попечитель московского учебного округа разрешил на предположенном к устройству 4 декабря текущего года литературно-музыкальном вечере в пользу общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных, средних и высших учебных заведениях Смоленской губернии прочитать известному беллетристу М. Горькому его произведения «Песня о Соколе», «Читатель», «Старуха Изергиль»“.

Сердечное вам спасибо за то, что поддержали „Жизнь“ — А. Чехов дал в журнал повесть „В овраге“, которая была напечатана в январской книжке журнала за 1900 г.

Славное дело затеяли вы! — Речь идет о предполагавшейся постройке в Ялте туберкулезного санатория для недостаточных больных. См. об этом также в комментарии к письму № 20.

20

[Начало декабря 1899 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Дорогой Антон Павлович!

Присланную вами бумажку я напечатал в Листке и затем разослал оный по знакомым в Питер, Москву, Самару, Смоленск. Здесь, в Листок, плохо дают, до сей поры дали только 35 р. Но я сам пойду по некоторым из местных богачей и немножко сорву с них. Боюсь, что поступил неловко, напечатав в местной газете выдержку из вашего письма о смерти Епифанова. Простите, коли так. Я рассчитывал, что этот звук щипнет людей за сердце, но, кажется, ошибся. Как вы живете, как здоровье? Когда же Маркс выпустит в свет ваши книги? Говорят, что Суворинские издания уже разошлись и в магазинах отказывают, требующим ваши книги.

Был недавно в Москве и узнал там, что Вольф скупил мои книжки. Не понимаю хорошо это или дурно. Я продал свои 3 т[ома] по 4000—12 000 за 1800 р. — скажите это хорошо или дешево? Говорят, что дешево. Но мне не верится в это, ибо оба издателя люди, кажется, хорошие.

Сегодня был у меня Телешов — какой он здоровый! Кроме этого впечатления я ничего не вынес из встречи с ним. Завидую его здоровью, ибо мое — трещит по всем швам. Простите за вопрос: но не находили-ли вы, бывая в Питере, что тамошние литераторы очень зависимы от публики, что они побаиваются ее, что они, пожалуй, слишком любят популярность и главным образом на почве этой любви ненавидят друг друга?

Я все не могу еще развязаться с Питерскими впечатлениями. Они были какими-то сырыми, липкими и как-бы облепили мне душу. Вы можете себе представить душу, одетой в сырую, тяжелую грязную тряпку? Из таких тряпок, которыми подтирают грязь на полу? Это бывает, однако.

Что вы пишете и скоро ли кончите? Я скоро начну еще одну большую ахинею. Буду изображать в ней мужика, — образованного, архитектора, жулика, умницу, жадного к жизни, конечно. И скоро пришлю вам фотографию всей моей фамилии.

Какой у меня сын славный, Антон Павлович! Кабы вы приехали посмотреть на него! А может случится, что вы увидите его и другим путем, ибо, весьма вероятно, что зимою я принужден уже буду ехать в Ялту.

Пока — до свиданья!

Всего доброго! Деньги присылать, какие есть?

А. Пешков

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице письма написано карандашом рукою А. Чехова „99, XII“. — Дата письма определяется его содержанием — оно является ответом на письмо А. Чехова от 25 ноября 1899 г. и написано после напечатания М. Горьким 1 декабря 1899 г. воззвания А. Чехова.

Присланную вами бумажку я напечатал в Листке — Речь идет о воззвании с целью сбора средств для постройки в Ялте туберкулезного санатория для недостаточных больных, написанном А. Чеховым и присланном М. Горькому для напечатания в газетах. А. Чехов писал М. Горькому 25 ноября 1899 г.: „Одолевают чахоточные бедняки... Видеть их лица, когда они просят, и видеть их жалкие одеяла, когда они умирают, — это тяжело. Мы решили строить санаторию, я сочинил воззвание; сочинил, ибо не нахожу другого средства. Если можно пропагандируйте сие воззвание через нижегородские и самарские газеты, где у вас есть знакомства и связи. Может пришлют чтонибудь...“ Воззвание под заголовком „От А. П. Чехова“ и было напечатано в газете „Нижегородский листок“ 1899 г., № 330, 1 декабря.

Боюсь, что поступил неловко, напечатав в местной газете выдержку из вашего письма о смерти Епифанова — Дополнив со своей стороны воззвание А. Чехова, М. Горький привел следующую выдержку из письма к нему А. Чехова от 25 ноября 1899 г.: „Третьего дня здесь в приюте для хроников, в одиночестве, в забросе умер поэт «Развлечения» Епифанов, который за два дня до смерти попросил яблочной пастилы и, когда я принес ему, то он вдруг оживился и зашипел своим больным горлом, радостно: «Вот эта самая! Она!» Точно землячку увидел“.

Когда же Маркс выпустит в свет ваши книги? — Первые книги А. Чехова появились в издании А. Маркса в 1900 г.

Говорят, что Суворинские издания уже разошлись — В издании А. Суворина вышли следующие книги А. Чехова, выдержавшие за время от 1887 г. по 1898 г. ряд изданий: „Пестрые рассказы“, „В сумерках“, „Рассказы“, „Хмурые люди“, „Дуэль“, „Палата № 6“, „Мужики“, „Моя жизнь“, „Пьесы“, „Детвора“.

Вольф — М. О. Вольф, книгоиздатель и владелец книжных магазинов в Петербурге.

Я продал свои 3 т. — Речь идет о 2-м издании „Очерков и рассказов“ М. Горького. Первые два тома печатались вторично, с заменой одного рассказа во втором томе „О чиже“ рассказом „Болесь“. Третий том печатался впервые.

Оба издателя люди, кажется, хорошие — Речь идет об издателях трех томов „Очерков и рассказов“ М. Горького С. П. Дороватовском и А. П. Чарушникове, которые в 1899 г. выпустили 2-е издание двух томов и дополнительный третий том. В конце 1897 г. В. Поссе, пытаясь устроить печатание первых книг М. Горького, натолкнулся на большие затруднения, так как никто из издателей не решался издать произведения тогда еще мало известного писателя. О своих неудачах в деле поисков издателя и о тяжелом материальном положении М. Горького В. Поссе рассказал своему знакомому С. Дороватовскому. Не имея никакого отношения к издательской деятельности, агроном-общественник С. Дороватовский и общественный работник А. Чарушников взяли на себя издание книг М. Горького.

В журнале „Печать и революция“, 1928 г., кн. 2, опубликовано 30 писем М. Горького к С. Дороватовскому за время с конца 1897 г. по август 1899 г., касающихся вопросов издания этих книг.

Сегодня был у меня Телешов — О своей встрече с М. Горьким в Н. Новгороде в декабре 1899 г. и о последующих встречах, когда М. Горький, бывая на происходящих у Н. Телешова писательских собраниях — „средах“, ближе познакомился с ним, Н. Телешов пишет в своей книге „Литературные воспоминания“. М., 1931 г. В этой же книге Н. Телешов напечатал отрывки из писем к нему М. Горького.

Я скоро начну еще одну большую ахиною — Речь идет о задуманном М. Горьким произведении, которое затем под заглавием „Мужик“ он напечатал в журнале „Жизнь“, 1900 г., том III, март, и том IV, апрель. См. в настоящем сборнике.

21

[Начало января 1900 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

С новым годом!

Живу я — нелепо, как всегда, чувствую себя отчаянно взвинченным, в Ялту поеду в конце марта, в апреле, если не захвораю раньше. Ужасно хочется жить какнибудь иначе — ярче, скорее, — главное, — скорее. Недавно видел на сцене „Дядю Ваню“ — изумительно хорошо сыграно было! (я, впрочем, не знаток игры и всегда, когда мне нравится пьеса — ее играют дивно хорошо). Однако, этот „Дядя“ имеет в самом себе силу заставлять и дурных актеров хорошо играть. Это — факт.

Ибо есть пьесы, которые никак нельзя испортить игрой и есть пьесы, которые от хорошей игры — портятся. Недавно я видел „Власть тьмы“ в Малом театре. Раньше я смеялся слушая эту вещь и она мне даже нравилась немножко, а теперь — я нахожу ее противной, карикатурной, уж никогда не пойду смотреть ее. Сему обязан — игре хороших артистов, беспощадно оттенивших в ней все грубое, нелепое. Тоже и в музыке: элегию Эрнста и плохой скрипач сыграет, а у виртуоза какаянибудь дряненькая песенка — станет прямо таки гадкой. Читал „Даму“ вашу. Знаете, что вы делаете? Убиваете реализм. И убьете вы его скоро — на смерть, надолго. Эта форма отжила свое время — факт! Дальше вас — никто не может идти по сей стезе, никто не может писать так просто о таких простых вещах, как вы это умеете. После самого незначительного вашего рассказа — все кажется грубым, написанным не пером, а точно поленом. И, — главное, — все кажется не простым т. е. не правдивым. Это верно. В Москве есть студент Георгий Чулков — знаете, он весьма удачно подражает вам и, ей богу, пожалуй он — талантливый малый. Да, так вот, — реализм вы укукошите. Я этому чрезвычайно рад. Будет уж! Ну его к чорту!

Право-же — настало время нужды в героическом: все хотят возбуждающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было похоже на жизнь, а было выше ее, лучше, красивее. Обязательно нужно, чтобы теперешняя литература немножко начала прикрашивать жизнь и как только она начнет — жизнь прикрасится, т. е. люди заживут быстрее, ярче. А теперь вы посмотрите-ка какие у них дрянные глаза — скучные, мутные, замороженные.

Огромное вы делаете дело вашими маленькими рассказами — возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни — чорт бы ее побрал! На меня эта ваша „Дама“ подействовала так, что мне сейчас же захотелось изменить жене, страдать, ругаться и прочее в этом духе. Но — жене я не изменил — не с кем, только вдребезги разругался с нею и с мужем ее сестры, моим закадычным приятелем. Вы, чай, такого эффекта не ожидали? А я не шучу, — так это и было. И не с одним мною бывает так — не смейтесь. Рассказы ваши — изящно ограниченные флаконы со всеми запахами жизни в них и — уж поверьте! — чуткий нос всегда поймет среди них тот тонкий, едкий и здоровый запах „настоящего“, действительно ценного и нужного, который всегда есть во всяком вашем флаконе.

красивые. О бездальности науки
мне-бы неперенести, антиграфика
наши фоно-камера прикреплена
вотте физик и как бы посылка она
была наметить - физик прикре-
слител, т.е. следи за физиком Дми-
трием, Яре. А метерб - бы посылка
трише-ка. Какие у них дряк-
ные глаза - скучные, мут-
ные, замороженные.

Огромные бы до аши это
большими маленькими раз-
сказками - возбуждено в это
один он вращение в титане сел-
ной, поучительной физик - горит
бы ее метерб! На меня эта
ваша дама" подышит в ослепе
мать, что она сама селась - же за
хотела об измывки не жено,
справайт, ругайт как и прочее
во время духа. Но-женя ей не

Собрание писем М. Горького к А. Ремизову [издание 1900 г.]
(Л.: Училищный издательский комитет, 1900 г.)

Ну, будет, однако, а то вы подумаете, что я это комплименты говорю.

Насчет отдельной книжки моих хороших рассказов — это вы великолепно удумали. Я устрою это, хотя решительно не согласен с тем, что „Спутник“ — хороший рассказ. Так-ли нужно было написать на эту тему! А все-таки вы мне, пожалуйста, перечислите те рассказы, которые один другого стоят. Ну — „В степи“, „Изергиль“, „На плотках“, „Спутник“ — а потом? „Челкаш“? Хорошо. „Мальва“?

Вы относитесь ко мне очень курьезно, т. е. не курьезно, а как-то удивительно — нелепо. Т. е. это не вы, должно быть, а я к вам. Престранное впечатление производят на меня ваши письма — не теперь, когда я ужасно развинтился, а вообще. Очень я их люблю и прочее, в том-же духе. Вы простите за всю эту канитель, но дело видите-ли в том, что всякий раз, когда пишу вам, мне хочется наговорить вам чегонибудь такого, отчего вам было бы и весело, и приятно и вообще легче жилось на этой, довольно таки дрянной земле. За сообщение о Средине — спасибо. Он тоже — чертовски хорошая душа. Только я никак не могу понять — за что он любит Тимковского? Вот задача! Поклонитесь ему, Средину.

Да, говорят, вы женитесь на какой-то женщине-артистке с иностранной фамилией. Не верю. Но если правда — то я рад. Это хорошо — быть женатым, если женщина не деревянная и не радикалка. Но самое лучшее — дети. Ух, какой у меня сын озорник. И очень умный — вот увидите, весной привезу его. Только научился у меня ругаться и всех ругает, а отучить я его не могу. Очень смешно — но не приятно, — когда маленький двухлетний шарлатан кричит матери во все горло:

— Сию минуту пошла прочь, анафема!

Да еще чисто так выговаривает ан-нафем-ма!

Однако — до свидания!

Жму руку. Фома мой что-то все не выходит. Читали вы как вас немцы хвалят? А недавно кто-то в Питере написал, что „Дядя“ лучше „Чайки“. Это дело мудреное.

Пишите пожалуйста

А. Пешков

Письмо на восьми страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова карандашом написано: „1900. I“.

Дата письма подтверждается письмом А. Чехова от 2 января 1900 г., в котором А. Чехов сообщает о Л. Средине.

„Дядя Ваня“ — Пьеса Чехова шла в сезон 1899—1900 г. в Моск. Художественном театре.

„Власть Тьмы“ — Пьеса Л. Толстого шла в сезон 1899—1900 г. в Малом театре в Москве. Отрицательная оценка М. Горьким пьесы „Власть тьмы“ касалась, видимо, идейного содержания пьесы. Проповедь Л. Толстого о непротвлении злу насилием была глубоко враждебна М. Горькому, как учение анти-социальное. В своих „Заметках о мещанстве“ („Новая Жизнь“, 1905, № 12) М. Горький снова упоминает о пьесе „Власть тьмы“ в ряду произведений, помогающих торжеству мещанства: „Литература помогала мещанству — она не отражала народного гнева, она изображала Калиныча и Хоря, Муму и Касьяна, Антона Горемыку, Платона Каратаева, Дедушку Якова и Мазаю, Акима во «Власти тьмы» и бесконечную вереницу мудрых, но косноязычных и немых людей“.

Эрнст — Генрих Вильям Эрнст (1814—1865), скрипач. Большой известностью пользовались его произведения: Fis-moll'ный концерт, „Элегия“, „Otello-Phantasie“.

Дама — „Дама с собачкой“, рассказ А. П. Чехова, напечатанный в журнале „Русская мысль“, 1899, кн. XII.

Чулков — Георгий Иванович Чулков (р. 1879), писатель. Начал печататься в 1899 г. в газете „Курьер“: рассказ „На тот берег“. За подпольную работу попал в ссылку и возобновил литературную деятельность только в 1904 г. Входил в группу писателей символистов.

Насчет отдельной книжки моих рассказов вы великолепно подумали — М. Горький имеет в виду письмо А. Чехова от 2 января, в котором он писал: „Я бы на вашем месте из трех томов выбрал лучшие вещи; издал бы их в одном рублевом томе — и это было бы нечто в самом деле замечательное по силе и стройности. А теперь в трех томах, как то все переболталось; слабых вещей нет, но впечатление такое, как будто три тома сочинялись не одним, а семью авторами — признак, что вы еще молоды и не перебрадили“.

За сообщение о Средине спасибо — В письме от 2 января 1900 г. А. Чехов писал М. Горькому: „Средин вам кланяется. Мы, т. е. я и Средин часто говорим о вас. Средин вас любит. Его здоровье ничего себе“.

Фома мой что-то не выходит — О повести „Фома Гордеев“ см. в комментариях к письму № 12.

А недавно кто-то в Питере написал, что „Дядя“ лучше „Чайки“ — Из немногих отзывов, где пьеса „Дядя Ваня“ ставилась выше „Чайки“, можно указать отзыв П. Перцова в заметке „Дядя Ваня“ („Новое время“, 1899 г., 28 декабря): „Свинцовая жизнь под свинцовым небом — весь пейзаж типичный для Чехова, у которого это лучшая вещь. Дядя Ваня выдержаннее, сосредоточеннее в настроении чем «Чайка», что и требуется для сцены. В «Чайке» очень много литературы и звучало даже что-то автобиографическое в распылчатых речах Тригорина. В «Дяде Ване» осталась только жизнь“. Возможно, что М. Горький имеет в виду именно этот отзыв.

[Середина января 1900 г. Из Н. Новгорода в Москву.]

Ну, вот и был я у Льва Николаевича. С той поры прошло уже восемь дней, а я все еще не могу оформить впечатления. Он меня поразил сначала своей внешностью: я представлял его не таким — выше ростом, шире костью. А он оказался маленьким старичком и почему-то напомнил мне рассказы о гениальном чудеке — Суворове. А когда он начал говорить — я слушал и изумлялся. Все, что он говорил было удивительно просто, глубоко и хотя иногда совершенно не верно, — по моему, — но ужасно хорошо. Главное же — просто очень. В конце он всетаки — целый оркестр, но в нем не все трубы играют согласно. И это очень хорошо, ибо — это очень человечно, т. е. свойственно человеку. В сущности — ужасно глупо называть человека гением. Совершенно непонятно, что такое гений? Гораздо проще и яснее говорить — Лев Толстой — это и кратко и совершенно оригинально, т. е. решительно ни на что не похоже и притом — как-то сильно, особенно сильно. Видеть Льва Николаевича — очень важно и полезно, хотя я отнюдь не считаю его чудом природы. Смотришь на него и ужасно приятно чувствовать себя тоже человеком, сознавать, что человек может быть Львом Толстым. Вы понимаете? — за человека вообще приятно. Он очень хорошо отнесся ко мне, но это, разумеется, не суть важно. Не важно и то, что он говорит о моих рассказах, а важно как-то все это, все вместе: все сказанное, его манера говорить, сидеть, смотреть на вас. Очень это слитно и могуче красиво. Я все не верил, что он атеист, хотя и чувствовал это, а теперь, когда я слышал, как он говорит о Христе и видел его глаза, — слишком умные для верующего — знаю, что он именно атеист и глубокий. Ведь это так?

Просидел я у него более трех часов, а потом попал в театр к третьему акту „Дяди Вани“. Опять „Дядя Ваня“. Опять. И еще я нарочно поеду смотреть эту пьесу, взяв заранее билет. Я не считаю ее перлом, но вижу в ней больше содержания, чем другие видят; содержание в ней огромное, символическое и по форме она вещь совершенно оригинальная, бесподобная вещь, жаль, что Вишневский не понимает дядю, но за то другие — один восторг. Впрочем Астров у Станиславского немножко

не такой, каким ему следует быть. Однако, все они — играют дивно! Малый театр поразительно груб по сравнению с этой труппой. Какие они все умные, интеллигентные люди, сколько у них художественного чутья. Книппер — дивная артистка, прелестная женщина и большая умница. Как у нее хороши сцены с Соней. И Соня — тоже прекрасно играла. Все, даже слуга Григорий — были великолепны, все прекрасно и тонко знали, что они делают и — ей богу даже ошибочное представление Вишневого о дяде Ване можно простить ему за игру. Вообще этот театр произвел на меня впечатление солидного, серьезного дела, большого дела. И как это идет к нему, что нет музыки, не поднимается занавес, а раздвигается. Я, знаете, даже представить себе не мог такой игры и обстановки. Хорошо! Мне даже жаль, что я живу не в Москве, — так бы все и ходил в этот чудесный театр. Видел вашего брата, он стоял и хлопал. Никогда не хлопаю артистам — это обидно для них, т. е. должно быть обидно.

А, что, видели вы „Сирано де Бержерак“ на сцене? Я недавно видел и пришел в восторг от пьесы.

Дорогу свободным гасконцам!
Мы южного неба сыны,
Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены!

Мне страшно нравится это „солнце в крови“. Вот как надо жить — как Сирано. И не надо — как „Дядя Ваня“ и все другие, иже с ним.

Однако — я утомил вас, наверное. До свидания!
У меня — плеврит. Кашляю во всю мочь и не сплю ночей от боли в боку. Весной непременно поеду в Ялту лечиться.
Крепко жму руку. Поклонитесь Средину, если увидите, а он пускай поклонится Ярцеву и Алексину.

Ваш А. Пешков

Письмо на восьми страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова написано: „1900. I“.

Был я у Льва Николаевича — Это посещение М. Горьким Л. Толстого было началом их личного знакомства. М. Горький был у Л. Толстого в Москве в Хамовниках и письмо было написано под впечатлением этой встречи. В дневнике Л. Толстого есть краткая запись под 16 января 1900 г.: „Был Горький. Очень

хорошо говорили и он мне понравился. Настоящий человек из народа". Об этой встрече М. Горького с Л. Толстым подробно говорит В. Поссе в своей книге „Мой жизненный путь“. Изд. „Земля и фабрика“. М., 1929, стр. 182—183—186.

Л. Толстой еще до этой первой личной встречи чрезвычайно напряженно интересовал М. Горького. В своих воспоминаниях о Н. Каронине-Петропавловском М. Горький рассказывает о том, как он в 1889 г., увлеченный идеей устройства земледельческой колонии, пошел из Царицына пешком к Л. Толстому в Ясную Поляну. Не застав Л. Толстого, М. Горький послал ему от группы устроителей будущей колонии письмо. Осенью того же года встреча с писателем Н. Карониным-Петропавловским „прокидывает идею устройства колоний“, и знакомство М. Горького с Л. Толстым в этот год не состоялось.

Интерес Л. Толстого к М. Горькому вызывает исключительное внимание М. Горького ко всем мелочам, ко всем обстоятельствам, связанным с Л. Толстым.

М. Горький искал новых встреч с Л. Толстым — и 19 января (через три дня после знакомства) послал Л. Толстому письмо, в котором благодарил его: „за все, за все сказанное мне — спасибо вам“. Л. Толстой ответил М. Горькому дружеским письмом от 9 февраля 1900 г.: „Я очень, очень был рад узнать вас и рад, что полюбил вас... Мне ваше писание понравилось, а вас я нашел лучше вашего писания“.

Высказывания Л. Толстого о М. Горьком говорят о большой внутренней расположенности Л. Толстого к М. Горькому. „Рад, что и Горький и Чехов мне понравились, особенно первый“ (Дневник, 29 ноября 1901 г.). Л. Толстой ценил в М. Горьком определенность мировоззрения и в этом отношении ставил его даже выше Чехова, что видно из такого отзыва: „Горький au fond гораздо глубже чем Чехов“ (письмо к В. Черткову). Как видно, М. Горький интересовал Л. Толстого прежде всего как представитель другой социальной среды. Этот особый оттенок в отношениях Л. Толстого чувствовал и М. Горький. В своих воспоминаниях о Л. Толстом он говорит: „Его интерес ко мне — этнографический интерес. Я в его глазах — особь племени мало знакомого ему, и только“.

В 1901 г., живя в Крыму, М. Горький поселился в Олеизе, „чтобы быть ближе к Толстому“, как сообщил об этом А. Чехов в письме к О. Л. Книппер. Совместное пребывание в Крыму помогало М. Горькому ближе узнать Л. Толстого, а „непомерно разросшаяся личность“ Л. Толстого и привлекала и в то же время отталкивала М. Горького. Впечатления М. Горького о встречах и беседах с Л. Толстым в Крыму он передал в своих известных воспоминаниях о Л. Толстом. В 1901 г., когда М. Горький был арестован, Л. Толстой принял живое участие в хлопотах об освобождении М. Горького и писал по этому поводу письма министру внутренних дел П. Святополк-Мирскому, принцу П. Ольденбургскому и другим влиятельным людям. Болезнь Л. Толстого в 1902 г. глубоко волновала М. Горького. Он приветствовал выздоровление Л. Толстого в письме от группы нижегородцев 14—15 июля (письмо опубликовано в сборнике „М. Горький в Н. Новгороде“. Н. Новгород, 1928, стр. 199—200).

Смерть Л. Толстого потрясла М. Горького. В письме к М. Коцюбинскому 21 ноября 1910 г. М. Горький писал: „Был взорван бегством Льва Николаевича, поняв прыжок этот, как исполнение заветного его желания превратить «жизнь графа Льва Толстого в житие иже во святых отца нашего Льва».

Написал В. Г. [В. Г. Короленко] по этому поводу злейшее письмо [письмо приводится в „Воспоминаниях Горького о Толстом“.—К. В.], но не успел послать — вдруг — телеграмма — Лев Толстой умер. Заревел я отчаяннейше и целый день плакал, — первый раз в жизни так мучительно, неутешно и долго. Плакал и все что-то писал о Толстом, не для печати конечно, а так вообще, надо было горе излить. В душе этой много чуждого и прямо враждебного мне, но не думал я, что так глубоко и жадно люблю человека Толстого“. Эти записи были использованы М. Горьким в его „Воспоминаниях о Толстом“, изданных впервые в 1919 г.

Вишневецкий — Александр Леонидович (р. 1863), артист Моск. Художественного театра, играл в пьесе „Дядя Ваня“ роль Войничкого.

Астров, Соня, Григорий — персонажи в пьесе „Дядя Ваня“.

Станиславский — Константин Сергеевич Алексеев (р. 1863), основатель, руководитель, режиссер и артист Моск. Художественного театра. Играл в пьесе „Дядя Ваня“ Астрова.

„Сирано-де-Бержерак“ — Пьеса Э. Ростана в сезон 1900—1901 г. шла в Москве в театре Ф. Корша. В 1899 г. — в театре в Н. Новгороде. М. Горький по поводу этой пьесы написал в газете „Нижегородский листок“, 1900, № 4, статью, в которой цитировал приведенный в письме отрывок из пьесы: „Мы юга родного сыны...“, заключая его следующими словами: „Это знаете ли страшно хорошо быть рожденным с солнцем в крови. Если бы нам, людям, кровь которых отравлена пессимистической мутой, отвратительными испарениями того болота, где мы киснем — если бы в нашу кровь хоть каплю солнца“.

Алексин — Алексей Николаевич, доктор, живший в Ялте.

[Начало февраля 1900 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Читали вы статью Жуковского о вас в „СПбурж[ских] Ведом[остях]“ № 34 от 4 февраля? Мне нравится эта статья, я давно ее знаю и без условно согласен с тем, что „самосознание паразит чувства“. Согрешил и я заметкой по поводу „Оврага“, но ее у меня испортил сначала редактор, а потом цензор. Знаете — „В овраге“ — удивительно хорошо вышло. Это будет одна из лучших ваших вещей. И вы все лучше пишете, все сильнее, все красивее. Уж как хотите, — не сказать вам этого — не могу.

В Индию я не поеду, хотя очень-бы это хорошо. И за границу не поеду. А вот пешечком по России собираюсь, с одним приятелем. С конца апреля думаем двинуть себя в южные страны, на Дунай пойдем, к Черному морю и т. д. В Нижнем меня ничто не держит, я одинаково нелепо везде могу устроиться.

Поэтому и живу в Нижнем. Впрочем недавно чуть-чуть не переехал на жительство в Чернигов. Почему? Знакомых там нет ни души.

Мне ужасно нравится, что вы в письмах ко мне — „как протоп“ „читаете наставления“, — я уже говорил вам, что это очень хорошо. Вы относитесь ко мне лучше всех „собратий по перу“ — это факт.

Ужасно я удивился, когда прочитал, что Толстой нашел в „Дяде Ване“ какой-то „нравственный недочет“. Думаю, что Энгельгардт что-то спутал. Сейчас эту пьесу здесь репетируют любители. Очень хороша будет Соня и весьма не дурен Астров. Пишете вы еще чтонибудь?

Знаете — ужасно неприятно читать в ваших письмах, что вы скучаете. Вам это, видите ли, совершенно не подобает и решительно не нужно. Вы пишете „мне уже 40 лет“. Вам только еще 40 лет! А, между тем, какую уйму вы написали и как написали. Вот оно что! Это ужасно трагично, что все русские люди ценят себя ниже действительной стоимости. Вы тоже, кажется, очень повинны в этом. „Фому“ вам вышлет „Жизнь“, она хочет переплести его как-то особенно, слышал я. А вы, Антон Павлович, пришлите мне ваш первый том. Пожалуйста. Там, судя по отзывам, есть масса рассказов, коих я не читал.

Сейчас отправил в Питер на утверждение „Устав Нижегород. о-ва любителей художеств“. Устраиваем „о-во дешевых квартир“. Все это — заплаты на трещину души, желающей жить. До свидания вам!

Крепко жму руку и желаю написать драму.

А. Пешков

Письмо на четырех страницах плотной почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова карандашом написано: „1900. П“. — Дата письма определяется письмом А. Чехова от 3 февраля 1900 г., в котором он советует М. Горькому поехать в Индию.

Статья Жуковского — под заглавием „Певец декаданта“ за подписью „Декадент“ была помещена в газете „Петербургские ведомости“, 1900, № 34, 4 февраля. Автор статьи — по видимому Дмитрий Николаевич Жуковский, пайщик журнала „Жизнь“, чем и объясняется то обстоятельство, что М. Горький знал эту статью раньше. Присланную М. Горьким вырезку со статьей Д. Жуковского А. Чехов отправил потом в Таганрогскую библиотеку.

Самосознание — паразит чувства — Эту мысль Д. Жуковский в своей статье излагал так: „Самосознание, выросшее из ядра инстинкта или чувства,

являющегося его продуктом, питается ими, как паразит питается соками пораженного им растения. Чем шире распускается махровый цветок самосознания, тем более атрофируется инстинкт. А так как этот инстинкт есть основа жизни, то вместе с ним чахнет и сама жизнь. Может быть наоборот, когда чахнет и хиреет дерево инстинкта, то паразиту самосознания легче распускать свои паразитные корни и оно расцветает сильнее". Применяя эту мысль к А. Чехову, Д. Жуковский ставил „Скучную историю Чехова“ в центре его творчества и приходил к выводу, что острое ощущение кризиса характерно для основных чеховских героев; как естественный результат этого — понижение инстинкта жизни. Чехов таким образом выступал как художник-декадент и значение его творчества Д. Жуковский видел в том, что он „помогает познавать тьму“ и этим „расчищал почву для новых идей“. Провозвестника этого нового Д. Жуковский видел в М. Горьком. Он утверждал, что красоту, радость надо искать не там, куда ведет А. Чехов: вслед за А. Чеховым его позитивом является новый писатель, М. Горький, который в противоположность А. Чехову находит эту красоту. „Куда ни взглянет Чехов своим сощерецательным взглядом интеллигента, все, как по волшебному мановению обесцвечивается, бледнеет, умирает. Чего ни коснется Горький, все начинает играть яркими цветами радуги“.

Согршил я заметкой по поводу „Оврага“ — М. Горький имеет в виду свою статью о повести „В овраге“, напечатанную в газете „Нижегородский листок“ 1900 г., № 29, под заглавием: „По поводу нового рассказа А. П. Чехова „В овраге“ (см. стр. 89 настоящего сборника).

В Индию я не поеду — М. Горький отвечает на письмо А. Чехова от 3 февраля 1900 г., в котором А. Чехов писал: „Зачем вы сидите в Нижнем? Зачем? Что вам нужно в этом Нижнем, кстати сказать? Какая смола приклеила вас к этому городу? Если вам, как вы пишете, нравится Москва, то отчего вы не живете в Москве? В Москве театры и проч. и проч., а главное — из Москвы рукой подать за границу, а живя в Нижнем, вы так и застрянете в Нижнем и дальше Васильурска не поедете. Вам надо больше видеть, больше знать, шире знать... Вы человек молодой, сильный, выносливый, я бы на вашем месте в Индию укатил, чорт знает куда, я бы еще два факультета прошел“.

Ужасно я удивился, когда прочел, что Толстой нашел в „Дяде Ване“ какой то нравственный недочет. Думаю, что Энгельгардт что то спутал — В газете „Новое время“, 1900 г., № 8595, была напечатана заметка Н. А. Энгельгардта, в которой, передавая свою беседу с Л. Толстым, он привел отзыв Л. Толстого о „Дяде Ване“: „Он [Л. Толстой] чрезвычайно высоко ставит технику этой пьесы, но находит, что и на этом произведении, как на большинстве современных, сказалось преобладание техники над внутренним смыслом. Иногда техника совершенно убивает внутреннее содержание, плоть подавляет дух, форма — идею. В „Дяде Ване“ Л. Н. находит некоторый существенный недочет в нравственном смысле пьесы“. Приведенный Н. Энгельгардтом отзыв Л. Толстого подтверждается и другими резко отрицательными отзывами писателя о „Дяде Ване“. В своем дневнике Л. Толстой 27 января 1900 г. записал: „Ездил смотреть «Дядю Ваню» и возмутился“. В. Немирович-Данченко в письме к А. Чехову писал: „Толстой говорит, что в пьесе есть блестящие места, но нет трагизма положения“. В своей оценке пьесы А. Чехова, Л. Толстой, надо думать, исходил прежде всего из этической оценки поведения

действующих лиц и с этой стороны не мог принять отношений Астрова к Елене Андреевне. Известны отрицательные оценки Л. Толстого и других пьес Чехова; так, например, П. Гнедич в своих воспоминаниях приводит следующие слова Л. Толстого: „Настоящего нерва для драматического писателя у Чехова нет... Я терпеть не могу Шекспира, но ваши пьесы еще читал“.

Соня, Астров — персонажи в пьесе А. Чехова „Дядя Ваня“.

„*Фома*“ вам вышлет „*Жизнь*“ — Речь идет об отдельном издании повести „*Фома Гордеев*“, выпущенном „Библиотекой Жизни“ в 1899 г. Подробнее об этом издании в комментарии к письму № 16.

„*Устав Нижегород. о-ва любителей художеств*“ — был утвержден и издан в 1901 г. В числе учредителей, подписавших устав, был М. Горький.

Устраиваем о-во дешевых квартир — По инициативе и при участии М. Горького в Н. Новгороде было широко поставлено дело общественной помощи нуждающемуся населению города. Началом этих мероприятий послужило устройство М. Горьким в декабрьские рождественские дни елки для бедных детей. Вскоре после устройства елки в „Нижегородском листке“, 1900 г., № 9, появилась заметка М. Горького „Нечто о елке“, в которой М. Горький писал: „Нужно организовать правильную помощь. Правильную и солидную помощь. Городу положительно необходимо устроить участковое попечительство о бедных“. Еще через несколько дней в № 11 „Нижегородского листка“ появилась за подписью „Обыватель“ заметка о других проектах помощи беднейшей части населения: „Устройство елок для бедных детей поставило в кругах местной интеллигенции вопрос об организации постоянных попечительств о бедных. Есть и еще кое какие проекты. Так можно сообщить, что поднят более или менее серьезно вопрос об учреждении общества дешевых квартир для постройки домов, которые за умеренную плату давали бы приют беднейшей части населения и регулировали бы аппетиты домовладельцев и съемщиков квартир для сдачи углов“. Позднее, в 1901 г. в Н. Новгороде было организовано „Общество помощи нуждающимся женщинам“. Как видно из отдельных сообщений „Нижегородского листка“ были созданы и работали участковые попечительства о бедных (см. „Нижегородский листок“, 1901, № 122 и № 138).

24

[Первая половина февраля 1900 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Сегодня Толстой прислал мне письмо в котором говорит: „Как хорош рассказ Чехова в «Жизни». Я чрезвычайно рад ему“.

Знаете, эта чрезвычайная радость вызванная рассказом вашим ужасно мне нравится. Я так и представляю старика — тычет он пальцем в колыбельную песню Липы и, может быть, со слезами на глазах, — очень вероятно, что со слезами, я будучи у него видел это, — говорит чтонибудь эдакое глубокое

и милое. Обязательно пойду к нему, когда поеду к вам. А поеду я к вам, когда кончу повесть для „Жизни“.

Кстати — огромное и горячее спасибо вам за „Жизнь“. Ее хоть и замалчивают, но ваш рассказ свое дело сделает. Вы здорово поддержали ее и какой вещью! Это, знаете, чертовски хорошо с вашей стороны.

Как ликует этот чудачина Поссе. С него дерут десять шкур, его все рвут, щипают, кусают. Его ужасно не любят в Питере — верный знак, что человек хороший. В сущности — что ему редакторство? 200 р. в месяц? Он мог-бы заработать вдвое больше. Честолюбие? Совершенно отсутствует. Ему, видите, хочется создать хороший журнал, литературный журнал. Я очень сочувствую этому, мне тоже этого хочется. Мне, признаться сказать, порой довольно таки тяжело приходится от „Жизни“, да ладно. А вдруг действительно удастся создать журнал да и хороший, чуткий? Надежды очень питают, хотя я и не юноша. Я, знаете, и еще буду просить вас за „Жизнь“ не оставьте вниманием! Дайте и еще рассказ, пожалуйста дайте! Но, бога ради, не думайте, что я материально заинтересован в успехе „Жизни“. Нет, я получаю 150 р. за лист и — все. Был у меня пай, но я от него отказался, ну их к чорту! Это был какой-то дурацкий пай, мне его подарили „за трудолюбие“, в виде поощрения. Но я поссорился с двумя из пайщиков и возвратил им подарок.

Пишу повесть, довольно нелепую.

Кончу — поеду в Ялту не надолго. И Поссе поедет со мной. Вот вы увидите, какой он славный. И тоже нелепый. У него ужасно смешной нос и тонкий, бабий голос. Он вообще похож на Юлию Петровну. Но это ничего. Есть у меня к вам просьба: не можете ли вы указать статей о вас до 94-го года? Газетных статей? Я посылаю в „бюро газетных справок“, отказали. Говорят, что дают только современные, из текущей жизни. А мне крайне нужно. Не знает-ли Иван Павлович или ваша сестра? Пожалуйста, если можно, спросите их.

Крепко жму руку и желаю от души всего доброго и славного.

А. Пешков

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова карандашом написано: „П. 900“. — Дата письма определяется упоминанием о письме Л. Толстого по поводу рассказа Чехова „В овраге“.

Сегодня Толстой прислал мне письмо — Письмо А. Толстого от 9 февраля 1900 г. опубликовано в сборнике „М. Горький в Н. Новгороде“, 1928. А. Толстой писал: „Как хорош рассказ Чехова в «Жизни». Я был очень рад ему“.

Липа — персонаж из повести Чехова „В овраге“.

„Жизнь“ — о ней см. стр. 144 настоящего сборника.

Поеду к вам, когда кончу повесть для „Жизни“ — Очевидно, речь идет о повести „Мужик“. О повести см. стр. 48 настоящего сборника.

Спасибо за „Жизнь“ — М. Горький имеет в виду рассказ А. Чехова „В овраге“, напечатанный в „Жизни“.

Пишу повесть, довольно нелепую. — Повидимому, речь идет о повести „Мужик“.

Иван Павлович — Чехов (1863—1922), брат А. П. Чехова.

25

Ялта. Нижнего Новгорода. 7. III. 1900.

Через неделю приеду.

Пешков

Телеграмма. Ответ на письмо А. Чехова от 6 марта 1900 г., в котором А. Чехов писал: „Художественный театр с 10 апреля по 15 будет играть в Севастополе, с 16 по 21-е — в Ялте“. Повидимому М. Горький свой приезд в Ялту приурочивал к приезду туда же Московского Художественного театра.

26

[Начало июня 1900 г. Из Мануйловки, Полтавской губ., в Ялту.]

Захотелось написать вам несколько слов. Я уже в Мануйловке и адрес мой таков:

Почтовая станция Хорошки, Кобелякского уезда, Полтавской Губернии, в село Мануйловку.

Хорошо в этой Мануйловке, очень хорошо. Тихо, мирно, немножко грустно. И немножко неловко, странно видеть кучи людей, которые совсем не говорят о литературе, театре и о всем „прекрасном и высоком“ до чего им совсем нет дела. Все-таки хохлы — славный народ, — мягкий, вежливый, я очень их люблю. Устроились мы не дурно. Среди огромного, старого парка, стоит

красный каменный дом, в нем семь крошечных нелепых комнат с узкими и низенькими дверями, а в этих комнатах — мы. А рядом с нами, на большой липе живет семейство сычей. В пруде — лягушки — а у малорусских лягушек такие мелодичные голоса. Неподалеку от нас церковь; сторож на колокольне бьет часы. Собаки лают. Настоящая украинская луна смотрит в окно. Думается о боге и еще о чем то таинственном и хорошем. Хочется сидеть неподвижно и только думать.

Приезжайте-ка сюда. Мы поместим вас в школе, в том-же парке, неподалеку от нас. Комната у вас будет большая, никто не помешает вам. Тихо будет. Я начал купаться в милой реке Псле, где ходят огромные щуки. Красивая река. Отсюда, из деревни при лунном свете и под жалостное пенье лягушек, ялтинское бытие кажется мне еще более отвратительным, выдуманым, не нужным. С завтрашнего дня — работаю.

Вам желаю того-же и доброго здоровья желаю и всего хорошего. Крепко жму руку — и до свидания, пока.

Напишите, едете-ли в Париж и пожалуйста высылайте мне корректуры, как обещали. Ну, до свидания Антон Павлович! Поклон вашей маме и сестре. Жена тоже кланяется вам, просит напомнить о каком-то вашем портрете, обещанном ей, просит передать ее поклон вашей семье.

А. Пешков

Письмо на двух страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова карандашом написано: „1900. VI“. Дата письма определяется ответным письмом А. Чехова от 7 июля, в котором он писал о том, что приехать не может.

Мануйловка — хутор доктора Орловского в Полтавской губ. Место летнего дачного отдыха М. Горького в 1900 г. Из воспоминаний В. Золотницкого (в сборнике „М. Горький в Нижнем Новгороде“, 1928) видно, что в Мануйловке М. Горький был и в 1897 г.

[Начало июля 1900 г. Из Мануйловки, Полтавской губ., в Ялту.]

Дорогой Антон Павлович!

Поедемте в Китай? Как-то раз, в Ялте, вы сказали, что поехали-бы. Поедемте! Мне ужасно хочется попасть туда и я

думаю предложить себя кому-нибудь в корреспонденты. Жена не очень охотно отпускает меня одного, но говорит, что была бы совершенно спокойна за меня если-б и вы ехали. Едемте, дорогой Антон Павлович! Там — интересно, здесь — серо.

Жду ответа, скорого ответа.

Ваш Горький

Хорошки,

Кобелякского уезда

Полтавской губ.

в Мануйловку

Письмо на одной странице почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова карандашом написано: „1900. VI“. — Дата письма определяется ответным письмом А. Чехова от 12 июля, в котором он писал о поездке в Китай: „Ваше приглашение в Китай удивило меня“.

Поедемте в Китай — Интерес М. Горького к Китаю вероятно возник по поводу тех событий, которые там произошли в это время: в 1900 г. в Китае вспыхнуло восстание боксеров, имевшее своей целью освободить Китай от гнета иностранного капитализма и туземного феодализма.

[Первая половина июля 1900 г. Из Мануйловки, Полтавской губ., в Ялту.]

С драмой — тихо, дорогой Антон Павлович. Никак не могу понять зачем существует 3-й акт. По размышлению моему выходит так: акт первый — завязка, второй — канитель, третий — развязка. Однако все-же я сочиняю, хотя держу в уме совет Щеглова: Прежде всего напиши пятиактную трагедию, через год перестрой ее в трехактную драму, сию, еще через год, в одноактный водевиль, засим, тоже через год, водевиль сожги, а сам женись на богатой бабе и — дело будет в шляпе. Впрочем это, кажется, не Щеглов рекомендует, а кто-то другой.

Одолевают меня китайские мысли. Очень хочется в Китай! Давно уж ничего не хотелось с такой силой. Вам тоже хочется ехать далеко — поедемте? Право? Хорошо-бы! Я даже во сне вижу желтые хари с оскаленными зубами и — тошно даже мне.

А про Якубовича я и забыл, так что если бы вы не написали, — я-б и не ответил ему на письмо. Сейчас написал отказ в категорической форме, сославшись на недостаток времени,

хотя следовало прямо сказать, что в предприятиях партийного характера участвовать не склонен. Но — жаль обижать их, ибо на такую формулировку они все непременно обидятся.

Хорошо здесь жить, знаете. По праздникам я с компанией мужиков отправляюсь с утра в лес на Псел и там провожу с ними целый день. Поем песни, варим кашу, выпиваем понемногу и разговариваем о разных разностях. Мужики здесь хорошие, грамотные, с чувством собственного достоинства, крепостного права не знали и к панам относятся хорошо по человечески. Просто. В пятницу вечером еду с ними ловить рыбу волоком и ночуем в лесу на сене. Субботу и воскресенье будем жить в лесу. И пить будем и гулять будем, а смерть придет — умирать будем! Хорошо! А все-таки — что-то грустное есть в мужиках, в деревне, в хохлацкой песне.

Я очень ревностно забочусь о том, чтобы мне не сосало сердца — а сосет. Бог знает отчего, не пойму.

Читал я мужикам „В овраге“. Если бы видели как это хорошо вышло! Заплакали хохлы и я заплакал с ними. Костыль понравился им — чорт знает до чего! Так что один мужик Петро Дерид, даже выразил сожаление, что мало про того Костыля написано. Липа понравилась, старик, который говорит „велика матушка Россия“. Да, славно все это вышло должен я сказать. Всех простили мужики и старого Цыбукина, и Аксинью, всех! Чудесный вы человек, Ант[он] Пав[лович] и огромный вы талантище.

Купаюсь я каждый день, играю в городки, очень поздоровел. Желая этого вам от всего сердца. Жму руку.

До свидания!

Отвечайте про Китай.

Ваш А. Пешков

Хорошки, Полтавской, Кобеляцкого уез.

в Мануйловку

Антон Павлович, а вы обещали прислать мне свой портрет. Не забыли?

Е. Пешкова

Письмо на трех страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова синим карандашом написано:

„900. VII“. — Дата письма определяется письмом А. Чехова от 12 июля, в котором он настойчиво спрашивал: „Пьеса? Как пьеса? Вы не кончили стало быть?“ — В конце письма приписка рукой Е. П. Пешковой.

С драмой тихо — В 1900 г. М. Горький начал писать пьесу, которая потом получила название „Мещане“. Толчком к написанию этой пьесы послужило знакомство М. Горького с Моск. Художественным театром весной 1900 г. во время гастролей этого театра в Крыму. А. Чехов специальным письмом извещал М. Горького о приезде в Ялту Художественного театра, и М. Горький телеграммой сообщил А. Чехову о своем приезде в Ялту. А. Чехов очень внимательно следил за работой М. Горького над пьесой и запрашивал его 7 июля 1900 г.: „Написали пьесу? Пишите, пишете и пишете, обыкновенно, попростежки — и да будет вам хвала велика! Как обещано было, пришлите мне; я прочту и напишу свое мнение весьма откровенно, и слова, для сцены неудобные, подчеркну карандашом. Все исполню, только пишете пожалуйста, не теряйте времени и настроения“. В ответ на письмо М. Горького с предложением поехать в Китай, А. Чехов тревожно спрашивал: „Ваше приглашение в Китай удивило меня. А пьеса? Как пьеса? Вы кончили стало быть?“ Публикуемое письмо является ответом на этот вопрос А. Чехова. Работа над пьесой шла трудно, что видно и из следующего письма М. Горького А. Чехову. Эта неудача на некоторое время отдаляет М. Горького от работы над пьесой. Новая встреча М. Горького с Художественным театром в сентябре 1900 г. в Москве и особенно беседа с В. Немировичем-Данченко опять возвращает М. Горького к драматургии. Работа над пьесой продолжалась в 1901 г., о чем говорится в публикуемых ниже письмах М. Горького за этот год (см. письма №№ 38 и 39).

Якубович — Петр Филиппович (1860—1911) — псевдонимы: Мельшин, Рамшев, П. Я., Гриневич и др.; революционер-народоволец, поэт и критик. В ноябре 1884 г. был арестован и приговорен к смертной казни, замененной восемнадцатью годами каторги. Начал сотрудничать в 1895 г. в „Русском обозрении“ и „Русском богатстве“. С 1900 г. принимал участие в редактировании „Русского богатства“. Из прозаических произведений П. Якубовича известны его очерки о каторге — „В мире отверженных“ (1896 г.).

П. Якубович принимал участие в издании сборника, посвященного 40-летию Н. К. Михайловского, и просил А. Чехова и М. Горького дать рассказы для этого сборника. На свой отказ от участия в сборнике А. Чехов получил следующее письмо П. Якубовича (цитируем по неопубликованному оригиналу): „Вполне и давно уже разделяю ваш скептицизм относительно благотворительных сборников и альманахов... но на предполагаемый сборник в честь Н. К. Михайловского мы глядим иными глазами: сорокалетие писательской работы, этой борьбы без роздыха и без примирения, борьбы за однажды — еще в равней юности намеченный идеал — как хотите, Антон Павлович, это зрелище редкое и трогательное, это в своем роде праздник русской литературы“. „Я думаю Антон Павлович, в таком сборнике вы должны непременно участвовать. Хоть самый маленький рассказ дайте, важно чтобы Чехов не отсутствовал в нашей компании!“ „Горький к которому я писал тогда же, когда и вам, почему то до сих пор не отвечает“ (22 июня 1900 г.). По получении этого письма А. Чехов писал М. Горькому 7 июля 1900 г.: „Получил я в ответ на свой отказ длинное письмо от Мельшина. Письмо длинное и не-

убедительное, но я все же не знаю как с ним быть — писать ему еще раз письмо или не писать“.

Сборник, посвященный Н. Михайловскому, „На славном посту“, вышел в 1901 г. М. Горький и А. Чехов участия в нем не принимали. По поводу одной из статей сборника, а именно статьи Н. Рубакина „Размагниченный интеллигент“, М. Горький написал фельетон в „Нижегородском листке“, 1901, № 86, под заглавием „О размагниченном интеллигенте“.

29

[Вторая половина августа 1900 г. Из Мануйловки, Полтавской губ., в Ялту.]

Сим извещаю вас, дорогой Антон Павлович, что драма М. Горького, довезенная им, в поте лица, до третьего акта, благополучно скончалась. Ее разорвало со скуки и от обилия ремарок. Разорвав ее в мелкие клочки я вздохнул от удовольствия и в данное время сочиняю из нее повесть.

Говоря серьезно — мне очень неприятна эта неудача. И не столько сама по себе, сколько при мысли о том с какой рожей я встречу Алексева и Данченко. Пред вами я — оправдаюсь, т. е. драму все таки напишу. Непременно! Это, знаете, очень любопытно как дисциплина, очень учит дорожить словами. Хочется сказать „он с усмешкой посмотрел на шкаф“, — а нельзя! Сначала я чувствовал себя так, как-будто кто-то неотступно торчит за моей спиной и готов крикнуть — не смей! Думаю, что это письмо не застанет вас в Ялте. Но надеюсь, что его перешлют вам. Через несколько дней я уезжаю отсюда в Нижний и буду в Москве. Если вы там, я вас найду. Но если вы где-то в ином месте, — напишите пожалуйста в Нижний, когда вы будете в Москве? Я буду там около 20-го сентября, непременно. Приеду уже из Нижнего. Очень хочется увидеть вас.

В Нижний пишите на „Нижегор[одский] Листок“.

Я очень поздоровел здесь. Жена вам кланяется.

Крепко жму руку, желаю всего доброго.

А. Пешков

Письмо на двух страницах почтовой бумаги. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова карандашом написано: „1900. VIII“. — Дата письма определяется телеграммой М. Горького к А. Чехову от 4-го сентября, посланной уже из Москвы.

Драма Горького — М. Горький говорит о работе над пьесой „Мещане“. О ней см. в комментариях к письмам №№ 28, 38, 39.

„*Нижегородский листок*“ — о „Нижегородском листке“ см. в комментариях к письму № 1.

Алексеев — К. С. Станиславский.

Данченко — Владимир Иванович Немирович-Данченко (р. 1858), основатель, руководитель и режиссер Моск. Художественного театра.

Ялта. Москвы 4. IX. 1900 г.

Любим вас и шлем привет. Пешков Поссе Бунин Сулержицкий Пятницкий Балтрушайтис.

Телеграмма. Как видно из публикуемого ниже письма М. Горького от первой половины октября, М. Горький и другие авторы телеграммы были на репетиции пьесы А. Островского „Снегурочка“ в Моск. Художественном театре и, как сообщает М. Горький А. Чехову, „имели огромный разговор про вас“. Очевидно, телеграмма была послана под впечатлением этого разговора.

Сулержицкий — Леопольд Антонович (1872—1916), помощник режиссера Моск. Художественного театра, близкий знакомый А. Чехова и М. Горького.

Пятницкий — Константин Петрович (р. 1864), один из основателей издательства „Знание“, был близок М. Горькому, что видно из писем М. Горького к К. Пятницкому (письма в отрывках опубликованы в воспоминаниях К. Пятницкого о М. Горьком — „Ленинградская правда“, 1927, №№ 51, 52, 53, 55, 58, 61, 166. „Красная газета“, веч. вып., 1928, №№ 26, 33, 37, 68, 86, 160, 257).

Балтрушайтис — Юрий Казимирович (р. 1873), поэт. Впервые начал печататься в 1899 г. Принадлежал к группе писателей символистов. С 1921 г. — полномочный представитель Литовской республики в СССР.

[Первая половина сентября 1900 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Барынино письмо прочитал внимательно, — храбрая барыня и ловко меня распатронила! А впрочем — ну ее к мужу!

Газеты зря кричат. Драму я не написал и не напишу, пока. Пишу повесть и скоро ее кончу, а как только кончу, — начну драму, начну сначала и в новом роде. Неудача — не боюсь, —

был хвален со всех сторон и хоть силен был звон, а я не оглушен. Прекрасно чувствую, что скоро начнут лаять столь же неосновательно и громко, как и хвалили.

Но все это — не интересно, дорогой и уважаемый Антон Павлович. А вот Снегурочка — это событие! Огромное событие — поверьте! Я хоть и плохо понимаю, но почти всегда безошибочно чувствую красивое и важное в области искусства. Чудно, великолепно ставят художники эту пьесу, изумительно хорошо! Я был на репетиции без костюмов и декораций, но ушел из Романовской залы очарованный и обрадованный до слез. Как играет Москвин, Качалов, Грибунин, Ол[ьга] Леон[ардовна], Савицкая! Все хороши, один другого лучше и — ей богу они как ангелы посланные с неба рассказывать людям глубины красоты и поэзии.

20-го еду в Москву на первое представление, еду во что бы то ни стало. Я нездоров уже, в Москве схватил плеврит сухой в правом легком. Но это пустяки. Вам, по моему, не следует ехать в Москву, — захвораете. Но ради Снегурочки — стоит поехать хоть на северный полюс, право. И если бы вы приехали к 20-му, — то-то хорошо было бы!

Будучи в Москве был я у Марии Павловны и у Книпперов. Понравилась мне все они — ужасно. Дядя офицер — такая прелесть! Просто восторг, ей богу. И мать тоже, и студент. Ночевал так же у артиста Асафа Тихомирова — милейший парень! Видел писательницу Крандиевскую — хороша. Скромная, о себе много не думает, видимо хорошая мать, дети — славные, держится просто, вас любит до безумия и хорошо понимает. Жаль ее — она глуховата немного и говоря с ней приходится кричать. Должно быть ей ужасно обидно быть глухой. Хорошая бабочка. Сiju я на репетиции в театре, вдруг являются Поссе, Пятницкий, Бунин и Сулержицкий. Пошли в трактир и имели огромный разговор про вас. Знаете — Бунин умница. Он очень тонко чувствует все красивое и когда он искренен — то великолепен. Жаль, что барская невращенная портит его. Если этот человек не напишет вещей талантливых, он напишет вещи тонкие и умные.

Вся эта публика в восторге от Снегурочки. Поссе и Пятницкий приедут из Питера к 20-му. Это — законно. Видели-бы вы как хорош бобыль — Москвин, царь — Качалов и Лель — Ольга Леонардовна. Она будет иметь дьявольский успех — это

факт. Его разделят с нею и все другие, но она — ошарашит публику пением, кроме красивой и умной игры. Музыка в Снегурочке — колоритна до умопомрачения, даром что ее кривой Гречанинов писал. Милый он человек! Любит народную песню, знает ее и прекрасно чувствует.

Художественный театр — это так же хорошо и значительно как Третьяковская галерея, Василий Блаженный и все самое лучшее в Москве. Не любить его — невозможно, не работать для него — преступление — ей богу!

Я, знаете, преисполнен какой то радостью от Снегурочки и хотя видел в Москве вещи ужасно грустные, — но уехал из нее — точно в живой воде выкупался. Видел я, например, женщину редкой духовной и телесной красоты, давно я ее знаю — дивная женщина! И вот она уже девятый месяц лежит в постели полумертвая и полоумная, от того что жизнь — грязна, лжива и нет в ней места для хороших людей. Женщина эта — заболела от того, что огромная масса других женщин сносит легко — от несоответствия мечты с действительностью. Жалко мне ее так — что если бы надо было убить человека для ее здоровья и счастья — я-бы и убил.

Больше писать не буду, ибо хочется ругаться и стало грустно. Жена кланяется вам и благодарит за портрет.

Будьте здоровы! Крепко жму руку. Просить вас приехать в М[оскву] к 20-му — не смею.

Но хочется мне этого ужасно. Нет уж поезжайте за границу. Пьесу кончили?

Купил ваш 2-й том. Сколько там нового для меня! Если-бы вы высылали мне корректуры следующих томов! Это облегчило-бы мне мою задачу.

Всего доброго.

Ваш А. Пешков

Письмо на восьми страницах почтовой бумаги обычного формата, не датировано. На первой странице рукой А. Чехова карандашом написано: „900. IX.“ — Дата письма определяется упоминанием в письме о приезде в Москву к 20 сентября и приглашении А. Чехова приехать к этому же времени.

Газеты зря кричат. Драму я не написал — М. Горький отвечает А. Чехову на его письмо от 8 сентября 1900 г., в котором А. Чехов писал: „Только что прочитал в газете, что вы пишете пьесу“. Возможно, что А. Чехов имел

в виду следующее сообщение „Новостей дня“ от 5 сентября 1900 г.: „...Хотя и незаконченная в подробностях пьеса М. Горького, тем не менее почти готова. Ее содержание взято из мецанской захолустной жизни“. Были об этом же сообщении и в других газетах: „Московский листок“, 5 сентября, „Русский листок“ 19 сентября.

„Снегурочка“ — Пьеса А. Островского, была поставлена Моск. Художественным театром осенью 1900 г. Первый спектакль — 24 сентября. „Спектакль не имел успеха, — пишет К. Станиславский в своей книге «Моя жизнь в искусстве». — Может быть впрочем успеху помешало то обстоятельство, что декорации последних двух актов плохо уместались на сцене и требовали слишком большого антракта для перемены. Поэтому оба акта пришлось играть в одной и той же декорации, что совершенно спутало мизансцены и вызвало нежелательное сокращение пьесы“. То же писала и О. Книппер в письме к Чехову 11 октября 1900 г.: „Снегурка — это каторга, мука для всех“. На это Чехов ответил: „Я писал, что пьеса вам не по театру, что не ваше дело играть такие пьесы, и если бы пьеса имела огромнейший успех, то я все же был бы против ее постановки у вас“.

Москвин — Иван Михайлович (р. 1874), артист Моск. Художественного театра, играл в пьесе „Снегурочка“ роль Бобыля.

Грибунин — Владимир Федорович (1873—1933), артист Моск. Художественного театра, играл в пьесе „Снегурочка“ роль Мизгиря.

Ольга Леонардовна — Ольга Леонардовна Книппер, артистка Моск. Художественного театра, жена А. Чехова, играла в пьесе „Снегурочка“ роль Леля.

Савицкая — Маргарита Георгиевна (1868—1911), артистка Моск. Художественного театра, играла в пьесе „Снегурочка“ роль Бобылихи.

Мария Павловна — Чехова, сестра А. П. Чехова.

Дядя офицер — Александр Иванович Зальца (ум. 1905), дядя О. Л. Книппер.

Студент — Владимир Леонардович Книппер (р. 1876), брат О. Л. Книппер.

Тихомиров — Иосиф Александрович (ум. 1908), артист Моск. Художественного театра с 1898—1904 г. Впоследствии по инициативе М. Горького был приглашен режиссером в театр Народного дома в Н. Новгороде.

Крандиевская — Анастасия Романовна Крандиевская (Тархова, р. 1865), писательница, печаталась в журналах „Жизнь“, „Русское богатство“ и др. Отдельными изданиями вышли: „То было ранней весной“ (1900 г.), „Ничтожные“ (1905 г.).

„Купил ваш второй том“ — Второй том собрания сочинений А. П. Чехова в издании Маркса вышел в 1900 г.

Гречанинов — Александр Тихонович (р. 1864), композитор. Им написана опера „Добрыня Никитич“, музыка к трагедиям Алексея Толстого: „Царь Федор Иоаннович“, „Смерть Ивана Грозного“ и к весенней сказке А. Островского „Снегурочка“.

[Начало октября 1900 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Дорогой Антон Павлович!

Я только что воротился из Москвы где бегал целую неделю, наслаждаясь лицемерием всяческих диковин вроде Снегурочки и Васнецова, Смерти Грозного и Шаляпина, Мамонтова Саввы и Крандиевской. Очень устал, обалдел и — рад что воротился в свой Нижний. Снегурочкой — очарован. Ол[ьга] Леон[ардовна] — идеальный Лель. Не дурна в этой роли и Андреева, но Ол[ьга] Леон[ардовна] — восторг! Милая, солнечная, сказочная и — как она хорошо поет! Музыка в Снегурочке до слез хороша — простая, наивная, настоящая русская. Господи, как все это было славно! Как сон, как сказка! Великолепен царь Берендей — Качалов, молодой парень, обладающий редкостным голосом по красоте и гибкости. Хороши обе Снегурочки и Лилина и Мундт. Ох, я много мог-бы написать о этом славном театре, в котором даже плотники любят искусство, больше и бескорыстнее, чем многие из русских „известных литераторов“. Для меня театр, Васнецов и сумасшедшая семья Книппер — дали ужасно много радости, но я боюсь что вам, мой хороший, любимый вы мой человек, от моей радости будет еще грустнее в этой чортовой, пустынной и тесной Ялте. А хотелось бы мне чтоб и вас жизнь осыпала целой кучей искр радости. Уезжайте куда нибудь!

Хорошо побывать в Мос[кве], но быть в ней неделю — утомительно. Видел я Мамонтова — оригинальная фигура! Мне совсем не кажется что он жулик по существу своему, а просто он слишком любит красивое и в любви своей — увлекся. Впрочем — разве можно любить красивое — слишком? Искусство — как бог, ему мало всей любви, какая есть в сердце человека, ему — божеские почести. И когда я вижу Морозова за кулисами театра, в пыли и в трепете за успех пьесы — я ему готов простить все его фабрики, — в чем он, Впрочем, не нуждается, — я его люблю, ибо он — бескорыстно любит искусство, что я почти осязаю в его мужицкой, купеческой, стяжательной душе.

Васнецов — кланяется вам. Все больше я люблю и уважаю этого огромного поэта. Его Баян — грандиозная вещь. А сколько

у него еще живых, красивых, мощных сюжетов для картин! Желая ему бессмертия.

Крандиевская. Простая, милая женщина, глухая. Любит вас — безумно, и хорошо понимает. Славная баба, совсем не похожая на „интеллигентку“. Говоря с ней, приходится кричать, но это ничего; она тоже многое любит, и со страстью. А мне это дорого. Шаляпин — простой парень, большущий, неуклюжий, с грубым, умным лицом. В каждом суждении его чувствуется артист. Но я провел с ним полчаса, не больше.

Очень мне понравился в этот приезд умница Данченко. Я прямо рад, что знаком с ним. Я рассказал ему мою пьесу и он сразу, двумя тремя замечаниями, меткими, верными, привел мою пьесу в себя. Все исправил, переставил и я удивился сам, как все вышло ловко и стройно. Вот молодчина!

У Книппер я обедал с женой. Анна Ивановна пела вместе с дочерью и одна — хорошо. Тут-же была мать Средина — прекрасная старуха. Удивительно что все хорошие старухи, которых я знаю, обладают безобразными физиономиями. Хорошо у Книппер — просто и чертовски весело.

В неделю эту я пережил чорт знает как много! Я поехал в М[оскву] под таким впечатлением: за два дня до отъезда вхожу в квартиру Чехихина-Ветринского — может знаете его книги о Грановском и сороковых годах? — вхожу и вижу: на пороге его квартиры лежит брат его жены, 17-летний мальчик, а голова у него сорвана и вдребезги разбита, так что на шее висит одна нижняя челюсть. Неподалеку лежит часть лба и кусок щеки, а между ними — открытый глаз. На потолке, стенах — мозг и кровь. В руках мальчика — двустволка. Он выстрелил себе в рот из обоих стволов дробью. От любви и от недостатка правды в жизни.

В тот же день получил телеграмму из Мос[квы] „Зина скончалась“. Зина — это, чудная женщина, мать четверых детей, дочь той барыни Позерн, которой я посвятил одну свою книжку. Это был человек кристально чистой души. Она, однажды, увидела как ее муж расстегивал кофточку на груди швейки жившей в их доме и увидав это — упала на пол. С этой ночи она прохворала девять месяцев и семь дней. Все время она лежала в постели и ее перекладывали на простынях. У ней было воспаление всей нервной системы, что-то произошло с ганглиями — это возможно? Болело у нее все — кости, кожа,

мускулы, ногти, волосы. За семь минут до смерти она сказала: „Я скоро умру — слава богу! Не говорите детям о том, что я умерла в продолжение года, умоляю вас“. И умерла. Я ее любил. Пять лет тому назад я думал что без нее не сумею жить. А теперь по приезде в Москву я проводил ее тело от Смоленского рынка до Курского вокзала и — поехал в театр смотреть Снегурочку. Это — кощунство, это безобразно. Я — какое-то жадное животное или я туп и черств? Теперь, когда я рассказываю это вам — мне совестно, но вообще я об этом даже не думаю. И то, что я не думаю — возмущает меня. Теперь...

Третьего дня, проснувшись рано утром, я увидел, что на моей постели сидит девушка в ночном костюме. Она спрашивает меня — верую-ли я в бога? Я думал это во сне и говорил с нею о боге и многом другом. Потом она встала и ушла в другие комнаты и, вдруг там раздался дикий вой тещи, жены, кормилицы. Оказалось что девушка — не сон. Это сошла с ума сестра нашего соседа по квартире, учителя Ильинского. Теперь у нас все испуганы и держат дверь на запоре, хотя больную уже увезли в больницу. Но из моей памяти ее никто не увезет.

Вы видите, что я живу жизнью фантастической, нелепой. У меня мутится в голове и я завидую вашему покою. К вам, мне кажется, жизнь относится как к святыне, она не трогает вас в вашем уединении, она знает вашу тихую любовь к людям и не желает нарушить ее грубо вторгаясь к вам. Может быть все это не так. Может быть она не щадит вас, задевая ваше наиболее чуткое. Я завидую вам, потому что мне начинает казаться — не слишком-ли много заботится жизнь о том, чтоб насытить меня впечатлениями? Порою, знаете, в голове у меня вертится все, все путается и я чувствую себя не особенно ладно.

А еще я чувствую, что люди глупы. Им нужен бог, чтобы жить было легче. А они отвергают его и смеются над теми, которые утверждают. Соловьев! Я теперь читаю его. Какой умный и тонкий! Читаю Аннунцио — красиво! Но непонятно. Нужен бог, Антон Павлович, как вы думаете? Но оставим это. И вы простите меня за это грубое, бессвязное письмо, которое вырвется к вам потоком мутной воды, как я представляю. Простите. Я груб, как бык.

Книгу Данилина, завтра-же куплю, прочитаю и расскажу вам впечатление. Спокойно расскажу. В Москве познакомился я с Брюсовым. Очень он понравился мне, — скромный, умный, искренний. Книгоиздательство „Скорпион“ — Брюсов и прочие декаденты — затевают издать альманах. Просят у меня рассказ. Я — дам. Непременно. Будут ругать меня, потому и дам. А то слишком уж много популярности. Кстати — как прав Меньшиков указав в своей статье на то что я обязан популярностью — большой ее дозой — тому что в печати появилась моя автобиография. И прав, упрекая меня в романтизме, хотя не прав, говоря что романтизм почерпнут мной у интеллигенции. Какой у нее романтизм! Чорт-бы ее взял.

В „Неделю“ не пойду, некогда. Меньшикова не люблю за Вяземского и за Жеденова. Он — злой, этот Меньшиков. И он напрасно толстовит, не идет это к нему — и, думается мне, только мешает развернуться его недюжинному, страстному таланту.

Пишу повесть, скоро кончу. Сейчас-же принимаюсь за драму, которую хочется посвятить Данченко. А вы как, Антон Павлович? Написали чтонибудь? Поссе показывал мне вашу телеграмму — в которой вы извещаете его, что в октябре пришлете ему что-то. Поссе рад, как ребенок. Я тоже рад. Корректур Маркова издания вы мне не присылаете, хотя и обещали. Ну, хорошо. Все равно, теперь мне некогда было бы писать статью. Но летом я заберусь куданибудь в глушь, все прочитаю и буду писать с наслаждением, с радостью. А хорошо работать! Вот я пишу и очень доволен, хотя повесть-то длинна и скучна будет. Очень смущен тем что никак не могу дать ей название.

Однако — пора дать вам отдохнуть. До свидания!

Дай бог вам счастья, уезжайте куданибудь. Крепко обнимаю вас.

А. Пешков

Канатная д. Лемке

Письмо на восьми страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова чернилами написано: „1900. X“. — Дата письма определяется содержанием письма — упоминанием о книжке И. Данилова. Публикуемое письмо является ответом на письмо А. Чехова от 28 сентября, в котором он писал: „Купите в Нижнем или выпишите книжку некоего Данилова И. А. «В тихой пристани» и прочтите там средний рассказ, написанный в форме дневника“.

Васнецов — Виктор Михайлович (1848—1926), художник. Темой своих картин брал народный эпос, историю, религиозные сюжеты. В. Васнецов написал декорации для постановки пьесы „Снегурочка“ по заказу С. Мамонтова.

Смерть Грозного — „Смерть Иоанна Грозного“ — пьеса А. К. Толстого, шла в сезон 1900—1901 г. в Моск. Художественном театре.

Шаляпин — Федор Иванович (р. 1873), знаменитый оперный певец.

Мамонтов Савва — Савва Иванович, крупный промышленник, любитель и знаток искусства, увлекался театром, особенно оперой, и много сделал для развития русского оперного дела.

Лель — роль О. Книппер в пьесе „Снегурочка“.

Андреева — Мария Федоровна, артистка Моск. Художественного театра.

Качалов — Василий Иванович (р. 1875), артист Моск. Художественного театра, играл в пьесе „Снегурочка“ роль царя Берендея. Эта роль — первое выступление Качалова в Моск. Художественном театре.

Лилли — Мария Петровна, артистка Моск. Художественного театра, играла роль Снегурочки.

Мундт — Екатерина Михайловна, артистка Моск. Художественного театра, играла роль Снегурочки.

Морозов — Савва Тимофеевич (1862 — 1905), владелец морозовской мануфактуры. Сыграл большую роль в создании Моск. Художественного театра, систематически помогая театру в первые годы его работы. С. Морозовым было выстроено здание Художественного театра. Близость к искусству и меценатство людей типа С. Мамонтова, С. Морозова и др. было своего рода типическим явлением девятисотых годов. В их лице окрепший капитализм искал новых путей, новых форм для своего проявления, завоевывая себе место в искусстве, науке; поддерживал иногда и революционную работу. В числе этих „белых ворон“, как называл их М. Горький, упоминает он и имя С. Морозова. „Чтобы написать Фому Гордеева я должен был видеть не один десяток купеческих сыновей, не удовлетворенных жизнью и работой своих отцов; они смутно чувствовали, что в этой однотонной «томительно-бедной жизни» — мало смысла. Из таких, как Фома, осужденных на скучную жизнь и оскорбленных скукой задумавшихся людей в одну сторону выходили пьяницы, «прожигатели жизни» — хулиганы, а в другую отлетали «белые вороны», как Савва Морозов, на средства которого издавалась Ленинская «Искра»“ („О литературе“, М, 1933, стр. 192—193). В воспоминаниях о Л. Красине („Известия“, 1926, № 294, и в Собрании сочинений, том XX, Гиз., 1928) М. Горький дал обстоятельную характеристику С. Морозова. В этих воспоминаниях М. Горький начало своего знакомства с С. Морозовым относит к 1901 г., но повидимому он встречал и наблюдал С. Морозова и раньше, а впервые, очевидно, на Всероссийской выставке в Н. Новгороде в 1896 г. Тогда уже С. Морозов своим умом, деловитостью и независимостью своих суждений расположил М. Горького к себе. Через М. Горького С. Морозов оказывал большую материальную помощь революционному движению. На его средства издавались большевистские газеты „Новая жизнь“, „Борьба“ и Ленинская „Искра“. В своих воспоминаниях М. Горький привел такой отзыв Л. Красина о С. Морозове: „Таких, вот, хорошо иметь не только друзьями, но и врагами. Такой враг — хороший учитель“.

Баян — картина В. Васнецова.

Данченко — Владимир Иванович Немирович-Данченко.

Чешихин-Ветринский — Василий Евграфович Чешихин (псевдоним — Ветринский) (1866—1923), историк литературы, критик и публицист. Ветринскому принадлежит ряд критико-публицистических работ о писателях и публицистах XIX века. Упомянутая М. Горьким книга — „Грановский и его время“, исторический очерк, 1897 г.

Поверн — Мария Сергеевна, знакомая М. Горького по Н. Новгороду. Ее посвящен второй том рассказов М. Горького 1898 г.

Соловьев — Владимир Сергеевич (1853—1900), философ, религиозный мыслитель, публицист и поэт. В 1899 г. В. Соловьев выпустил наделавшее много шума произведение „Три разговора“, оканчивающееся „Повестью об Антихристе“. Возможно, что М. Горький, говоря о чтении им В. Соловьева, имеет в виду эту книжку.

Аннунцио — Габриэль д'Аннунцио (р. 1863), итальянский поэт. Произведения его впервые были изданы в переводе на русский язык в 1900 г. Наиболее популярными были: „Джиоконда“ и „Мертвый город“.

Книгу Данилина завтра куплю — Данилов И. А. (М. Горький по ошибке пишет в письме „Данилин“), псевдоним писательницы (настоящее имя ее не удалось установить), работавшей в „Русском вестнике“ 1890—1900 гг. („В тихой пристани“ — 1894 г.; „Без прикрас“ — 1896 г.; „По новому пути“ — 1896 г.). Темой своих произведений И. Данилов берет монастырскую жизнь. В книге И. Данилова „В тихой пристани“ (отд. изд. 1898 г.) помещен рассказ (под этим же заглавием), — дневник монастырской послушницы, в котором рассказана история постепенного перевоспитания молодой девушки в духе монастырской морали — терпение, смирение и полное подавление личности. В письме к М. Горькому от 28 сентября А. Чехов настойчиво рекомендовал прочесть книжку И. Данилова „В тихой пристани“ и дал о ней свой отзыв: „В тихой пристани“ умная вещь. Только не следовало бы ее в виде дневника писать. Впечатление оставляет крупное. Во всяком случае, не стану забегать, прочтите сами“. На книжку И. Данилова обратил внимание А. Чехова критик и публицист М. Меньшиков. В письме от 22 сентября 1900 г. он писал А. Чехову: „Послал вам на днях обещанную книжку Данилова «В тихой пристани». При случае, черкните, какое впечатление она произвела на вас. Очень свежий талант“. Как видно из последующих писем М. Горького книжки И. Данилова он не мог нигде достать, и А. Чехов 16 октября 1900 г. выслал ему эту книгу: „Посылаю вам Данилова. Когда прочтете, пошлите его по адресу: «Гагарог. Городская библиотека». И внизу под адресом напишите «от А. П. Чехова»“. Позднее, в своей статье „Антипод Максима Горького“ („Письма к ближним“, „Новое время“, 1912, № 12963) М. Меньшиков сопоставлял книжку И. Данилова с произведениями М. Горького: „Все что глубоко противно Горькому — церкви, монастыри, попы, монахи, верующие барыни, влюбленные офицеры, помещичьи усадьбы и постоялые дворы и пр. пр. — все это для г. Данилова восхитительно и прекрасно“.

Брюсов — Валерий Яковлевич (1873—1924), поэт. По поводу третьей книги его стихов („Tertia vigilia“) М. Горький написал статью в газете „Нижегородский листок“, 1900, № 313, „Стихи Бальмонта и Брюсова“, в которой отметил два стихотворения В. Брюсова: „Сказание о разбойнике“, и „На новый колокол“. М. Горький писал: „В нем [«На новый колокол»] пре-

«красно выражен народный склад речи и наивность творчества, оно вполне заслуживает быть отмеченным, как вещь оригинальная и даже крупная. Он [автор], не украсил это сказание никакими узорами современной мысли и это очень хорошо рекомендует его со стороны чувства меры и чутья к прекрасному». Эта статья М. Горького встретила резкую критику со стороны В. Гольцева (псевдоним — Веталис, „Русская мысль“, 1900 г., кн. 12), который назвал ее „притязательным вздором“. К началу личного знакомства с М. Горьким относится запись В. Брюсова в его дневнике (конец сентября 1900 г.): „Виделись с Горьким в Б. Московской. Как всегда он в рубахе. Усы мужицкие. Полунамеренная грубость речи. Обедали вместе. — „Только в общую не пойду, газетъ будут. В самой этой нашей славе утопаем, как лягушки в болоте...“ Мне очень руку пожимал. Просил прислать книгу“. Опубликованные письма М. Горького к В. Брюсову за 1900—1917 гг. („Печать и революция“, 1928, кн. 5 и сборник „М. Горький. Материалы и исследования. I“, Изд. Акад. Наук, 1934) говорят о взаимном внимании писателей друг к другу. В 1917 г. под редакцией М. Горького и В. Брюсова вышел сборник финляндской литературы. В 1917 г. в ответ на травлю, поднятую против М. Горького за его сочувствие к большевикам, В. Брюсов написал сонет, посвященный М. Горькому (сонет приведен в журнале „Печать и революция“, 1928, кн. 5, стр. 66).

„Скорпион“ — издательство, основанное в 1900 г. Издательство выпускало также журнал „Весы“, объединявший писателей символистов. В. Брюсов был одним из основных работников издательства. Повидимому В. Брюсов просил у М. Горького рассказ для альманаха „Северные цветы“ (альманах был выпущен в апреле 1901 г.). М. Горький в альманахе не участвовал. 12 января 1901 г. М. Горький писал В. Брюсову: „Ну, я вас огоршу. Рассказ для альманаха я еще не написал — когда напишу не ведаю!“ и 5 февраля: „Знаю, что делаю нечто непростительное, отказываясь от участия в Север. Цветах и не могу даже просить извинения у вас и не оправдываюсь“ („Печать и революция“, 1928, кн. 5).

Меньшиков — Михаил Осипович (1859—1918), критик и публицист, сотрудник „Недели“, позднее „Нового времени“, автор книг „Критические очерки“ (1894 г.), „О писательстве“ (1898 г.), „Народные заступники“ (1900 г.), „Вожди народные“ (1900 г.). М. Горький в статье „О пьесах“ (1932 г.) дал чрезвычайно резкую оценку работ М. Меньшикова: „Особенным успехом в роли утешителя пользовался Михаил Меньшиков, сначала — сотрудник либеральной «Недели», а затем один из столпов «Нового времени», газеты, которую Салтыков-Щедрин убийственно метко назвал «Чего изволите». Пошленькие книжки Меньшикова «О любви», «О писательстве», жадно читались мелкой служебной интеллигенцией, особенно сельскими учителями, крупной культурной силой того времени. Очевидно, много учителей и юношества засорили и вывихнули себе мозги этими книгами“. В воспоминаниях о С. А. Толстой М. Горький говорит о „толстовстве“ М. Меньшикова, „который насытив свою книгу «О любви» идеями Толстого, быстро превратился в мрачного изувера и начал сотрудничать в «Новом времени», как один из наиболее видных чело­веко­нена­вист­ников, шумно и талантливо работавших в этой распутной газете“.

„Неделя“ (1860—1903) — ежедневная газета, орган правого народничества. В приложениях к „Неделе“ с 1887 г. издавались „Книжки недели“ — журнал

романов и повестей, где печатались произведения многих писателей, в том числе и А. Чехова.

В Неделю не пойду — М. Горький отвечает на письмо А. Чехова от 23 сентября, в котором тот писал: „Сегодня получил от Меньшикова письмо, приглашающее вас очень работать в Неделе“. Письмо М. Меньшикова говорит о следующем: „Написали ли вы Горькому о желании Неделе иметь от него какую-нибудь вещь? Надеюсь, он не рассердился на мою последнюю статейку о нем, где я не совсем им доволен“. Очевидно М. Меньшиков имеет в виду свою статью о М. Горьком „Красивый цинизм“ („Книжки недели“, 1900, кн. IX).

Прав Меньшиков, указав в своей статье на то, что я обязан популярностью — большей ее дозой тому, что в печать появилась моя автобиография — В 1899 г. в журнале „Семья“, № 36, 5 сентября появилась без ведома М. Горького его автобиография, напечатанная Д. Городецким под заглавием „Два портрета. — Горький и Вересаев“. В своей статье о М. Горьком „Красивый цинизм“ — „Книжки недели“, 1900, кн. IX, М. Меньшиков писал: „Слишком скоро обнаружилось, что Горький вышел из босяков... Сам Горький говорит об этом во многих своих рассказах и даже в особой автобиографии, напечатанной в одном из журналов“. Критические статьи М. Меньшикова были направлены прежде всего против М. Горького как идейного представителя другой социальной среды, чуждой и глубоко враждебной М. Меньшикову. Протест М. Меньшикова по существу был страхом перед тем новым, что вместе с М. Горьким входило в русскую жизнь и в русскую литературу. М. Меньшиков писал: „Этот внезапно явившийся художник «малярного цеха» развертывает перед воспитанными людьми в лице своих героев циническую философию и мало того, циническую поэзию, некое горькое очарование, противиться которому не легко. Это явление [Горький] более чем литературное, оно поразило публику не только литературной своей стороной“. „Максим Горький достоин не только художественной, но даже ученой степени. он сделал важное открытие, он исследовал целую породу двуногих... это целый класс и при том быстро растущий, как облако саранчи, угрожающий вытеснить собою все более изящные виды человеческой породы“, — писал М. Меньшиков в другой своей статье „Вожди народные“, — „Книжки недели“, 1900, октябрь. „Не безумство храбрых спасает мир, а мудрость кротких“, — заканчивал свою статью о М. Горьком М. Меньшиков.

Пишу повесть, скоро кончу — очевидно, повесть „Мужик“. О повести см. на стр. 48 настоящего сборника.

Я рассказал ему мою пьесу — М. Горький работал в это время над пьесой „Мещане“; о пьесе см. в комментариях к письмам №№ 28, 38, 39.

Меньшикова не люблю за Вяземского и Жеденова — М. Горький, очевидно, имеет в виду статьи М. Меньшикова: „Дознание“ в „Книжках недели“, август 1895 г., и „Серпуховский циник“ — в книге „Народные заступники“, 1898 г. В этих статьях М. Меньшиков ставил своей задачей разоблачить легенду о князе Василии Васильевиче Вяземском, умершем в 1892 г., которого биографы считали идейным предшественником учения Л. Толстого. М. Меньшиков на месте проверил эти сведения и в своей статье утверждал, что В. Вяземский оказался не подвижником, а просто опустившимся помещиком.

Жеденов — Николай Николаевич, земский начальник, впоследствии издатель черносотенной газеты „Гроза“. В 1896 г. журнал „Неделя“ поместил заметку с отрицательной характеристикой Н. Жеденова. Последний в помещении редакции выстрелил в М. Меньшикова, за что суд приговорил его к лишению прав и к ссылке.

33

[Октябрь 1900 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Был в Москве, но книжку Данилова нигде не нашел. Может вы мне пришлете, а я вам возвращу ее, прочитав?

Был в Ясной Поляне. Увез оттуда огромную кучу впечатлений, в коих и по сей день разобраться не могу. Господи! Какая сволочь окружает Льва Николаевича! Я провел там целый день с утра до вечера и все присматривался к этим пошлым, лживым людям. Один из них — директор банка. Он не курил, не ел мяса, сожалел о том, что он не готтентот, а культурный человек и европеец и говоря о разврате в обществе — с ужасом хватался за голову. А я смотрел на него и мне, почему-то казалось, что он пьяница, обжора и бывает у Омона. Мы вместе с ним поехали ночью на станцию, дорогой он с наслаждением запалил папиросу и начал преподло посмеиваться над вегетарианцами. С ним была дочь его — девушка лет 17, красивая и, должно быть, очень чистая. На станции, в ожидании поезда, повинувшись неотвязному убеждению моему в его лживости, я заговорил об Омоне и — поймал вора! Да, он бывает в кабаках и даже спасал девицу из Омона, даже дал ей, якобы 900 крон, ради спасения ее. Врет мерзавец! Не для спасения дал! Как скверно, фальшиво он рассказывал об этом! И все при дочери, при девушке. Другой был тут, какой-то полуидиот из купцов тоже жалкий и мерзкий. Как они держатся! Лакей Льва — лучше их, у лакеев больше чувства собственного достоинства. А эти люди — прирожденные рабы, они ползают на брюхе, умиляются, готовы целовать ноги, лизать пятки графа. И — все это фальшиво, не нужно им. Зачем они тут? Все равно как скорпионы и сколопендры они выползают на солнце, но те, хотя и гадкие, сидят смиренно, а эти извиваются, шумят. Гадкое впечатление.

Очень понравилась мне графиня. Раньше она мне не нравилась, но теперь я вижу в ней человека сильного, искреннего,

вижу в ней — мать, верного стража интересов детей своих. Она много рассказывала мне о своей жизни, — не легкая жизнь надо говорить правду! Нравится мне и что она говорит „я не выношу толстовцев, они омерзительны мне своей фальшью и лживостью“. Говоря так, она не боится что толстовцы, сидящие тут же, услышат ее слова и это увеличивает вес и ценность ее слов.

Не понравился мне Лев Львович. Глупый он и надутый. Маленькая кометочка не имеющая своего пути и еще более ничтожная в свете того солнца, около которого беспутно копошится. Статьи Льва Николаевича „Рабство нашего времени“, „В чем корень зла“ и „Не убий“ — произвели на меня впечатление наивных сочинений гимназиста. Так все это плохо, так не нужно, однообразно и тяжело и так не идет к нему. Но когда он, Л[ев] Н[иколаевич], начал говорить о Мамине — это было чорт знает как хорошо, ярко, верно, сильно! И когда он начал передавать содержание „Отца Сергия“ — это было удивительно сильно и я слушал рассказ ошеломленный и красотой изложения, и простотой, и идеей. И смотрел на старика как на водопад, как на стихийную творческую силу. Изумительно велик этот человек и поражает он живучестью своего духа, так поражает, что думаешь — подобный ему — невозможен. Но — и жесток он! В одном месте рассказа, где он с холодной яростью бога, повалил в грязь своего Сергия предварительно измучив его — я чуть не заревел от жалости. Лев Толстой людей не любит, нет. Он судит их только и судит жестоко, очень уж страшно. Не нравится мне его суждение о боге. Какой это бог? Это частица Графа Льва Толстого, а не бог, тот бог без которого жить людям нельзя. Говорит он, Л[ев] Н[иколаевич], про себя — я анархист. Отчасти, да. Но разрушая одни правила он строит другие, столь-же суровые для людей, столь-же тяжелые — это не анархизм, а губернаторство, какое-то. Но все сие покрывает „Отец Сергий“.

Говорилось о вас отечески нежным тоном. Хорошо он о вас говорит. Поругал меня за „Мужика“ — тоже хорошо. В Москве слышал я, что вы скоро там будете. Когда именно?

Слышал от многих людей что 39-е представление „Дяди Вани“ прошло поразительно хорошо. Говорят, Вишневский играл без крика и шума и так, что Лужский в сцене с ним побледнел со страха, а потом заплакал от радости. И плакала публика,

и актеры. Мне, наконец, хочется переехать в Москву ради этого театра. Ну, до свидания!

Крепко жму руку. Поклонитесь ялтинцам.

Пришлите Данилова.

Ваш А. Пешков

Письмо на восьми страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице рукой А. Чехова карандашом написано: „1900. X“. — Дата письма подтверждается упоминанием о поездке в Ясную Поляну, где М. Горький был в октябре 1900 г.

Книжка Данилова — см. в комментариях к письму № 32.

Была в Ясной Поляне — В октябре 1900 г. М. Горький вместе с В. Поссе были в Ясной Поляне у Л. Толстого. Кроме М. Горького и В. Поссе в этот день в Ясной Поляне были: А. Н. Дунаев с дочерью, И. И. Бочкарев и др. В этот приезд, так же как и в день первого знакомства с Л. Толстым (об этом см. в комментариях к письму № 22), М. Горький запоминает до мелочей все обстоятельства этого дня, характеризующие Л. Толстого. Рассказывая об этой поездке позднее в своих воспоминаниях, М. Горький подчеркивает свое резко-отрицательное отношение к учению Л. Толстого и особенно к его последователям. „Странно было видеть Л. Н. среди «толстовцев»; стоит величественная колокольня, и колокол ее неустанно гудит на весь мир, а вокруг бегают маленькие, осторожные собачки, визжат под колокол и недоверчиво косятся друг на друга — кто лучше подвыл“. Об этой же поездке к Л. Толстому говорит В. Поссе в своей книге „Мой жизненный путь“, стр. 187—190. В октябре 1902 г. М. Горький второй раз был в Ясной Поляне с К. П. Пятницким.

Директор банка — Александр Никифорович Дунаев, один из директоров Московского торгового банка. Позднее, в своих воспоминаниях о „толстовцах“ М. Горький говорит о А. Дунаеве так: „Помню, как один из таких апостолов в Ясной Поляне отказывался есть яйца, чтобы не обидеть кур, а на станции Тула аппетитно кушал мясо и говорил: «Преувеличивает старичок»“. В. Поссе в книге „Мой жизненный путь“, стр. 187—188, дал подробное описание поведения А. Дунаева в Ясной Поляне, совпадающее целиком с характеристикой, данной А. Дунаеву М. Горьким в публикуемом письме.

Очень понравилась графиня — М. Горький говорит о жене писателя С. А. Толстой. Из этой характеристики видно, что симпатию М. Горького С. Толстая вызывала прежде всего своим резко отрицательным отношением к толстовцам. Позднее, в 1924 г., в ответ на книжку В. Черткова „Уход Толстого“ (1922 г.), М. Горький решительно встал на защиту С. Толстой в специальной статье, помещенной в „Русском современнике“, 1924 г., № 4, и вошедшей потом в Собрание сочинений М. Горького, том XX, Гиз., 1928. В этой статье-воспоминаниях М. Горький говорит: „Ее роль в ту пору я вижу героической ролью. Роль единственного интимного друга, жены, матери многочисленных детей и хозяйки дома Льва Толстого — роль неоспоримо очень тяжелая и ответственная. Возможно ли отрицать, что София Толстая лучше и глубже, чем кто-либо иной, видела и чувствовала, как душно, тесно гению жить в атмо-

сфере обыденного, сталкиваться с пустыми людьми?“. „Она должна была иметь много душевных сил и гордости, для того, чтобы скрыть от Льва Толстого много злого и пошлого, многое, что ему — да и никому — не нужно знать и что могло повлиять на его отношение к людям“.

Известен отзыв С. Толстой о М. Горьком („Новое время“, 1903 г., № 9673) — ответ на статью В. Буренина в газете: „В произведениях Горького всегда отдохнешь на каком нибудь лице, или трогательном моменте, в которых чувствуешь, что автор, скорбя о падших, знает твердо, что хорошо и что дурно и любит хорошее“.

Лев Львович — Лев Львович Толстой, третий сын Л. Н. Толстого (р. 1869), писатель, сотрудничал в „Новом времени“, „Русских ведомостях“, „Петербургской газете“, „Ежемесячных сочинениях“ и др. изданиях. Отрицательную характеристику Л. Л. Толстого М. Горький дал и позднее в своих воспоминаниях о С. Толстой: „Лев Толстой-сын был весь озабочен, чтобы его не заподозрили в подражании великому отцу и видимо с этой целью напечатал в неряшливом журнале Ясинского „Ежемесячные сочинения“ антитолстовский роман...“ Это — роман „Поиски и примирение“, напечатанный в журнале за 1902 г.

„**Рабство нашего времени**“ — статья Л. Толстого, написанная в 1900 г. и напечатанная в том же году в издании „Свободного слова“ в Англии.

„**Не убий**“ — статья Л. Толстого, написанная в 1900 г. и напечатанная в том же году в издании „Свободного слова“ в Англии.

„**В чем корень зла**“ — повидимому, статья Л. Толстого под заглавием: „Неужели это так надо?“ Была опубликована в 1900 г. в издании „Свободного слова“ в Англии. В примечании к статье оговорено, что настоящая работа впервые написана в 1898 г. Дата и подпись под статьей: „Ясная Поляна 14 окт. 1900 г.“

Мамин — О писателе Д. Н. Мамине-Сибиряке М. Горький упоминает в своей статье „О том как я учился писать“ 1928 г. — в книге „О литературе“. Изд. „Советская литература“, М., 1930, стр. 177: „Примыкая к этой группе [народников], но будучи более зорким социально и талантливее всех даже вместе взятых народников, работали два очень крупных литератора: Д. Н. Мамин-Сибиряк и Глеб Успенский“.

„**Отец Сергей**“ — повесть Л. Толстого, над которой он работал с 1891 по 1898 г.

„**Мужик**“ — неоконченная повесть М. Горького. О ней см. в комментариях к изданию третьей главы повести — „Добыча“ на стр. 48 настоящего сборника.

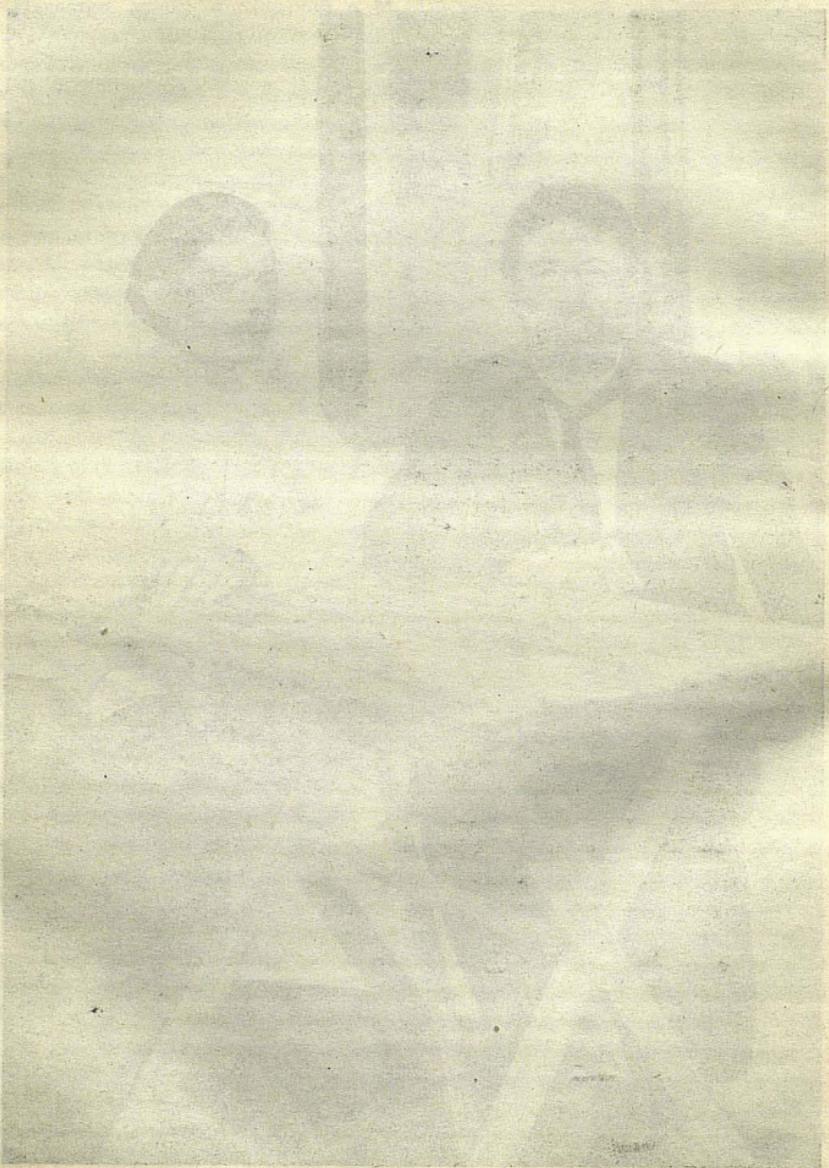
Вишневский — Александр Леонидович (р. 1863), артист Моск. Художественного театра.

Лужский — Василий Васильевич Калужский (1869—1931), артист Моск. Художественного театра.

Я давно собирался написать вам, дорогой и любимый Антон Павлович, да теперь, видите-ли, такое у меня настроение, что

А. Чехов и М. Горький в Ялте в 1901 г. — Фото (Дом-музей им. Чехова в Ялте)

А. Гурьев и М. Лобовый в 1901 г. (Фот. в архиве М. Лобового) — Фот. в архиве М. Лобового

я решительно не могу сосредоточиться на чем либо. Каждый день напряженно ждешь чего нибудь нового, каждый день слышишь невероятные разговоры и сообщения, нервы все время туго натянуты и каждый день видишь десятков, а то и больше, людей столь-же возбужденных как и сам ты. Вчера наш губернатор привез из Питера несколько точных известий: Вяземский выслан, против 43-х и 39-и литераторов, подписавших письмо, осуждающее действия полиции 4-го марта, предполагается возбудить дело о подстрекательстве к сопротивлению властям, в войсках гвардии сильное недовольство последними распоряжениями, а особенно участием отряда лейб-гвардии казаков в бою 4-го. Существует закон, кой запрещает войскам подчиняться команде лиц, к составу войск не принадлежащих, вы, наверное, читали циркуляры Драгомирова, часто напоминающего войскам своего округа о существовании этого закона. А 4-го казаками командовал Клейгельс. Исееву товарищи предложили выйти из полка. Вообще, надо сказать по совести, офицерство ведет себя очень добропорядочно. При допросе арестованных за 4-е число их спрашивали главным образом о том, какую роль в драке играл Вяземский и кто те два офицера, которые обнажили шашки в защиту публики и дрались с казаками. Одного из этих офицеров я видел в момент, когда он прорвался сквозь цепь жандармов. Он весь был облит кровью, а лицо у него было буквально изувечено нагайками. О другом очевидцы говорят, что он бил по башкам казаков обухом шашки и кричал: бейте их, они пьяные! они не имеют права бить нас, мы публика! Какой-то артиллерист-офицер на моих глазах сшиб жандарма с коня ударом шашки (не обнаженной). Во все время свалки офицерство вытаскивало женщин из-под лошадей, вырывало арестованных из рук полиции и вообще держалось прекрасно. Тоже и в Москве, где офицеры почти извинялись перед публикой, загнанной в манеж, указывая на то, что они-де обязаны повиноваться распоряжениям полиции вследствие приказа командующего войсками, а не по воинскому уставу. Роль Вяземского такова: в то время, когда Н. Ф. Анненский бросился на защиту избиваемого Пешехонова, Вяземский тоже бросился за ним и закричал Клейгельсу, чтобы он прекратил это безобразие. А когда подбитый Анненский подошел к нему, Вяз[емский] подвел его к Клейгельсу и наговорил последнему резкостей, громко упрекая в зверстве, превышении власти и т. д.

Туган и Струве из тюрьмы выпущены. Арестованных из Питера высылают. На Пасхе в П[итере] ждут новых беспорядков. Того-же ожидают в Киеве, Екатеринославе, Харькове, Риге и Рязани, где публика вкупе с высланными студентами устроила уже скандал во время молебна о здравии Победоносцева. У нас тоже возможны беспорядки. Здесь до 70 человек иногородних студентов, полуголодных, битых, возбужденных и возбуждающих публику. Очень прошу вас, дорогой А[нтон] П[авлович], пособирайте деньжат для голодающих студентов, ибо здесь источники иссякают. Теперь в Ялте съезд, собрать сотню, другую я думаю можно. В Москве и Питере собрано много, туда посылать бесполезно.

Сейчас получил письмо из Владимира. Земцам, подписавшим телеграмму Анненскому, предложено удалиться с занимаемых ими должностей. Говорят, что то же будет и с нашими. Нам, нижегородцам, должно еще влететь за посланную нами телеграмму с выражением сочувствия союзу, эта телеграмма к передаче адресату не была разрешена, о чем меня известили официальным путем. Несмотря на репрессии и благодаря им — оппозиционное настроение сильно растет.

Следственное производство по делу о 4-м мар[та] установило точные цифры избитых: мужчин 62, женщин 34, убито — 4: технолог Стеллинг, медик Анненский, курсистка и старуха, задавлены лошадьми. Полиции, жандармов и казаков ранено 54. Это за время минут 30—40, не больше! Судите-же сами какая горячая была схватка! Я во веки не забуду этой битвы! Дрались — дико, зверски, как та так и другая сторона. Женщин хватали за волосы и хлестали нагайками, одной моей знакомой курсистке набили спину, как подушку, до синя, другой проломили голову, еще одной — выбили глаз. Но хотя рыло и в крови, а еще неизвестно чья взяла.

Ну, пока — до свидания! Очень хотел-бы видеть вас. Крепко жму руку. Пожалуйста, похлопочите насчет денег. Кланяйтесь знакомым. Наши староверы послали царю петицию о веротерпимости, подписав ее в числе 49.473 человек. Начальство очень ищет инициатора и сочинителя. Вообще у начальства хлопот много. Надеюсь будет еще больше. Жизнь приняла характер напряженный, жуткий. Кажется, что где-то около тебя, в сумраке событий, притаился огромный, черный зверь и ждет и соображает — кого пожрать. А студентики — милые люди, славные

люди! Лучшие люди в эти дни, ибо бесстрашно идут, дабы победить или погибнуть. Погибнут или победят — не важно, важна драка, ибо драка — жизнь. Хорошо живется!

Ну, до свидания, до свидания дорогой мой Антон Павлович, дай вам боже здоровья, охоты работать, счастья, ибо никогда не поздно быть счастливым. Всего, всего доброго, хороший вы человек. А „Три сестры“ идут — изумительно! Лучше „Дяди Вани“. Музыка, не игра. Об этом напишу после, когда немного приду в себя.

А. Пешков

Письмо на пяти страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице письма, в левом верхнем углу, написано карандашом рукою А. Чехова: „1901 г. III“. — Дата и место написания письма определяются его содержанием.

В 1899—1901 гг. в университетских городах России вспыхнули студенческие беспорядки, вызванные недовольством студентов университетским режимом и усилившиеся после издания правительством 25 июля 1899 г. „временных правил“, по которым за „учинение скопом беспорядков“ студенты карались „исключением из университетов и отдачей в солдаты... хотя бы они имели льготу по семейному положению, либо по образованию, или не достигли призывного возраста, или же вынули по жребию номер, освобождающий от службы в войсках“. Даже физические недостатки и болезнь по „правилам“ во внимание не принимались. Особенно резкие протесты студенчества начались после применения „временных правил“ к студентам Киевского университета, из которого за организованную в декабре 1900 г. сходку были сданы в солдаты 183 студента.

Насколько М. Горький был охвачен этими событиями видно из его писем к писателям. Он писал В. Брюсову 5 февраля 1901 г.: „Настроение у меня как у злого пса, избитого, посаженного на цепь. Если вас, сударь, интересуют не одни Ассаргадоновы надписи, да Клеопатры и прочие старые вещи, если вы любите человека, — вы меня, надо думать поймете. Я, видите ли, чувствую что отдавать студентов в солдаты — мерзость, наглое преступление против свободы личности, и идиотская мера обожравшихся властью прохвостов. У меня кипит сердце и я был бы рад плюнуть им в нахальные рожи человеконенавистников, кои будут читать ваши Сев[ерные] Цветы и их похваливать, как и меня хвалят. Это возмутительно и противно до невыразимой злобы на все цветы «Скорпиона» и даже на Бунина, которого люблю, но не понимаю — как талант свой, прекрасный, как матовое серебро, он не отточит в нож и не ткнет им куда надо?“ („Печать и революция“, 1928, кн. 5). В это же время он писал Н. Д. Телешову: „Надо заступиться за киевских студентов, — надо сочинить петицию об отмене временных правил. Хлопочите. Некоторые города уже начинают...“

Письмо А. Чехову написано М. Горьким по возвращении его из Петербурга в конце марта 1901 г., где он принял участие в известной студенческой

демонстрации, состоявшейся 4 марта на площади у Казанского собора. Участники демонстрации были жестоко избиты нагайками. Результатом этой демонстрации были массовые аресты и ссылки. Вскоре после этого (17 апреля 1901 г.) М. Горький был арестован и заключен в Нижегородскую тюрьму. Как видно из документов, найденных после 1917 г., он обвинялся в приобретении в Петербурге мимеографа для печатания воззваний к сормовским рабочим, в составлении опровержения правительственного сообщения о студенческой демонстрации 4 марта и в участии в Нижегородском студенческом революционном кружке.

Наш губернатор — нижегородский губернатор П. Ф. Унтербергер.

Вяземский Л. Д. (1845 — 1909) — князь, генерал-лейтенант, член государственного совета. За вмешательство в действия полиции во время демонстрации 4 марта 1901 г. получил 16 марта того же года строгий выговор от царя.

Против 43-х и 39-и литераторов, подписавших протест — После демонстрации 4 марта писатели, собравшиеся в Союзе взаимопомощи русских писателей, написали резкий протест на имя министерства внутренних дел против насилий, произведенных во время демонстрации. Второй протест против действий правительства — „Письмо русских писателей в редакции русских газет и журналов“ с подписями 43-х писателей (в их числе подпись М. Горького) распространялся путем переписки и гектографа. Напечатан в „Листке рабочего дела“, 1901, № 7, апрель. Гектографированный экземпляр протеста хранился в архиве А. П. Чехова вместе с письмами М. Горького и, повидимому, был ему послан М. Горьким.

Драгомиров М. И. (1830—1905) — генерал-адъютант, профессор Академии генерального штаба, военный писатель. В 1900 г. им был составлен „устав полевой службы“.

Клейгельс Н. В. — петербургский градоначальник. Им был направлен отряд казаков для избивания демонстрантов.

Исеев М. Г. — есаул лейб-гвардии казачьего полка, избивавшего демонстрантов 4-го марта.

Анненский Н. Ф. — Николай Федорович (1843—1912), публицист и статистик, принадлежал к руководящей группе легального народничества. Об участии Н. Ф. Анненского в студенческой демонстрации 4 марта М. Горький писал в своих воспоминаниях об Н. Ф. Анненском — Собр. соч., т. XXII, М.—Л., Гихл., 1933.

Пешихонов — Алексей Васильевич (1867—1937?), публицист-народник, один из организаторов народно-социалистической партии и ее теоретик по аграрному вопросу. После февральской революции был членом временного правительства.

Туган — Туган-Барановский, Михаил Иванович (1865—1919), один из видных представителей „легального марксизма“. Автор книг: „Промышленные кризисы современной Англии“ (с изложением теории Маркса) и „Русская фабрика в прошлом и настоящем“ — с критикой народнических взглядов на развитие капитализма в России. Позднее перешел в лагерь либералов.

Струве — Петр Бернгардович (р. 1870), публицист, виднейший представитель „легального марксизма“, вскоре открыто перекочевавший к либералам и ставший одним из вождей партии кадетов; в настоящее время — белоэмигрант.

Победоносцев — Константин Петрович (1829—1907), обер-прокурор сената, один из влиятельнейших государственных деятелей эпохи Александра III, идеолог реакции 80—90-х годов.

С выражением сочувствия союзу — Речь идет о Союзе взаимопомощи русских писателей. Сочувствие союзу было послано, повидимому, в связи с закрытием его 12 марта 1901 г. по постановлению петербургского градоначальника, согласно 2-й части ст. 42 устава союза, по которой петербургский градоначальник имел право закрыть союз по обнаружению в нем „чего либо противного государственному порядку и общественной безопасности“.

„Три сестры“ идут изумительно — Речь идет о постановках пьесы А. Чехова „Три сестры“ Моск. Художественным театром, во время гастролей театра в Петербурге в феврале—марте 1901 г. Об этом же спектакле писал А. Чехову В. Поссе из Петербурга 8 марта 1901 г.: „Театр отступил на задний план, но все же ваши «Три сестры» смотрятся с захватывающим интересом“.

35

[27 июня 1901 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Дорогой Антон Павлович!

Письмо ваше от 18-го получил только сегодня 27-го. Вашу корреспонденцию я получаю через жандармское правление, распечатанной и прочитанной, письма и телеграммы задерживают дней по пяти. Будете писать — пишите на имя жены, пожалуйста. Мои письма тоже пропадают в огромном большинстве так что я не надеюсь — дойдет-ли до вас и это. По поводу предложения Маркса — решительно отказываюсь иметь с ним дело, какие-бы условия он ни предложил. Мало того: Среди́н сказал мне кое что о тех условиях, на которых вы продали Марксу свои книги, и я предлагаю вам вот что — пошлите-ка вы этого жулика Маркса ко всем чертям. Пятницкий, директор „Знания“, говорит, что Маркс печатая ваши книги по 40 000 в одно издание давно уже покрыл сумму, выплаченную вам. Это грабеж, Антон Павлович! И не того-же ради вы силу вашу растрчиваете, что-бы этот немец плодами ее пользовался. А посему я от лица „Знания“ и за себя предлагаю вам вот что: контракт с Марксом нарушьте, деньги, сколько взяли у него, отдайте назад и даже с лихвой, коли нужно. Мы вам доставим, сколько хотите. Затем отдайте ваши книги печатать нам, т. е. входите в „Знание“ товарищем и издавайте сами. Вы

получаете всю прибыль и не несете никаких хлопот по изданию оставаясь в то же время полным хозяином ваших книг. „Знание“ ставит на них только свою фирму и рассылает с ними свои каталоги — вот та польза — и огромная — которую оно получает от издания ваших книг под своей фирмой. Вы остаетесь, говорю, полноправным хозяином и, повторяю, вся прибыль — ваша. Вы могли-бы удешевить книги издавая их в большем против Маркса количестве, Вас теперь читают в деревнях, читает городская беднота и 1.75 за книгу для этого читателя дорого. Голубчик — бросьте к чорту немца! Ей Богу он вас грабит! Бесстыдно обворовывает! Подумайте: я за одно издание 17 000 получил! уверяю вас!

„Знание“ может прямо гарантировать вам известный определенный вами годовой доход, хоть в 25 000. Подумайте над этим дорогой Антон Павлович! А как-бы это славно было: вы, я, Пятницкий и Поссе. Но — будет об этом. Вот что Антон Павлович — давайте издадим Альманах. У вас, говорит Средин, есть готовый рассказ, да я напишу, да Бунин, Андреев, Вересаев, Телешов, Чириков и еще ктонибудь. Гонорар — кто какой получает — включим в цену сборника, а прибыль разделим поровну, т. е. если прибыли будет 2000, а листов в сборнике 10 по 200 р. за лист. Написавши 2 л. — 400 р., написавши $\frac{1}{2}$ л. — 100 р. да еще обычный гонорар ваш 700, мой 200 и т. д. Альманах издает „Знание“ в кредит, издание — хорошее, поместим снимки с хороших картин, напечатанные за границей. Как вы думаете насчет этого?

У меня живет Средин с женой, а дом конопатят и целый день у нас — адский шум. Но это не мешает нам жить. Средин приобрел около 5 ф. веса, я чувствую себя очень сносно. У жены побаливает печень, дочь — орет, Максимка — озорничает, а пьеса — пока не подвигается вперед. Завтра, вероятно, придет Алексин, собирается заехать Нестеров, был Н. К. Михайловский. Разнообразно и душеполезно.

Приятель мой Петров-Скиталец, автор страшных стихов все еще сидит в тюрьме, это камень на сердце моем. Познакомился с одним из жандармов — славный парень, а жена его — представьте-ка! — в некоем роде воспитанница моя, — я водился с ней когда она была девочкой лет 4—7. Теперь — поразительно красива, умница, добрая и очень тяготится дрянной службой мужа.

Дорогой и любимый мой — будьте добры отнеситесь серьезно к тому, что писал я вам о Марксе и „Знании“. Поверьте, что все это отнюдь не фантазии мои, а солидное дело. Осуществить его легко, если немец не связал вас договором по рукам и ногам. Согласитесь: зачем вам обогащать его? Вы на большие деньги могли-бы затеять какое нибудь большое, хорошее дело, от которого сотням и тысячам будет польза, а не одному этому михрютке жадному. Жду ответа. А относительно договора — рекомендую показать его Пятницкому, а не адвокату.

Ольге Леонардовне — целую милые ее лапы и желаю счастья, множество счастья! равно и вам. Жена просит кланяться. Меня гонят в Швейцарию. Крепко жму вашу руку, чудесный вы человек. Пишите на жену.

А. Пешков

Средины просят поклониться вам.

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице письма написано карандашом рукою А. Чехова: „1901, VII“. — Дата письма определяется его содержанием — письмо написано по получении письма А. Чехова от 18 июня 1901 г.

Вашу корреспонденцию я получаю через жандармское правление распечатанной и прочитанной — 17 мая 1901 г. М. Горький был выпущен из тюрьмы. За ним был учрежден „гласный“ и „негласный“ надзор. Корреспонденция, которая шла от него и к нему, просматривалась жандармским управлением. В письме к К. Пятницкому от 1 мая 1901 г. М. Горький писал: Я получаю письма и телеграммы оптом из жандарм[ского] правл[ения] по несколько штук сразу и все заботливо распечатанные. Мои письма очевидно перехватывают. Не знаю, насколько это законно, во всяком случае мерзко“.

По поводу предложения Маркса — Маркс, Адольф Федорович, известный издатель. Им издавался распространенный еженедельный журнал „Нива“, приложением к которому он давал собрания сочинений писателей. В письме М. Горькому от 18 июня 1901 г. А. Чехов сообщал ему о предложении А. Маркса „приобрести право собственности“ на сочинения М. Горького. В неопубликованном письме к А. Марксу 9 июля 1901 г. А. Чехов писал: „Сегодня я получил ответ от А. М. Пешкова — М. Горького. Он просит меня написать Вам, что сочинения его издаются фирмой «Знание», которой он вполне доволен и с которой разрывать не желает, так как находит это неудобным“.

Средины сказал мне кое что о тех условиях, на которых вы продали Марксу свои книги. — О Л. Средины см. в комментариях к письму № 13. По договору с А. Чеховым А. Маркс приобрел за 75 000 рублей право собственности на все произведения А. Чехова, при чем произведения А. Чехова, написанные после заключения договора, поступали также в собственность А. Маркса. По одному из пунктов договора — за каждый печатный

лист, переданный другому изд-ву, А. Чехов должен был платить неустойку в 5000 р. Все доходы с последующих изданий сочинений А. Чехова целиком получал А. Маркс. Несмотря на настойчивые советы М. Горького в ряде его писем к А. Чехову разрушить договор с А. Марксом, А. Чехов не сделал этого, мотивируя тем, что деньги уже получены и почти все прожиты и что „нет желания затевать это дело, воевать, хлопотать, нет ни желания, ни энергии, ни веры в то, что это действительно нужно“ (Письмо А. Чехова к М. Горькому от 24 июля 1901 г.). Когда в 1904 г. литературные друзья А. Чехова готовились к его 25-летию юбилею, ими было составлено письмо к А. Марксу с предложением расторгнуть договор с А. Чеховым, по которому уже за первый год им в несколько раз была покрыта сумма, уплаченная А. Чехову. В письме было сказано: „создав ряд крупных ценностей, которые на Западе дали-бы творцу их богатство и полную независимость, Антон Павлович не только не богат — об этом не смеет думать русский писатель — он просто не имеет того среднего достатка, при котором много порабатвавший и утомленный человек может спокойно отдохнуть без думы о завтрашнем дне. Иными словами, он должен жить тем, что зарабатывает сейчас — печальная и незаслуженная участь для человека, на которого обращены взоры всей мыслящей России, за которым, как грозный укор, стоят 25 лет исключительных трудов, ставящих его в первые ряды мировой литературы...“ (Письмо это, составленное М. Горьким и Л. Андреевым, приведено полностью в книге Н. Д. Телешова „Литературные воспоминания“, М., 1931 г.).

Передать А. Марксу это письмо, с подписями виднейших представителей литературы, искусства и науки, а также общественных деятелей, и добиться от него определенного ответа к моменту юбилейного чествования было поручено писателям Н. Г. Гарину-Михайловскому и Н. П. Ашешову. Исполнить этого намерения не удалось, так как А. Чехов, узнав каким-то путем об этом письме, категорически просил не обращаться с ним к А. Марксу.

„Знание“ — Издательское товарищество, во главе которого стоял К. П. Пятницкий. Писатели входили в изд-во полноправными пайщиками, получая весь доход с изданий своих произведений, за исключением небольших вычетов на организационные расходы. Издательством было выпущено сорок литературно-художественных сборников „Знание“, издавались собрания сочинений и отдельные книги писателей. В изд-ве „Знание“ вышла также серия научных и научно-популярных книг.

Давайте издадим Альманах — Задуманное М. Горьким издание альманаха не состоялось.

У вас, говорит Средин, есть готовый рассказ — О каком готовом рассказе А. Чехова говорил М. Горькому Л. Средин — неясно. В это время Чехов писал свой рассказ „Архиерей“, который еще не был им закончен. Рассказ „Ночь“, переделанный Чеховым из раннего рассказа „В море“, он дал в сборник „Северные цветы“ в начале 1901 г. После смерти А. Чехова, в его бумагах, в Ялте было найдено несколько написанных им в разное время, но не законченных, рассказов, напечатанных впервые после смерти писателя в сборнике „Слово“, 1914 г., № 2, и позднее вошедших в Собрание сочинений Чехова (ГИХЛ, 1933, том XII). Возможно, что речь шла о каком либо из этих рассказов.

Пьеса пока не подвигается вперед — М. Горький писал в это время пьесу „Мещане“.

Нестаров — Михаил Васильевич (р. в 1862), художник.

Приятель мой Петров-Скиталец, автор страшных стихов, все еще сидит в тюрьме — Скиталец, псевдоним писателя Степана Гавриловича Петрова (р. в 1868 г.), поэт и беллетрист. Литературную деятельность Скиталец начал в конце 90-х годов печатанием стихов, фельетонов и рассказов в волжских газетах. К этому же времени относится и знакомство его с М. Горьким. Дружеские отношения между ними возникают летом 1900 г., когда Скиталец, приехав к М. Горькому в Мануйловку с поручением издательства Курнина, по настоянию М. Горького остался у него и начал писать рассказ, который затем, при содействии М. Горького, был напечатан в журнале „Жизнь“ под заглавием „Октава“. Об этом периоде Скиталец в своих воспоминаниях о М. Горьком, напечатанных в журнале „Красная новь“, 1928 г., кн. 5 пишет так: „Его ласка, пылкая дружба и похвалы моему произведению значительно подняли мой дух, ободрили, воодушевили, вызвали к жизни мои силы. В этом было главное, чем он поддерживал меня при первых моих шагах в литературе. Благодаря ему, повесть была направлена в лучший тогдашний журнал“. М. Горький тогда же писал из Мануйловки Л. Средину (неопубликованное письмо от 26 августа 1900 г.): „Сейчас у меня живет некто Скиталец. В скором времени в Жизни будет помещен его рассказ «Октава». Почитайте. Это человек — большой души и форменный бродяга. У него только бас крепкий, а все остальное изорвано. В душе огромные трещины и из них брызжет горячий, живой романтизм“. Близкие отношения между Скитальцем и М. Горьким продолжались до 1906 г., т. е. до отъезда М. Горького за границу.

М. Горький называет Скитальца „автором страшных стихов“. Стихи Скитальца, большей частью автобиографические, в которых он говорил о себе: „я и меч и вместе пламя“, „я ненавижу глубоко, страстно всех вас, вы — жабы в гнилом болоте...“ и т. д., создали о нем среди читателей славу, как о „страшном“ поэте. Н. Телешов в своей книге „Литературные воспоминания“, М., 1931 г., писал, об эпизоде на благотворительном концерте в Москве, когда после выступления Скитальца, декламировавшего свое стихотворение: „Мой бог — не ваш бог: ваш бог прощает... А мой бог — мститель. Мой бог карает. Мой бог предаст вас громам и карам. Господь мой грянет грозой над вами, и — оживит вас своим ударом“, — в зале „буквально заревела буря“, и находившийся на вечере полицейский пристав закрыл концерт.

17 апреля 1901 г. Скиталец вместе с М. Горьким были арестованы по делу о приобретении ими мимеографа (см. письмо № 34) и заключен в Нижегородскую тюрьму. Через месяц М. Горький, после усиленных ходатайств общественности, по состоянию здоровья был выпущен из тюрьмы. Продолжавшееся заключение Скитальца, повидимому, очень тяжело переживалось М. Горьким. Тогда же он писал К. Пятницкому: „Петров сидит, и это мучает меня“. Этот период биографии М. Горького и Скитальца описан Скитальцем в его автобиографической повести „Метеор“ — в полном собрании сочинений, том VI, Изд. „Освобождение“ [1914].

36

[Август 1901 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Славный мой Антон Павлович — 75/т. найдем, это ерунда, было-бы у вас желание не дать немцу грабить вас. А грабит он — омерзительно. Я уже написал директору-распорядителю „Знания“ Пятницкому, чтобы он действовал в смысле добывания денег. Думаю, что лично вам не придется иметь с Марксом дела по уничтожению условия, вы просто выдадите Пятницкому доверенность, а он возвратит вам условие Маркса и тогда вы снова будете полным хозяином крови и плоти вашей.

С каким-бы я наслаждением оторвал пустую башку Сергеенко, втянувшего вас в эту историю! А также наслепал-бы и Маркса по лысине.

Антон Павлович — не найдете-ли вы возможным послать Константину Петровичу Пятницкому — Невский 92, контора книгоиздательства „Знание“ копию вашего условия с Марксом? Или не хотите ли, чтобы Пятницкий и я приехали к вам? Если последнее вам улыбается — телеграфируйте мне и ему, — или только мне — приедем.

Немедленно по получении вашей телеграммы подам министру прошение об отпуске и тотчас-же еду к вам.

Ольге Леонардовне — лобызаю лапы, а жена ее целует, вам-же крепко жму руку.

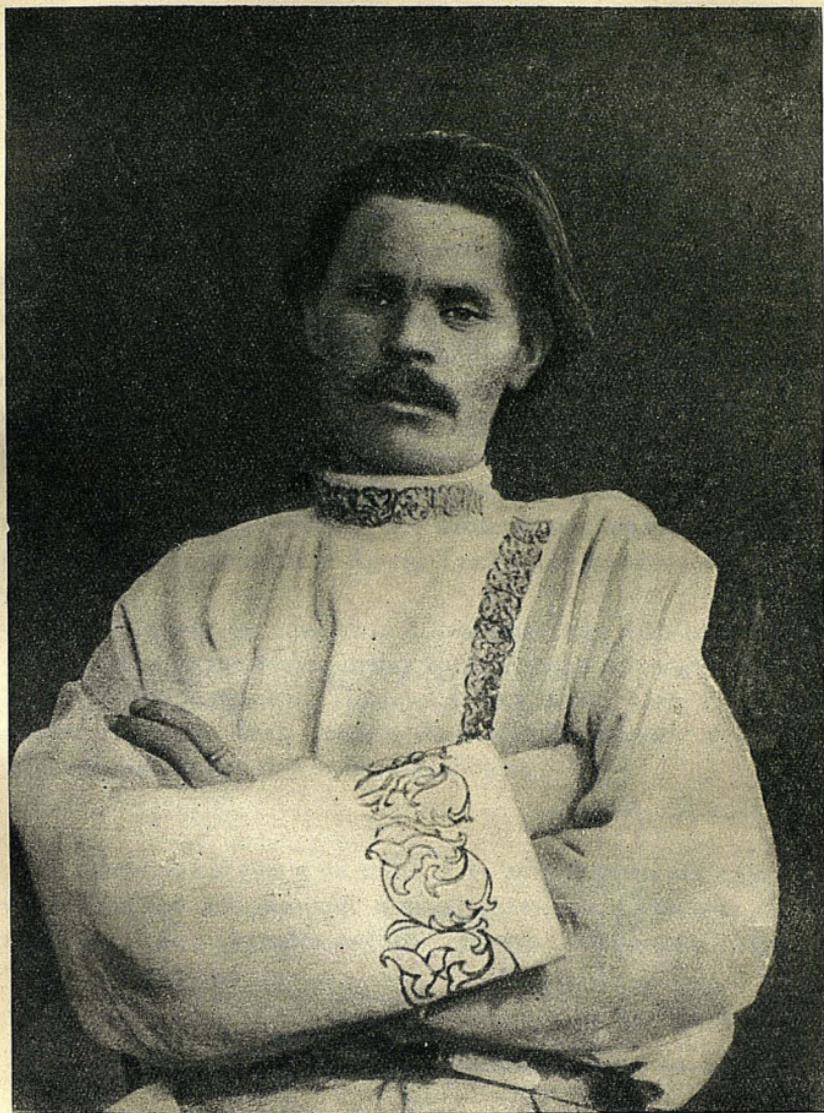
Мы здесь живем в тучах дыма, в густых тяжелых тучах, которые украли у нас солнце, воздух, дали — все! Но чувствуем себя превосходно, хотя кашляем сколько угодно.

Обнимаю вас, жду ответа.

Ваш Максимыч

Письмо на трех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице письма написано карандашом рукою А. Чехова, „1901, VIII“. — Письмо является ответом на письмо А. Чехова от 24 июля 1901 г. и относится, повидимому, к началу августа.

75/т. найдем — М. Горький предлагал А. Чехову достать деньги для возвращения их издателю Марксу — в ответ на письмо А. Чехова от 24 июля 1901 г., в котором он писал: „Деньги я уже все получил и почти все прожил, взаимы же взяты 75 тыс. мне негде, ибо никто не дает“. Подробно об этом см. в комментарии к письму № 35.

1901 г. (?) — Фото, преподнесенное А. П. Чехову
(Литературный музей им. Чехова в Таганроге)

Сергеенко — Петр Алексеевич (1854—1931), писатель; при его содействии начались переговоры А. Чехова с А. Марксом об издании собрания сочинений А. Чехова.

37

[Начало сентября 1901 г. Из Н. Новгорода в Ялгу.]

Дорогой Антон Павлович.

Департамент полиции предписал мне немедленно выехать из Нижнего в один из уездных городов губернии по моему выбору. Срока, на который высылают меня — не назначено, а потому — и еще по некоторым соображениям — могу, кажется безошибочно, быть уверенным, что весной меня отправят года на два в Вятку или Архангельск: сие обстоятельство жить мне не мешает, ничуть меня не беспокоит и вообще — чорт с ними.

Но пока, до весны, я предпочел бы пожить в Крыму, а не в Сергаче или в Лукоянове и с этой целью подал просьбу — разрешить мне поездку в Крым. Так что, — может быть скоро увидимся.

Драму пишу во всю мочь и чувствую, что она не выходит у меня. Дал слово Немировичу прислать ему в конце Сентября и хочу слово сдержать. Пока — до свидания. Ольге Леонардовне — поклон. Если видите Льва Николаевича — передайте ему мое сердечное пожелание здоровья.

Ваш А. Пешков

Пишите пожалуйста на жену, а то мои письма все еще просматриваются жандармами и задерживаются. Останусь здесь, наверное, до Октября чтобы успеть распродать вещи и собраться в путь.

А. Пешков

Письмо на двух страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице письма написано карандашом рукой А. Чехова „1901, IX“. — Дата и место написания определяются содержанием письма.

Департамент полиции предписал мне немедленно выехать из Нижнего — В сентябре 1901 г. министерство внутренних дел постановило „водворить Пешкова под гласный надзор полиции в Нижегородской губернии, вне Нижнего Новгорода, в местности по усмотрению нижегородского губернатора“.

Этому постановлению предшествовало отношение начальника жандармского управления в департамент полиции: „Представляется во всяком случае необходимым запретить Пешкову проживание в пределах Нижегородской губернии как районе фабрично-заводском, где влияние его среди рабочих вообще может выражаться в форме весьма нежелательной для общественной безопасности и порядка“. Местом ссылки М. Горького был определен уездный город Арзамас Нижегородской губернии. Отношение общественности к этому акту видно из слов В. И. Ленина в статье „Начало демонстраций“, напечатанной в „Искре“ 20 декабря 1901 г., в которой он писал по поводу провод М. Горького при поездке его в Крым в ноябре того же года: „Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло — как справедливо выразился оратор Нижегородской демонстрации — в свободном слове, содержавшем правительству высылает без суда и следствия из его родного города...“

Подаю просьбу — разрешить мне поездку в Крым — Получив постановление о назначенной ему ссылке в Арзамас, М. Горький подал прошение министру внутренних дел о разрешении ему до весны 1902 г. жить в Крыму. Министерство разрешило М. Горькому жить в Крыму — кроме Ялты — до апреля 1902 г.

Драму пишу во всю мочь — М. Горький писал в это время свою первую пьесу „Мещане“ для Моск. Художественного театра.

Лев Николаевич — Л. Н. Толстой, жил в это время в Крыму, в Гаспре.

38

[Конец сентября 1901 г. Из Н. Новгорода в Москву.]

Дорогой мой Антон Павлович!

Если-бы я раньше знал, что вы в Москве! я попросил-бы вас, — не сможете-ли вы приехать сюда, на денек? Ужасно хочется видеть вас и, к тому-же, драму я кончил, хотелось-бы чтобы вы послушали ее. В пятницу ко мне хотел приехать Немирович, если-бы и вы могли!

Ну, драма вышла крикливой, суетливой, кажется, пустой скучной. Очень не нравится она мне. Непременно, зимой-же буду писать другую. А эта не удастся — десять напишу, но добьюсь чего хочу! Чтобы стройно и красиво было как музыка.

Очень захватила меня эта форма письма. Сколько злился я, сколько порвал бумаги. И хоть ясно вижу, что все это — зря, — однако буду писать еще. Конца „Троих“ — не имею. Разгром „Жизни“ был так свиреп, что не осталось даже листочков и я должен был просить типографию, в которой печатался журнал, что-бы мне прислали хоть один оттиск. Прислали — цензурный, весь в помарках. Я отправил его „Знанию“.

„Трое“ уже напечатаны, в Октябре поступят в продажу. Напишу, чтобы немедленно прислали вам.

Я подал прошение М[инистру] В[нутренних Д[ел]], чтобы он отпустил меня в Ялту, до весны. И вместе с тем заявил местным властям, что до получения от министра ответа, из Нижнего я никуда не поеду и что если им угодно — пусть отправляют этапным порядком в Арзамас. Пока что — вняли и не трогают.

Думаю, однако, что если министр в Ялту не пустит, то они стесняться не станут и я пройду до Арзамаса пешком. Ничего не имею против.

Хворает у меня жена и очень это беспокоит меня, но в общем живу не дурно, последнее время много работал, в конце Августа канителелся с Шаляпиным. Очень он понравился мне — простой, искренний, славный парень!

Как вы здоровы? Поглядел бы на вас! Очень хочется.

Пиताю надежду, что скоро увидимся в Ялте. Если-б вы заглянули сюда! И зову вас, и боюсь звать. Ибо, во первых, дорога утомит вас пожалуй, а во вторых — противное впечатление должна произвести на вас обстановка, в которой я живу. Шумно, бестолково. А все таки, может приедете с Немировичем? Обрадовали-бы страшно!

Крепко жму руку вашу славный вы человек.

А. Пешков

Письмо на двух страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице письма слева сверху написано карандашом рукой А. Чехова: „1902, IX“. — Дата определяется содержанием письма — оно является ответом на письмо А. Чехова от 24 сентября 1901 г.

Если бы я раньше знал, что вы в Москве — С конца сентября до конца октября 1901 г. А. Чехов прожил в Москве.

Драму я кончил — Пьеса „Мещане“.

Хотел приехать Немирович — Владимир Иванович Немирович-Данченко приезжал к М. Горькому в Н. Новгород для ознакомления с его первой пьесой „Мещане“. Пьеса понравилась В. Немировичу-Данченко и была принята для постановки в Моск. Художественном театре. Об этом М. Горький писал К. П. Пятницкому: „... я... с честью выдержал предварительное испытание начинающего драматурга (берегись, Вильям Шекспир!) Говорю „с честью“ не стыдясь, ибо уполномочен моим экзаменатором сказать больше. Вл. Немирович-Данченко клятвенно уверял меня, что пьеса удалась и что сим делом заниматься я способен. Я ему верю. Он человек ... весьма и весьма

умный и со вкусом. К тому же он дал мне честное слово, что если пьеса окажется хуже, т. е. ниже меня-беллетриста, он прямо скажет мне — «не ставьте, не годится!» А сейчас он говорит, что я превысил его ожидания и т. д. Вы знаете, — три дня я его ждал и чувствовал себя мальчишкой, волновался, боялся и вообще дурачки вел себя. А когда начал читать пьесу, то делал огромные усилия для того, чтобы скрыть от Немировича-Данченко то смешное обстоятельство, что у меня дрожал голос и тряслись руки. Но — сошло!« („Ленинградская правда“, 1927, № 166).

Очень не нравится она мне — О том, что М. Горький не был удовлетворен своей пьесой „Мещане“, он тогда же писал К. П. Пятницкому: „... пьеса мне не нравится. Очень не нравится! В ней нет поэзии, вот что! В ней много шума, беспокойства, много нервов, но нет огня. Я, однако, не буду ее трогать, черт с ней! Я написал ее в 18 дней и больше не дам ей ни одного часа, ибо овчинка не стоит выделки. К черту!“

Конец „Троих“ не имею — В виду прекращения журнала „Жизнь“ с мая 1901 г., повесть М. Горького „Трое“, печатавшаяся в журнале, не была закончена. В сентябре этого же года повесть „Трое“ вышла отдельной книгой в издательстве „Знание“.

Разгром Жизни был так свиреп, что не осталось даже листочков — Перед закрытием „Жизни“ в редакции был произведен обыск, во время которого погибло много материалов редакции.

Шалапин — Летом 1901 г. Ф. Шалапин был в Н. Новгороде, где выступал в Народном Доме.

Спасибо за письмо, Антон Павлович!

Я очень обрадовался, когда прочитал его и особенно, ужасно доволен вашими указаниями! Дело в том, видите-ли, что пьеса мне не нравится, совсем не нравится, но до вашего письма я не понимал — почему? — только чувствовал, что она груба и неуклюжа.

А теперь я вижу, что действительно Тетерев слишком много занимает места, Елена — мало, Нил — испорчен резонерством. А хуже всех старик. Он ужасно нехорош, так что мне даже стыдно за него.

Но в скорости я увижу вас! Мне разрешили жить до апреля в Крыму — кроме Ялты. Выезжаю отсюда около 10-го числа и поселюсь гденибудь — в Алушке или между ею и Ялтой. Буду, потихоньку от начальства, приезжать к вам, буду — так рад видеть вас! Я знаете, устал очень за это время и рад отдохнуть. Затеваю еще пьесу.

Написал Ярцеву письмо с просьбой подыскать мне какую-нибудь квартиру, заканчиваю здесь свои делишки, распродаю имущество и еду!

А пока — всего доброго вам, всего хорошего! Писать не буду больше, потому что голова у меня болит и в ней какая-то путаница.

Крепко жму руку. Поклонитесь всем знакомым.

А. Пешков

Письмо на полутора страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице письма написано карандашом рукой А. Чехова: „1901, X“. — Дата письма определяется его содержанием — письмо написано в ответ на письмо А. Чехова от 22 октября 1901 г. и перед поездкой в Крым, в начале ноября этого года.

Пьеса мне не нравится, совсем не нравится, но до вашего письма я не понимал — почему? — Речь идет о пьесе М. Горького „Мещане“, которую он написал для Моск. Художественного театра. Три законченных акта пьесы М. Горький послал на просмотр А. Чехову. В письме М. Горькому 22 октября 1901 г. А. Чехов писал: „Она, как я и ждал, очень хороша, написана по-горьковски, оригинальна, очень интересна и, если начать с того, что говорить о недостатках, то пока я заметил только один, недостаток непоправимый, как рыжие волосы у рыжего — это консерватизм формы. Новых, оригинальных людей Вы заставляете петь новые песни по нотам, имеющим подержанный вид... Центральная фигура пьесы — Нил сильно сделан, чрезвычайно интересен! ... Только роль Нила, чудесную роль, нужно сделать вдвое-втрое длинней, ею нужно закончить пьесу, сделать ее главной. Только не противопоставляйте его Петру и Татьяне, пусть он сам по себе, а они сами по себе... Когда Нил старается казаться выше Петра и Татьяны и говорит про себя, что он молодец, то пропадает элемент, столь присущий нашему рабочему порядочному человеку, элемент скромности. Он хвастает, он спорит, но ведь и без этого видно, что он за человек... Тетерев говорит слишком много, таких людей надо показывать кусочками... Елену заставьте обедать в 1 акте со всеми, пусть сидит и шутит, — а то ее очень мало, и она не ясна...“

Мне разрешили жить до Апреля в Крыму — кроме Ялты — После освобождения М. Горького из тюрьмы в мае 1901 г. и окончания „домашнего ареста“ ему была назначена ссылка в г. Арзамас. В виду обострившегося туберкулезного процесса министерство внутренних дел разрешило М. Горькому до апреля 1902 г. жить в Крыму (кроме Ялты), куда он и выехал 7 ноября 1901 г.

[Конец ноября 1901 г. Из Олеиза в Ялгу.]

Дорогой Антон Павлович!

Будьте добры — пришлите завтра утром мой вид на жительство. Сегодня я не мог быть у вас, ибо решался вопрос о квартире. Завтра буду около 2-х часов или когда вам удобнее.

А. Пешков

Записка на полстранице почтовой бумаги обычного формата. Не датирована. Сверху написано карандашом рукой А. Чехова: „1901, XI“. — Дата и место написания записки определяются ее содержанием.

Пришлите завтра утром мой вид на жительство. — М. Горький, по приезде в Крым, где министерство внутренних дел разрешило ему поселиться временно „кроме Ялты“, до подыскания квартиры в окрестностях Ялты остановился у А. Чехова в Аутке. В письме к О. Книппер от 17 ноября 1901 г. А. Чехов писал: „А. М. здесь, здоров. Ночует он у меня, и у меня прописан. Сегодня был становой“. И через два дня писал ей снова: „Сейчас становой спрашивал в телефон, где Горький“. После 20 ноября М. Горький нанял дачу в Олеизе, где и поселился на всю зиму.

[Конец декабря 1901 г. Из Олеиза в Ялгу.]

Дорогой Антон Павлович!

Читали „Волшебный фонарь“ Ганейзера в „Пет[ербургских] Вед[омостях]“ от 25? Удивительно нелепо и пошло, никогда, за всю жизнь не читывал подобной ерунды. Чувствую в ней что-то нехорошее — но не могу понять — что?

Послушайте: вам с Марьей Павловной нельзя приехать в Олеиз встречать новый год? Ночуете здесь, устроим вас хорошо, покойно. Будет у меня Миролюбов петь, Алексин, Магит, Балабан, Гольденвейзер, Средины, Ярцевы и больше никого.

Приезжайте, если это возможно, закутайтесь хорошенько и валяйте. Если да — сообщите в Олеиз по телефону.

А. Чехов и М. Горький в Ялте, по дороге в Аутку. — Фото (Дом-музей им. Чехова в Ялте)

Кланяюсь вашей маме, а Марии Павловне передайте записочку.

А. Пешков

Письмо на полутора страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице письма сверху посредине написано карандашом рукою А. Чехова: „1901, XII“. — Дата и место написания письма определяются его содержанием.

„*Волшебный фонарь*“ *Ганейзера* — статья Евгения Ганейзера о М. Горьком и А. Чехове. „Волшебный фонарь“ с подзаголовком — Святочная фантазия — напечатана в газете „Петербургские ведомости“, № 354, 1901 г., 25 декабря, стр. 2—3.

Мария Павловна — М. П. Чехова, сестра А. Чехова.

Маит, Семен Наумович — частный поверенный в Ялте. Близко соприкасался с писательской средой, находившейся в Ялте.

Балабан — Г. И. (р. 1864), доктор и артист. О нем А. Чехов писал в письме к О. Книппер-Чеховой 31 декабря 1901 г.: „У нас в Ялте появился новый артист, некий доктор Балабан. Писал я тебе о нем? Читает великолепно, мои рассказы жарит прямо наизусть. И актер, повидимому, хороший, настоящий“.

Гольденвейзер — Александр Борисович (р. 1875), пианист, профессор Московской консерватории, автор известной книги о Л. Н. Толстом „Вблизи Толстого“, „Коопер. изд-ство“, том I, 1922, том II, 1923.

Средины — семья д-ра Л. В. Средина.

Ярцевы — семья художника Ф. Ярцева.

[Январь 1902 г. Из Олениза в Ялту.]

Дорогой Антон Павлович!

„Южное Обозрение“ печатает, что вы на днях даёте ему ваш рассказ. Если это правда — давайте мне, а не „Южн[ому] Обзор[ению]“. Я устрою так, что ваш рассказ в один и тот же день будет помещен в „Курьере“, „Южн. Обоз.“, „Самар[ской] газете“, Нижегородском Листке и Северном Крае, а вы со всех этих изданий получите гонорар. Между этими газетами существует соглашение, которое обязывает их делиться друг с другом хорошей беллетристикой. Очень хочется поехать к вам, но пока — не могу. Нужно предварительно выяснять

мотивы, по которым Ялтинский исправник вздумал взять с меня подписку о невыезде из Олеиза.

Ответьте о рассказе.

Ваш А. Пешков

Письмо на одной странице почтовой бумаги большого формата. Не датировано. Сверху написано карандашом рукою А. Чехова: „1902, I“. — Дата и место написания письма определяются его содержанием.

„Южное Обозрение“ печатает, что вы на днях даёте ему ваш рассказ — Среди неопубликованных писем к А. П. Чехову имеется письмо заведующего редакцией „Южного обозрения“ А. Ланде (А. С. Изгоева) от 13 декабря 1901 г., в котором он просит Чехова, хотя бы изредка, сотрудничать „в Южном обозрении“. А. Ланде упоминает также о соглашении, существующем между некоторыми газетами, о которых пишет М. Горький А. Чехову. 9 января 1902 г. в „Южном обозрении“ было напечатано: „А. П. Чехов изъявил свое согласие принимать участие в „Южном обозрении“ и обещал в непродолжительное время прислать свой рассказ“. Однако рассказ А. Чехова в этой газете не был напечатан.

43

[Февраль 1902 г. Из Олеиза в Ялту.]

Антон Павлович!

Рекомендую вам Василия Яковлевича Богучарского. Ему нужно с вами поговорить.

А. Пешков

Записка на четвертушке почтовой бумаги большого формата. Сверху написано карандашом рукою Чехова „1902, II“. — Дата этой записки может быть определена только на основании этой пометки Чехова. В феврале 1902 г. М. Горький жил в Олеизе.

Василий Яковлевич Богучарский — Литературный псевдоним В. Я. Яковлева (1861—1915), журналиста и историка революционного движения.

44

[Май 1902 г. Из Арзамаса в Ялту.]

Вот я и в Арзамасе, дорогой друг Антон Павлович!
Любуюсь церквями — их здесь 36 штук! а о жителях слышал, что они меня боятся и будто-бы по поводу появления

моего говорят так: „вот не было печали, так черти накачали! пойдут теперь и у нас прокламации с революциями“. Никто ко мне, — кроме разных людей низкого звания — не ходит, опасаясь, что визит такой может наложить пятно неблагонадежности, а я этому рад. Живу себе, да дрова колю, для гимнастики. Кажется, много буду писать, хотя еще не начинал.

Тихо здесь, спокойно, воздух хороший, множество садов, в садах поют соловьи и прячутся под кустами шпионы. Соловьи во всех садах а шпионы, кажется, только в моем. Сидят во тьме ночной под окнами и стараются усмотреть, как я крамолу пушаю по России, а не видя сего — побряхтывают и пугают домашних моих.

Честь и слава министерству внутренних дел! Как неумоимо оно обращает на меня внимание обывателей русских! В Арзам[асе] публика начала почитать Горького из таких соображений: „надо почитать его, чорт возьми! А то узнает как нибудь что не читали, скажет — невежды“. И покупают книжки, бедные люди! А мне то и на руку. Вообще здесь очень любопытно жить, давно уж я не видел так много тупых и наивных людей в одном месте. Приезжайте! У нас огромный дом, что-то около 12 комнат, а если найдете, что здесь жарко, пыльно и скучно, — мы вас отправим в Понетаевский монастырь — чудное место верстах в 20. Есть там река рыбная, пруды, сады и 700! монашек. Подумайте — 700! А то поедете в Саровскую пустынь, тоже великолепное место, — бор сосновый там — удивительный! Здесь, у нас в Ар[замасе] есть река Теша, в ней мальчишки с большим успехом ловят окуней, щурят и карасиков. Возьмем мы с вами лодку, я буду вас возить по реке, а приедете на рыбное место — я буду книжку читать, а вы — дожидаться, пока окунь клюнет. Милое житье, ей Богу! Молоко здесь хорошо очень, и много дичи. Мы все дупелей едим, да рябчиков. Дешево!

Приезжайте-ка! И заберите тетю Ольгу с собой, она-бы роли свои готовила и здоровья нагуливала себе вместе с моей пищеобразной женой.

Зажили-бы мы расчудесно! В саду, под старой липой, повесим гамаки и, лежа в них, в небеса арзамасские молча смотреть будем. И еще многие другие удовольствия изобразим. В случае, если серьезно надумаете ехать сюда — вышлю в Нижний жену навстречу вам.

А тете Ольге скажите вот что: о карточке моей для Иксуль писала она, так у меня нет такой карточки. Снимал меня в этом виде Алушкинский фотограф, по фамилии Виноградов или Пономарев — не помню. Но их в Алушке двое — узнать можно. Так что самой О[льге] Л[еонардовне] легче достать эту карточку, чем мне, можно даже по телефону все это обработать. Потом — карточку эту привезти сюда, если поедете, а не поедете — так уж прислать. Ну, всего доброго, пока. Очень жду ответа. Всего краше будет, если вместо ответа вы сами поедете сюда. Правом же — вам надо уехать из этого дурацкого места, ведь надоело! А жена просит написать вам, что и кухарка у нас хорошая — ее приглашают стряпать в монастыри, когда приезжает архиерей. Вот как! Клятвенно уверяю вас, здесь во всех отношениях лучше, чем у вас, только моря нет. Но зато есть пруды и в них такие лягушки, что диву даешься! Со светлейшего князя Ливена величиной — право!

Кланяйтесь ялтинцам. Всем шлю низкие поклоны и всех желал бы видеть в Арзамасе — не под надзором полиции, впрочем, ибо я не злобив.

Крепко жму руку.

А. Пешков

А ведь занятно на земле жить, ей Богу! Тете Ольге — доброго здоровья поскорее, а потом — желания ехать сюда. И вам того-же.

Так как я ожидаю некоторых неожиданностей, то, — в случае ежели оные произойдут, — жена своевременно известит вас об этом.

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице письма написано карандашом рукою Чехова „1901, V“. — Дата и место написания письма определяются его содержанием.

Вот я и в Арзамасе — По возвращении из Крыма, М. Горький 5 мая 1902 г. выехал в ссылку в Арзамас (см. комментарий к письму № 37).

О жителях слышал, что они меня боятся — В своих воспоминаниях о Л. Андрееве М. Горький, останавливаясь на этом периоде своей жизни в Арзамасе, пишет: „Полицейского поставили прямо под окно мне, и он с бесцеремонностью заглядывал в комнаты, когда находил нужным. Все это очень напугало горожан, и долгое время никто из них не решался зайти ко мне“. И дальше: „Мудрое арзамасское начальство, строжайше запретив земским и городским служащим людям посещать меня, учредило, на страх им, полицейский пост прямо под окнами моей квартиры“.

Тетя Ольга — Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, артистка Моск. Художественного театра, жена А. Чехова.

Иксуль — баронесса Варвара Ивановна Иксуль фон-Гильдебранд. Занимаясь некоторое время литературой (ее роман был напечатан в „Северном вестнике“), познакомилась с либеральными и радикальными литературными кругами. Обладая большими связями в бюрократических сферах, Иксуль оказывала иногда услуги литераторам, навлекшим на себя неудовольствие властей. М. Горький познакомился с Иксуль в 1900 г. на пароходе по пути из Васильсурска в Козьмодемьянск.

45

[Июнь 1902 г. Из Арзамаса в Москву.]

Приехал ко мне Баранов и сообщил, что вы думаете ехать на Волгу. Ко мне от Нижнего семь часов езды по железной дороге, по очень скверной дороге! Но у нас есть сад, с огромной липой в нем, а под этой липой мы пьем чай, дважды в день. И есть у нас четыре пустых комнаты, назначены они для вас. Пустые они потому только, что не заняты, а кровати, столы и все, что требуется — в них есть. Река Теша — хорошая река и рыбы в ней — сколько вам угодно! Серьезно! Выкупавшись, я подолгу сижу на берегу и наблюдаю, как в воде гуляют окуни, язи и прочие синьоры. Очень интересно! Окрестности — мне ужасно нравятся: равнина широкая, зеленая, усеянная селами. Тишина здесь — великолепная! Воздух доброкачественный. Земляники и молока — сколько хотите!

Я уверен, что и вам, и тетеньке Ольге — было-бы совсем не вредно посууществовать здесь с месяц времени и покормиться от благ земли арзамасской. Так что вы подумайте! И, подумав, телеграфируйте: едем, мол!

А Баранов этот глуп. Так глуп, что право редко бывают эдакие экземпляры. Порет он мне разную скверную чушь о театре и хотя я его ежедневно крепко ругаю, доказывая ему, что он и дурак, и ничтожество, однако на него сие не действует. Очень вероятно, что мне придется обидеть его.

Повидаться с вами — очень хочется. Скоро пришлю вам пьесу — сообщите куда?

Относительно Плеве и забот его обо мне — не верится как-то. Но поживем — увидим. Здесь воюю с полицией, чем никогда не занимался. Некий полицант Данилов, всего только

пристав, захотел показать мне сколь он сильный человек на земле арзамасской и вот однажды, нахальнейшим образом, ввалился ко мне в квартиру и стал, не менее нахально, спрашивать кто у меня в гостях? Здравствуйте! Я говорю ему, что вы, голубчик, излезьте вон от меня, а ежели имена гостей вас интересуют, так ступайте в гостинницу, где гости эти живут, да там о них и справьтесь. Но оный грозный и мудрый представитель власти закричал на меня, что он имеет право входить в обиталище мое во всякое время дня и ночи и даже — захочет — произведет обыск своею властью. Ушел. И несмотря на то, что гости жили в Арзамасе трое суток, в гостиннице о них там и не справлялся. А недавно удрал штуку еще лучше: Вера Кольберг, живущая у нас, по случаю крайне тяжкого положения болезни ее брата была вызвана телеграммой в Нижний, где у них аптека. Заявила о необходимости ехать исправнику и — поехала. А на вокзале подходит к ней Данилов и говорит: почему разрешению едете? Она объясняет. Но Данилов кричит: „извольте выйти вон из вагона!“ Вот как упиваются властью в Арзамасе и вот какими пустяками приходится мне заниматься. Жалуюсь крупным властям, знаете, но — пока милости от них не вижу. Под окнами моими гуляет полицейский, а изредка проезжает и САМ Данилов, верхом на коне, при этом он зорко и внимательно всматривается в нутро моей обители, очевидно желая знать — как успешно делаю я революцию, конституцию и прочие не съедобные вещи. Курьезно, но и возмущает.

Повторяю: приезжайте под надзор Данилова! Здесь все, — кроме его, хорошо!

Жена кланяется. Я тоже.

Крепко жму руку.

А. Пешков

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице письма написано карандашом рукой А. Чехова „1902, VI“. — Дата и место написания определяются содержанием письма — оно написано в ответ на письмо А. Чехова от 2 июня 1902 г.

Баранов — Повидимому, артист Московского художественного театра — Н. А. Баранов, который играл в пьесах М. Горького „Мещане“ и „На дне“ роли Тетерева и Кривого Зоба.

Скоро пришло вам пьесу — М. Горький заканчивал работу над своей пьесой „На дне“.

Относительно Плева и забот его обо мне — не верится как-то — В. К. Плева (1846—1904) — министр внутренних дел и шеф жандармов. А. Чехов в письме М. Горькому от 2 июня 1902 г. писал: „На днях я виделся с одним господином, который знаком с Плева и знает его; говорил он, что скоро Вас освободят от надзора. Насколько это верно, судить не берусь...“

Вера Кольберг — Вера Николаевна Кольберг, товарищ М. Горького по революционной работе. Была арестована по делу о приобретении мимеографа (см. комментарий к письму № 34), который в 1901 г. был послан М. Горьким и Скитальцем на ее имя. Жила у М. Горького в Арзамасе под видом воспитательницы его детей.

46

[Вторая половина июля 1902. Из Арзамаса в Москву.]

Дорогой друг Антон Павлович!

Прочитав пьесу, пожалуйста, возвратите мне ее поскорее, ибо я еще должен кое что поправить.

Очень хочется быть на репетициях, прошу Вл[адимира] Ив[ановича] и Кон[стантина] Сер[геевича] похлопотать об этом у Моск. ген[ерал] губернатора.

Очень кланяюсь Ольге Леонардовне и крайне опечален ее болезнью. Я так рассчитываю на нее, хорошо-бы, если-бы она взялась играть Василису!

Прочитав, вы сообщите, кроме того, как найдете пьесу и о том кому-бы, по вашему мнению, кого играть.

Крепко жму руку!

А. Пешков

У меня Алексин.

Славный этот парень, как жаль, что вы мало знаете его! Хорошая душа!

Вот что: сапожник из села Борисполя, Полтавской губернии просит вас прислать ему книжку вашу, в которой напечатан рассказ „Хамелеон“. Он, сидя в вагоне, слышал, как публика, читавшая этот рассказ и другие — хвалила ваши произведения и вот, не зная вашего адреса, написал мне, чтобы я попросил вас послать ему книжку и ваш портрет. Бедный он, большая семья. Пошлите ему, а?

— Книжки, данные вами мне, я отдал Татариновой переплести и до сей поры не могу получить, несмотря на письма, телеграммы и прочее.

Чорт знает что такое!

А. П.

Письмо на четырех страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице написано карандашом рукой А. Чехова „1902, VII“. — Дата определяется содержанием письма: А. Чехов получил пьесу М. Горького в июле 1902 г.

Прочитав пьесу — По просьбе А. Чехова М. Горький выслал ему рукопись своей пьесы „На дне“ (первоначальное заглавие: „На дне жизни“).

Прошу Вл. Ив. и Кон. Сер. похлопотать — М. Горький просил А. Чехова передать руководителям Моск. Художественного театра его просьбу похлопотать перед Моск. генерал-губернатором о разрешении приехать ему в Москву на репетиции пьесы „На дне“.

Прочитав, вы сообщите, кроме того, как найдете пьесу и о том, кому бы, по вашему мнению, кого играть — А. Чехов ответил М. Горькому 29 июля 1902 г. „... Пьесу Вашу я прочел. Она нова и несомненно хороша. Второй акт очень хорош, это самый лучший, самый сильный и я, когда читал его, особенно конец, то чуть не подпрыгивал от удовольствия. Настроение мрачное, тяжкое, публика с непривычки будет уходить из театра и Вы во всяком случае можете проститься с репутацией оптимиста. Жена моя будет играть Василису, распутную и злую бабу, Вишневский ходит по дому и изображает татарина — он уверен, что это его роль. Луку — увы! — Артему нельзя давать, он повторится в ней, будет утомляться; за то городского отдела чудесно, это его роль, сожительница — Самарова. Актер, который очень удался Вам, роль великолепная, ее надо отдать опытному актеру, хотя бы Станиславскому. Барона сыграет Качалов...“

Хорошо бы, если бы она взялась играть Василису — Вначале предполагалось, что О. Книппер будет играть в пьесе „На дне“ роль Василисы. В этой пьесе она выполняла роль Насти. Об исполнении О. Книппер этой роли М. Горький писал А. Средину 12 января 1903 г.: „Эх, как Сльга Леонардовна в моей пьесе играет! Гениально-с! Да!“

Прислать ему книжку вашу, в которой напечатан рассказ „Хамелеон“ — Рассказ А. Чехова „Хамелеон“ напечатан в сборнике рассказов А. Чехова „Пестрые рассказы“, изд. А. Суворина, и во втором томе Собрания сочинений, изд. А. Марксом.

Татаринова — Ф. К. Татаринова, ялтинская жительница, знакомая А. Чехова и М. Горького. В качестве любительницы занималась художественным переплетом книг.

[Начало августа 1902 г. Из Арзамаса в Ялту.]

За четвертый акт — не боюсь. И — ничего не боюсь, вот как! В отчаянность пришел.

Ах, если б меня пустили в Москву!

До чортиков хочется видеть вас и быть на репетиции вашей пьесы. И своей. И видеть всех людей, людей, которые ходят быстро, не носят галстуков, от которых глаза слепнут, и говорят о чемнибудь еще, кроме солонины, поведения докторовой жены, игры в бб или ббб. Надоело мне здесь. В голове у меня звонят 36 колоколен, а грудь — хрипит как немазаная телега. Аппетит — отвратительный. Пью мышьяк.

Жду Немировича, кой хотел приехать числа 10-го. Не знаете ли где Шаляпин? Хоть бы он мне денег в заем дал, я бы выпросился у губернатора на ярмарку и кутнул бы во славу божию и в честь древнего города Нижнего. Теперь я не пью, кроме молока, никаких противных жидкостей.

Если меня отсюда осенью не выпустят, я влюблюсь в горничную податного инспектора, что живет против нас, увлеку ее на самую высокую из городских колоколен и брошусь вниз оттуда, вместе с ней, конечно. Это будет — „трагическая смерть М. Горького“. Или — здесь есть дама, которая ходит в конфедератке, с хлыстом в руке и собакой на цепи; при встрече с „поднадзорным“ она делает презрительное лицо и отвертывается в сторону. Так вот я возьму эту даму за левую ногу и выкупаю ее в вонючем пруде „Сороке“, а потом заставлю съесть годовой экземпляр „Московских ведомостей“ — без объявлений казенных, уж бог с ней! Всякую тварь жалеть надобно. Это будет „зверский поступок М. Горького“. Вообще — я „дам пищу газетам“, если меня отсюда не уберут.

Дождь идет, чорт его дер! Собаки воют, вороны каркают, петухи поют, колокола звонят, а людей — нет! По улицам ходят одни попы и ищут кого бы похоронить, хоть за 30 коп.? Горничная податного инспектора — единственная интересная женщина на все 10 000 жителей, но, она, чертовка, с таким усердием служит Амуру, что ее, наверное, поклонники разорвут на кусочки или Венера оторвет ей нос.

Недавно рядом со мной повесился сапожник. Ходил я смотреть на него. Висит и показывает публике язык, дескать — что? Я, вот, улизнул от вас, а вы, ну-те-ка! поживите-ка! А его квартирная хозяйка — плачет, он ей одиннадцать рублей с пятиалтынным не отдал.

Ух, скучно! Точно зимой в воде, так и щиплет со всех сторон, так и давит. Супружнице земно кланяюсь. Василису — она? Я рад. Очень я этого желал.

Ну, до свидания!

Крепко жму руку.

Спасибо вам!

А. Пешков

Письмо на двух страницах почтовой бумаги большого формата. Не датировано. На первой странице письма написано карандашом рукою А. Чехова „902, IX“. — Дата письма определяется его содержанием.

За четвертый акт — не боюсь — А. Чехов писал М. Горькому в письме от 29 июля 1902 г.: „Из IV акта Вы увели самых интересных действующих лиц (кроме актера), и глядите теперь, чтобы чегонибудь не вышло от этого. Этот акт может показаться скучным и ненужным, особенно если с уходом более сильных и интересных актеров останутся одни только средние. Смерть актера ужасна; Вы точно в ухо даете зрителю, ни с того ни с сего, не подготовив его. Почему барон попал в ночлежку, почему он есть барон — это тоже не достаточно ясно...“

Жду Немировича, кой хотел приехать числа 10-го — В. Немирович-Данченко приезжал к М. Горькому в Арзамас в августе 1902 г. для ознакомления с его пьесой „На дне“.

48

[19 декабря 1902 г. Из Москвы в Ялту.]

Артисты и друзья Московского Художественного театра празднуют полный успех пьесы *На дне* шлют по предложению Максима Горького радостный сердечный привет горячо любимому Антону Павловичу.

Телеграмма.

18 декабря 1902 г. состоялась первая постановка пьесы М. Горького „На дне“ в Моск. Художественном театре. „Успех пьесы был исключительный“, — писал об этом спектакле М. Горький К. Пятницкому 21 декабря 1902 г.

В своей книге „Моя жизнь в искусстве“ К. Станиславский называет успех этого спектакля „потрясающим“.

Артист В. Лужский, игравший в пьесе „На дне“ роль Бубнова, писал в своих воспоминаниях: „Вечер Художественного театра 18 декабря 1902 года старого стиля один из самых примечательных его вечеров, редкий, исключительный не только в истории МХАТ, но и русского театра, русской драматургии“.

49

[Октябрь, 1903 г. из Н. Новгорода в Ялту.]

Дорогой Антон Павлович.

Вы — помните? — обещали дать рассказ для сборника „Знание“. Это дело — дело издания сборника — идет к концу. Андреев, Бунин, Вересаев, Чириков, Гусев написали, я скоро напишу. Очень-бы хотелось, чтобы вы приняли участие. Можно-ли надеяться? Скоро — конец Октября. Будьте добры ответить.

Здесь снег. Хорошо. Ездят на санях. Как ваше здоровье? Что — кончили „Виш[невый] сад“?

Крепко жму руку.

А. Пешков

Письмо на одной странице почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. Сверху написано карандашом рукою А. Чехова „1903, X“. — Дата и место написания письма определяется его содержанием.

Обещали дать рассказ для сборника „Знание“ — Речь идет об издании первого сборника т-ва „Знание“, который вышел в 1904 г. В этом сборнике рассказа А. Чехова не было.

Андреев, Бунин, Вересаев, Чириков, Гусев написали — Л. Андреев поместил в первой книге сборника „Знание“ повесть „Жизнь Василия Фивейского“, И. Бунин — рассказ „Чернозем“ и семь стихотворений, В. Вересаев — рассказ „Перед завесой“, С. Гусев-Оренбургский — рассказ „В приходе“. Рассказа Е. Чирикова не было напечатано. Его рассказ „На порухах“ напечатан во втором сборнике „Знание“.

Я скоро напишу — Для первого сборника „Знание“ М. Горький написал рассказ „Человек“.

Что — кончили „Вишневый сад“ — А. Чехов закончил работу над своей пьесой „Вишневый сад“ к середине октября 1903 г.

50

[Октябрь 1903 г. из Н. Новгорода в Ялту.]

Дорогой Антон Павлович.

Ольга Леонардовна вероятно уже написала вам, что сборник будет благотворительный — 10% прибыли мы отчислим в пользу Нижегородского общества взаимопомощи учащихся на постройку общежития для детей учителей.

Это отчисление в счет гонорара авторам не входит.

Я очень рад, что ваша пьеса выйдет в нашем сборнике, очень рад.

В Ноябре — около половины — буду в Москве, значит — увижу вас. Это тоже хорошо.

Ну, а пока всего хорошего вам и здоровья.

Ваш А. Пешков

Письмо на двух страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице написано карандашом рукою А. Чехова „1903, X“. — Дата письма определяется его содержанием.

Сборник будет благотворительный — Речь идет о втором сборнике „Знание“, для которого А. Чехов дал свою пьесу „Вишневый сад“. По договору с издателем А. Марксом (см. комментарий к письму № 35) он имел право давать свои произведения только в благотворительные сборники.

В ноябре — около половины — буду в Москве, значит — увижу вас — В ноябре собирался в Москву и А. Чехов для участия в репетициях своей пьесы „Вишневый сад“ в Моск. Художественном театре. Как видно из печатаемого ниже письма, в этот приезд М. Горького и А. Чехова в Москву они не встречались.

51

[14 ноября 1903 г. Из Н. Новгорода в Ялту.]

Восемнадцатого буду Москве проездом Петербург пожалуй-ста телеграфируйте чтобы мне дали пьесу желаю всего хорошего.

Пешков

Телеграмма.

Телеграфируйте чтобы мне дали пьесу — Рукопись пьесы А. Чехова „Вишневый сад“ находилась в Моск. Художественном театре. М. Горький должен был получить ее для напечатания во втором сборнике „Знание“.

[Декабрь 1903 г. Из Н. Новгорода в Москву.]

Посылаю Вам, дорогой Антон Павлович, письмо, полученное мною для вас.

Пишет очень курьезный и интересный парень, если вы пошлете ему парочку ваших книг — это приведет его в неистовый восторг.

Я так и не успел зайти к вам в Москве, каюсь и извиняюсь, но было так некогда, столько разных поручений лежало на мне в этот приезд, что, право, я не имел ни куска свободного времени.

В Январе вновь явлюсь и уже сей раз „для разгулки времени“.

Пойду на Шаляпинский бенефис, на выставку союза художников — вообще буду вести жизнь рассеянную. Устал я, как старик и не совсем здоров, болит башка и грудь болит. А тут еще надо работать, на это нет времени.

Все мечтаю нанять лодку, уехать на средину океана и, сидя там в одиночестве, удить ершей.

Не люблю рыбной ловли, но — что поделаешь.

Крепко жму руку.

А. Пешков

Да, — к вам у меня покорная просьба:

к вам обратится московское о-во помощи учащимся женщинам с просьбой дать рассказец в сборник, издаваемый этим о-м для построения общежития.

Присоединяю и мою покорную просьбу — дайте что-нибудь. Дело хорошее и сборник будет интересный. Напечатаем у „Знания“ тысяч 30—40.

Затем желаю вам всей душой бодрости духа и доброго здоровья.

А. П.

Письмо на трех страницах почтовой бумаги обычного формата. Не датировано. На первой странице написано чернилами рукой А. Чехова „1903, XII“.

Письмо, полученное мною для вас — О каком письме идет речь неизвестно.

Пойду на Шалапинский бенефис, на выставку союза художников — Бенефис Ф. Шалапина состоялся в Моск. Большом театре 16 января 1904 г. Выставка союза русских художников была в Моск. Строгановском училище с 22 декабря 1903 г. по 11 января 1904 г.

К вам обратится московское о-во помощи учащимся женщинам — В архиве А. Чехова письма Московского общества помощи учащимся женщинам не имеется. Сборник в пользу этого общества издательством „Знание“ не издавался.

53

[2 июня 1904 г. Из Петербурга в Москву.]

Просим поставить Марксу условие не выпускать пьесу раньше конца года.

Пешков. Пятницкий.

Телеграмма.

Во время печатания пьесы А. Чехова „Вишневый сад“ в сборнике „Знание“ А. Маркс печатал ее отдельным изданием. М. Горький и К. Пятницкий просили А. Чехова поставить А. Марксу условие не выпускать пьесу отдельным изданием до выхода сборника. Как видно из неопубликованного письма К. Пятницкого А. Чехову это условие А. Марксом не было выполнено: „Не успел второй сборник поступить в магазины, — писал К. Пятницкий, — как Маркс выпускает «Вишневый сад» отдельной книгой — по 40 к. Об этом напечатаны сотни тысяч объявлений в «Ниве» и крупных газетах. Значит он печатал пьесу одновременно с нами, — еще когда мы боролись с цензурой“.

П. А.